

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ

Кафедра философии, истории и иностранных языков

А.В. Дунаева

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие

**для студентов, обучающихся по программам среднего
профессионального образования**

Пенза, 2022

УДК 82+908(075)

ББК 83(я75)

Д 83

Печатается по решению методической комиссии факультета СПО (колледж) ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ от 21 ноября 2022 г., протокол № 16

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Управление, экономика и право» ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ
Н.Н. Сологуб

Дунаева Анна Владимировна

Д 83

Родная литература: учебное пособие для студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования
/ А.В. Дунаева. – Пенза: ПГАУ, 2022. – 240 с.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, и охватывает все разделы дисциплины «Родная литература». В нем раскрыты вопросы, связанные с историей литературы Пензенского края, начиная с XVIII века и до наших дней. Пособие подготовлено в соответствии с действующими федеральными государственными образовательными стандартами.

УДК 82+908(075)

ББК 83(я75)

© А.В. Дунаева, 2022

© ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Раздел 1. Культура Пензенского края в XVIII веке.....	9
Вигель Филипп Филиппович, «Записки» (<i>отрывок</i>)	11
Державин Гаврила Романович.....	14
Долгорукий Иван Михайлович.....	16
«Как князь И.М. Долгорукий прославил Пензу в Париже»...	17
Долгорукий И.М. «Камин в Пензе» (<i>фрагменты</i>).....	18
Крылов Иван Андреевич.....	20
Крылов И.А. «Свинья под дубом».....	21
Радищев Александр Николаевич.....	22
Задания для закрепления материала.....	23
 Раздел 2. Культура Пензенского края в первой половине XIX века.....	 25
Аксаков Сергей Тимофеевич.....	27
Белинский Виссарион Григорьевич.....	27
Белинский В.Г. «Литературные мечтания» (<i>фрагменты</i>).....	29
Буслаев Федор Иванович.....	32
Вяземский Петр Андреевич.....	33
Вяземский П.А. «Саловка».....	34
Давыдов Денис Васильевич.....	34
Давыдов Д.В. «Я вас люблю так...».....	35
Загоскин Николай Михайлович.....	36
Ключевский Василий Осипович.....	38
Лажечников Иван Иванович.....	39
Лажечников И.И. «Заметки для биографии Белинского» (отрывок).....	40
Лермонтов Михаил Юрьевич.....	43
Лермонтов М.Ю. «1-е января».....	45
Огарев Николай Платонович.....	46
Огарев Н.П. «Дорога».....	48
Задания для закрепления материала.....	49
 Раздел 3. Культура Пензенского края во 2-ой половине XIX века.....	 50
Гиляровский Владимир Алексеевич.....	52

Гиляровский В.А. Из книги «Мои скитания» (<i>отрывок</i>).....	53
Жемчужников Александр Михайлович.....	60
Владимир Галактионович Короленко.....	61
Лесков Николай Семенович.....	63
Лесков Н.С. «Белый орел» (<i>отрывок</i>).....	64
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович.....	66
Слепцов Василий Алексеевич.....	69
Слепцов В.А. «Отрывок из дневника».....	70
Толстой Лев Николаевич в Пензенском крае.....	72
Л.Н. Толстой «Записки сумасшедшего» (<i>отрывок</i>).....	74
Чернышевский Николай Гаврилович.....	76
Задания для закрепления материала.....	78

Раздел 4. Культура Пензенского края на рубеже

XIX-XX веков.....	79
Блок Александр Александрович и Пенза.....	81
Блок А.А. «Нет, никогда моей...».....	82
Максим Горький в Пензе.....	83
Грин Александр Степанович.....	85
Борисов Л.И. «Волшебник из Гель-Гью» (<i>отрывок</i>).....	87
Куприн Александр Иванович.....	96
Куприн А.И. «Царев гость из Наровчата» (<i>в сокращении</i>)...	98
Мариенгоф Анатолий Борисович.....	103
Мариенгоф А.Б. «Ночь, как слеза...».....	105
Мариенгоф А.Б. «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» (<i>отрывок из романа</i>).....	106
Мейерхольд Всеволод Эмильевич.....	110
Задания для закрепления материала.....	112

Раздел 5. Русская литература XX века

и Пензенский край.....	113
-------------------------------	------------

Раздел 5.1 Пензенская литература довоенного периода

Анисимова Александра Петровна.....	116
Анисимова А.П. «Птица Радость».....	118
Беззубова Фекла Игнатьевна.....	126
Гладков Федор Васильевич.....	128
Гуль Роман Борисович.....	130
Гуль Р.Б. Конь рыжий.....	132

Замойский Петр Иванович.....	135
Замойский П.И., роман «Лапти» (<i>отрывок</i>).....	136
Звягинцева Вера Клавдиевна.....	139
Малышкин Александр Георгиевич.....	140
Малышкин А.Г. «Люди из захолустья» (<i>отрывок</i>).....	143
Сорокин Борис Андреевич.....	146
Сухов В.А. «Бывают такие встречи, которые помнишь всегда» (Борис Сорокин о студенте Сергее Есенине).....	147
Задания для закрепления материала.....	148
<i>Раздел 5.2 ВОВ и пензенская литература</i>	
Катков Николай Иванович.....	149
Карасёв Алексей Иванович.....	151
Почивалин Николай Михайлович.....	152
Писатели пензенской земли – сыновья и внуки фронтовиков...	153
Нерис Саломея.....	158
Ставский Владимир Петрович.....	160
Задания для закрепления материала.....	162
<i>Раздел 5.3 Пензенские авторы послевоенного периода</i>	
Бадигин Константин Сергеевич.....	163
Бадигин К.С. «На грумант» (<i>отрывок</i>).....	165
Задорнов Николай Павлович.....	167
Злобина Дина Дмитриевна.....	169
Борис Николаевич Полевой в Пензе.....	171
Самсонов Юрий Борисович.....	172
Самсонов Ю.Б. «Тропы любви».....	173
Седов Иван Федорович.....	174
Седов Игорь Павлович.....	175
Седов И.П. «Чуткость на голосовании».....	176
Смирнова Матрена Платоновна.....	178
Смирнова М.П. «Пройдись по Пензенскому краю».....	179
Стенькин Василий Степанович.....	180
Федотов Гавриил Николаевич.....	182
Задания для закрепления материала.....	183
<i>Раздел 5.4 Литературная жизнь Пензы 1960-1990-х годов</i>	
Агапов Виктор Данилович.....	184
Буянов Николай Анатольевич.....	185
Евтушенко Евгений Александрович в Пензе.....	187
Застрожный Владимир Кириллович, «Восемнадцать лет».....	189

Канин (Кондрашкин) Виктор Иванович.....	191
Милавин Борис Васильевич.....	192
Милавин Б.В. «Возвращение».....	193
Ракушин Фёдор Николаевич.....	194
Ракушин Ф.Н. «Морозным бором, просекой лесной».....	195
Сазонов Александр Александрович.....	195
Сидоренко Виктор Александрович.....	197
Яшина Лариса Ивановна.....	198
Яшина Л.И. «Моя провинция».....	200
Задания для закрепления материала.....	201
Раздел 5.5 Литературные исследования	
Андреев-Кривич Сергей Алексеевич.....	202
Андроников Ираклий Луарсабович.....	203
Андроников И.Л. «Образ Лермонтова» (в сокращении).....	205
Пальман Лия Михайловна.....	209
Савин Олег Михайлович.....	211
Задания для закрепления материала.....	213
Раздел 6. Современные авторы Пензенской области	
Горланов Геннадий Елизарович.....	214
Горланов Г.Е. «Баллада о комсомольском значке».....	215
Дорошина Вера Анатольевна, «Русская тоска».....	217
Кадникова Татьяна Владимировна, «Я знаю многих...».....	218
Кельх Виктор Викторович.....	219
Кириллов Михаил Иванович.....	221
Кириллов М.И. «Крик», Куленко Николай Андреевич.....	222
Куленко Н.И. «Поляна пылала в цвету...».....	223
Погорелая Елена Алексеевна, «Игра на публику...».....	224
Погорелая Е.А. «Он сказал: пока...».....	225
Сорокин Ефим Евгеньевич.....	226
Сухов Валерий Алексеевич.....	227
Терехина (Дорошина) Лидия Ивановна, «Русь колдовская»..	229
Чолокян Владимир Тигранович.....	230
Чолокян В.Т., «Железный повод» (отрывок).....	231
Шигин Борис Владиленович.....	232
Штурмин Геннадий Владимирович.....	233
Задания для закрепления материала.....	234
Литература.....	236

ВВЕДЕНИЕ

Портрет образованного и культурного человека немыслим без знания литературы. И особое место в ней занимает слово родной земли – литературное краеведение.

Пензенский край обогатил русскую культуру множеством имен: А.И. Радищев, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, А.И. Куприн, И.И. Лажечников, М.Н. Загоскин... Еще большее число известных писателей и поэтов были связаны с нашим краем судьбой, состояли на службе или бывали в Пензе проездом, нашли здесь свою музу... Огромное количество литературных произведений было создано благодаря их пребыванию на Пензенской земле. «Пенза – моя вдохновительница, – писал в своем письме другу Д.В. Давыдов. – Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принялся за поэзию».

Изучение родной литературы не только духовно обогащает, расширяет кругозор, но и воспитывает, учит жизни, формирует бережное и внимательное отношение к культуре своей малой родины.

Настоящее пособие ориентировано на учебно-методическое сопровождение курса «Родная литература». Его назначение – содействовать воспитанию эстетической культуры обучающихся, формированию интереса к чтению, освоению нравственных, гуманистических ценностей народов Пензенского края.

Данное учебное пособие представляет собой сборник, в котором в хронологическом порядке приводятся характеристики культурно-исторических периодов развития пензенской культуры, обозначаются основные литературные имена и их связь с нашим краем. Обучающиеся в систематизированном и лаконичном изложении узнают ключевые моменты из пензенской биографии авторов и их творчества.

Поскольку образовательные задачи курса связаны, прежде всего, с формированием умений читать, комментировать, анализировать и интерпретировать художественный текст, то настоящее учебное пособие подразумевает и непосредственное знакомство с произведениями (фрагментами произведений) поэтов и пи-

сателей, связанных с Пензенским краем. Специально подобранные тексты произведений приведены после знакомства с творческой биографией авторов.

Критериями отбора литературных произведений для публикации стали их высокая художественная ценность, гуманистическая направленность, позитивное влияние на становление личности студентов, соответствие возрастным особенностям, культурно-исторической традиции и связям с Пензенским краем.

Знакомство с биографическими данными и творческим наследием выдающихся деятелей пензенской литературы призваны помочь обучающимся осмыслить непреходящую историческую и нравственную ценность культуры родного края.

Учебное пособие имеет шесть разделов, каждый из которых знакомит с авторами и их произведениями согласно определенным историческим периодам. После каждого раздела приведены задания для закрепления материала: перечень вопросов, темы для докладов, список литературы для дополнительного чтения.

Раздел 1. Культура Пензенского края в XVIII веке

Характеризуя состояние культуры жителей Пензенского края на протяжении XVIII века, исследователи отмечают, что в целом грамотность находилась на очень низком уровне. Не имевшие даже понятия о просвещении сотни тысяч крестьян не умели ни писать, ни читать. Более или менее просвещенными людьми являлись дворяне и церковнослужители. Однако и среди них были неграмотные. В документах того времени, составленных от имени дворян, можно встретить такую красноречивую приписку: «А за него неграмотного, по его личной просьбе подписал управитель».

Обучение детей проходило в домашних условиях: в большинстве случаев оно заключалось в изучении русской грамоты.

Более зажиточные дворяне нанимали немцев и французов для обучения своих детей иностранным языкам и различным наукам. Некоторые же отвозили детей в кадетские корпуса. В январе 1786 года Екатерина II издала указ «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе», но реальных возможностей для открытия в Пензе университета не оказалось.

Вместо него 14 июня 1786 года в Пензе открылось двухклассное народное училище. Это было первое учебное заведение в городе. Местные дворяне, ощущавшие большую потребность в обучении своих детей, организовали сбор средств на открытие в Пензе училища и специального дворянского пансиона при нем. Пензенским дворянам, жившим в других городах, были посланы извещения о сборе средств на открытие училища. Таким образом, удалось собрать около 3000 рублей. В результате произведенного отбора в училище было зачислено 107 мальчиков и девочек. Первыми учителями в нем были канцеляристы наместнического правления А. Никольский и В. Виноградов, а директором – заседатель Приказа общественного призрения П. Сипягин. Вскоре учебное заведение было преобразовано в четырехклассное Главное народное училище, а количество учащихся в нем увеличилось до 120 человек. В 1789 году при училище был открыт специальный пансион для дворян¹.

¹ Самойлов Е.Г. Пензенский край в конце 18 века. Пензенское книжное издательство, 1959 г.

Источниками культурной жизни пензенской губернии в XVIII веке являлись «культурные гнезда» (термин проф. Н.К. Пиксанова) – очаги культуры в некоторых поместных усадьбах дворянской интеллигенции, монастырях, учебных заведениях, в уездных городах, а позже – в учреждениях земства.

Культурная деятельность проявлялась главным образом в сфере духовных и интеллектуальных интересов, литературного творчества, увлечения искусством. Меценаты поощряли занятия живописью, создание оркестров, хоров, домашних театров.

Среди «культурных гнезд» Пензенского края в XVIII-XIX веках можно выделить архитектурный ансамбль князей Голицыных – Зубриловскую усадьбу, где бывали поэты Г.Р. Державин и И.А. Крылов; поместье князя А. Куракина, Надеждинскую усадьбу с ее картинной галереей и домашним театром; Саровский монастырь недалеко от с. Темникова, где переписывалась книга А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»; мокшанская усадьба Загоскиных – близких друзей основателя пензенского театра И.М. Долгорукого; Иннокентиевское Просветительское братство в Пензе, открывавшее воскресные и церковные школы, устраивавшее народные чтения и беседы на моральные темы; Николо-Пестровский завод Бахметевых, где не только изготавливали посуду, но и творили замечательные художники по стеклу.

В некоторых дворянских имениях, в том числе у правителя наместничества И.А. Ступишина, писарского помещика Н. Струйского, городищенских помещиков Бахметевых, имелись собрания книг на русском и французском языках. В Пензу поступали газеты, издававшиеся в столице. Об этом свидетельствует запись в приходе-расходной книге городской думы за 1791 год: «Заплачено в Москве за газеты на 1792 год 8 рублей 16 копеек». В конце XVIII в. в имении помещика Н. Струйского в с. Рузаевке была основана первая в Пензенском крае типография.

Важным событием в культурной жизни края явилось создание в 90-х годах в Пензе любительского театра. Первый спектакль был поставлен 24 ноября 1793 года. Плодотворная деятельность любительского коллектива положила начало развитию театрального искусства в регионе.

В литературной жизни Пензенского края XVIII века запечатлелись такие великие имена как Ф.Ф. Вигель, Г.Р. Державин, И.М. Долгорукий, И.А. Крылов, А.Н. Радищев.

Вигель Филипп Филиппович



Ф.Ф. Вигель (1786-1866) родился в селе Симбухове Пензенского уезда (ныне – Мокшанского района). Его отец с 1801 по 1809 г. состоял губернатором Пензы, а до этого заведовал размежеванием земель для новых поселенцев Пензенского и Саратовского края. Мать происходила из рода первого пензенского воеводы Ивана Лебедева.

Ф.Ф. Вигель известен прежде всего своими мемуарами, живо и увлекательно написанными, хотя и не всегда достоверными, субъективными «Записками», куда вошли его воспоминания о встречах с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским, семьями Вяземских, Карамзиных и Тургеневых. В них много места отводится Пензе, рассказывается о ее театрах и ярмарках, местном обществе, людях, с которыми встречался автор. Он, как писали 16 февраля 1912 года «Губернские ведомости», в совершенстве знал «историю нашего края, быт населения, историю помещичьих родов и представителей тогдашних их».

Мемуарист часто приезжал в Пензу, Симбухово и Лебедевку, где жили его родные, посещал Рамзай, Виргу, Зубрилово, Ардым (по имени последнего села он взял единственный псевдоним – некоторые статьи писателя имели подпись «Ардымский»)².

Из «Записок» Ф.Ф. Вигеля (отрывок)

На самом темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, где собор, губернаторский дом и присутственные места, идет улица, называемая Дворянскою.

² Савин О.М. Пенза литературная. Саратов. Приволжское книжное издательство, 1977

Ни одной лавки, ни одного купеческого дома в ней не находилось. Не весьма высокие деревянные строения, обыкновенно в девять окошек, довольно в дальнем друг от друга расстоянии, жилища аристократии, украшали ее. Здесь жили помещики точно так же, как летом в деревне, где господские хоромы их так же широким и длинным двором отделялись от регулярного сада, где вход в него так же находился между конюшнями, сараями и коровником и затрудняем был сором, навозом и помоями. Можно из сего посудить, как редко сады сии были посещаемы: невинных, тихих наслаждений там еще не знали, в чистом воздухе не имели потребности, восхищаться природой не умели. Описав расположение одного из сих домов, городских или деревенских, могу я дать понятие о прочих: так велико было их единообразие.

Невысокая лестница обыкновенно сделана была в пристройке из досок, коей целая половина делилась еще надвое, для двух отхожих мест: господского и лакейского. Зажав нос, скорее иду мимо и вступаю в переднюю, где встречает меня другого рода зловоние. Толпа дворовых людей наполняет ее; все ошипаны, все оборваны; одни лежат на прилавке, другие сидя или стоя говорят вздор, то смеются, то зевают. В одном углу поставлен стол, на коем разложены или камзол, или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; в другом подшиваются подметки под сапоги, кои иногда намазываются дегтем. Запах лука, чеснока и капусты мешается тут с другими испарениями сего ленивого и ветреного народа. За сим следует анфилада, состоящая из трех комнат: залы (она же и столовая) в четыре окошка, гостиной в три и диванной в два; они составляют лицевую сторону, и воздух в них чище. Спальная, уборная и девичья смотрели на двор, а детские помещались в антресоле. Кабинет, поставленный рядом с буфетом, уступал ему в величине и, несмотря на свою укромность, казался еще слишком просторным для ученых занятий хозяина и хранилища его книг. Внутреннее убранство было также везде почти одинаковое.

Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и в простенках двумя зеркалами с подстольниками из крашеного дерева; вдоль стены, просто выкрашенной, стояло в середине такого же дерева большое канапе, по бокам два маленьких, а между

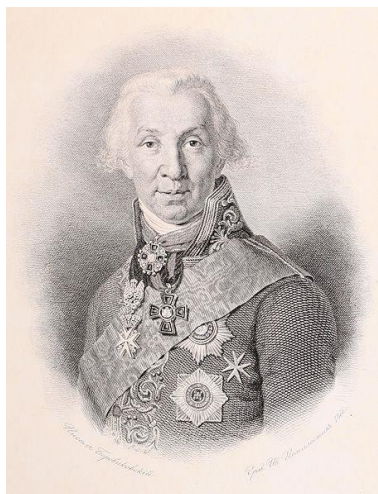
ними чинно расставлены были кресла; в диванной угольной, разумеется, диван. В сохранении мебели видна была только бережливость пензенцев; обивка ситцевая или из полинялого сафьяна оберегалась чехлами из толстого полотна. Ни воображения, ни вкуса, ни денег на украшение комнат тогда много не тратилось. Когда бывал званый обед, то мужчины теснились в зале, вокруг накрытого стола; дамы, люди пожилые и почетные и те, кои садились в карты, занимали гостиную, девицы укрывались и гинесее [женская половина в древнегреческом доме], и диванной. Всякая приезжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налево стоящим мужчинам и целуя их в щеку; всякий мужчина обязан был сперва войти в гостиную и обойти всех сидящих дам, подходя к ручке каждой из них. За столом сначала несколько холодных, потом несколько горячих, несколько жареных и несколько хлебных являлись по очереди, а между ними неизбежные два белых и два красных соуса делили обед надвое.

Странное обыкновение состояло в обязанности слуг, подавая кушанье и напитки, называть каждого гостя по имени. Вообще Пенза была, как Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикет в ней бывал иногда мучителен. Барыни не садились в кареты свои или колымаги, не имея двух лакеев сзади; чиновники штаб-офицерского чина отменно дорожили правом ездить в четыре лошади; а статский советник не выезжал без шести кляч, коих называл он цугом.

С воцарением Александра дамы везде перестали пудриться, только в Пензе многие из них не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни форм, ни нарядов прекрасный пол в Пензе не отличался, ни даже приятною наружностью. Только в первые дни пребывания моего там, на Масляной, две красавицы мелькнули предо мною, как мимолетные видения: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцева, была тут проездом; другая, госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила в саратовской деревне, и скромная добродетель ее часто походила на суровость³.

³ По изданию: Вигель Ф. Ф. Записки. Под редакцией С. Я. Штрайха. Захаров, М.: 2000 г.

Державин Гаврила Романович



Г.Р. Державин (14.07.1743-8.06.1816) родился в семье мелкопоместных дворян в родовом имении Сокуры под Казанью, где провёл детство. Мать, Фёкла Андреевна (урождённая Козлова), была не особенно образованной, но деятельной женщиной.

Отец Гаврилы Державина служил премьер-майором в Пензенском пехотном полку Оренбургского корпуса. Отца, секунд-майора Романа Николаевича, болевшего чахоткой, Гаврила лишился в раннем возрасте, после чего семья, имевшая всего 60 душ крестьян, оказалась в долгах и сильно бедствовала. Систематического образования юноша не получил, несмотря на рано проявившиеся у него художественные способности, и лишь после открытия в 1758 году в Казани гимназии под управлением Михаила Веревкина проучился там менее двух лет, поверхностно изучив французский, немецкий языки и латынь, а также азы арифметики, геометрии, музыки и танцев.

С 1762 года Державин служил рядовым гвардейцем в Преображенском полку, в составе полка принимал участие в государственном перевороте 28 июня 1762 года. Не имея достаточной протекции, он долгое время не повышался в звании, и лишь в 1767 году при покровительстве полкового секретаря Неклюдова произведён был в сержанты, а с 1772 года служил уже в полку в офицерской должности, в чине подпоручика.

В 1773-1775 годах Державин лично участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачёва. Записки его являются ценным первоисточником информации о восстании, поскольку при штабе командующего войсками генерала А.И. Бибикова он занимался делопроизводством и связями с местным дворянством, организацией дворянского ополчения (конного корпуса), лично участвовал в составлении поименного списка мятежников, опросил множество лиц из различных слоёв населения. Вдобавок ко всему, он хорошо знал театр военных действий, поскольку родился и вырос в тех местах, что отличает его воспоминания географической

точностью. А.С. Пушкин, работая над «Историей Пугачёвского бунта» и «Капитанской дочкой», для соответствия истинной картине событий опирался в значительной степени на материалы Державина.

Первые стихи Державина увидели свет в 1773 году. В 1777 году, по выходе в отставку, началась гражданская служба статского советника Г.Р. Державина в Правительствующем сенате. Широкая литературная известность пришла к Г. Державину в 1782 году после опубликования оды «Фелица», которая в восторженных тонах была посвящена автором Императрице Екатерине II.

С момента основания в 1783 году Императорской Российской академии был ее членом. Вместе с Д.И. Фонвизиним и другими авторами принимал участие в составлении и издании первого толкового словаря русского языка.

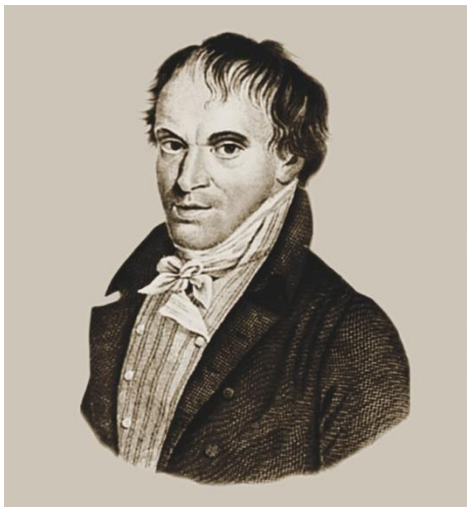
Гаврила Романович, занимая пост губернатора в Тамбове, навещал село Зубрилово, где находилась усадьба князя С.Ф. Голицына. В известном стихотворении «Осень во время осады Очакова» (1788) Державин призывал друга побыстрее взять турецкую крепость и вернуться к семье:

И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Детей Державин не имел ни от первого, ни от второго брака. В 1800 году, после смерти своего друга, Петра Гавриловича Лазарева, принимает на попечение его четверых детей.

7 октября 1803 года был уволен в отставку и освобождён от всех государственных постов («уволен от всех дел»). В отставке поселился в своём имении Званка в Новгородской губернии, где и умер в 1816 г.

Долгорукий Иван Михайлович



И.М. Долгорукий (7.04.1764-4.12.1823) – князь, государственный и общественный деятель, поэт, мемуарист.

В 1791-1797 годах Иван Долгорукий служил в Пензе вице-губернатором. Принимал участие в устройстве гражданской и уголовной палат, в совершенствовании системы откупов и управления казёнными экономиями. Он ввёл казённое содержание детей бедных дворян в учебных заведениях. Службу князь сочетал с литературной и театральной деятельностью. В Пензе Долгорукий создал «философическую оду» «Камин в Пензе», первоначально отпечатанную в частной типографии Н.Е. Струйского, стихотворные послания «К швейцару», «К судьбе», вошедшие в сборник «Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого» (1802).

Иван Михайлович оставил мемуары «Капище сердца моего, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». Некоторые главы книги посвящены Пензе, Рамзаю, Бессоновке, Рузаевке. В «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 г.» отдельную главу Долгорукий посвятил Пензенской губернии, назвав её «Плодоноснейшим краем нашего Царства».

В Пензе по инициативе князя Долгорукого возник первый театр «благородных любителей», для него было построено здание, где с 24 ноября 1793 года местные дворяне ставили спектакли.

О творчестве Долгорукого высоко отзывался А.С. Пушкин, поименовав его «поэтом, не довольно ещё оценённым». О нём писали П.А. Вяземский, Ф.Ф. Вигель, Ф.И. Буслаев, В.Г. Белинский.

В результате скандала вокруг его любовной переписки с Е.А. Улыбышевой, Иван Михайлович был отрешён от должности в 1796 и переехал на службу в Москву. Он сочувственно встретил реформы начала царствования Александра I и принял назначение

губернатором во Владимир, где служил с февраля 1802 по март 1812 года.

В связи с ужесточением правительственного курса Долгорукий уходит в отставку в чине тайного советника и поселяется в Москве, где занимается литературной и театральной деятельностью, издаёт 4 тома своих стихов, пишет ряд драматических произведений. Спектакли его домашнего театра и литературные вечера посещали М.Н. Загоскин, с семьёй которого князь подружился в Пензе, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, С.Т. Аксаков.

Долгорукий избирается почётным членом литературных обществ «Беседы любителей Российского слова», «Вольного общества любителей Российской словесности», «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».

Как князь И.М. Долгорукий прославил Пензу в Париже⁴

Сам И.М. Долгорукий в мемуарах отметит пензенский период: «Тогда ещё я любил службу страстно! В восхищении юного человека, который на всё смотрит с желанием обрисовать свет и сделать лучшим, я писал не приказным словом, а вдохновенным самою природою: то есть, как я думал и чувствовал». И в жизни, и в стихах, и на службе И.М. Долгорукий отличался прямым образом мыслей и открытым нравом, был правдив и доступен. При непосредственном участии Долгорукого и местных дворян в доме вице-губернатора состоялись первые любительские представления, ставились комедии самого Долгорукого.

24 ноября 1793 года на усадьбе Д. Полочанинова, отданной под театр, была сыграна комедия по пьесе Екатерины II «Обманщик» – этот день стали считать днём основания пензенского театра. Часть современной улицы Кирова – от магазина «Дон» до военного госпиталя – в то время называлась улица Театральная.

Вице-губернатор выступил не только в качестве основателя театра, но был и режиссёром-постановщиком, и драматургом, талантливо исполнял на сцене комедийные роли. На его таланте и энергии держался театр. Об этом времени Долгорукий напишет в

⁴ По материалам Т. Каймановой «Самый романтичный чиновник в Пензе князь Иван Михайлович Долгорукий»

мемуарах: «Положа сим праздником начало нашим театральным позорищам, мы все, как голодные за корм, принялись за комедии. Мы имели терпение все их выучивать и каждую неделю разыгрывать, всякие восемь дён у нас были представления, иные из них так смехотворны, что мы сами расхохотавшись, не доконча речь, сходили с театра». «Время весёлое и незабвенное в жизни моей пензенской!» – восклицал самый романтичный из всех российских чиновников.

В этом доме в 1795 году И.М. Долгорукий сочинил стихотворение «Камин в Пензе», которое сделало и поэта, и Пензу известными в Париже. О рождении сего стихотворения рассказывал биограф М. Дмитриев: «Это было в октябре. День был сырой и мрачный. В кабинете их было только двое: жена его сидела за пальцами. Он ходил взад и вперёд по комнате и подкладывал дрова в камин. Всё влекло его к задумчивости, а мысли и чувства развивались, складывались в стихи сами собою, и тут же ложились на бумагу...».

И.М. Долгорукий
Камин в Пензе
(отрывки)

Камин, товарищ мой любезный!
Куда как я тебя люблю!
С тобою в сей юдоли слезной
Заботы все свои делю.
Когда природа умирает,
Когда нас осень запирает
В темницу скучных наших стен,
Тогда, как лист, и я желтею,
К огню прибежище имею,
Играю с ним, уединен.

Хотя без всякого убранства
Из камней грубых ты сложен,
Не монументом гордым чванства
В моем углу ты быть сужден;
Тебя не мрамор одевает,

Не стали луч в тебе сияет,
Не грань хрустальная блестит;
Приятство ломкого фарфора
Толпы невежд не тешит взора, —
Зато ты греешь, тот давит.

.... О сердца сладкие обманы!
Что может с вами быть равно?
Не вы спокойствия тираны;
Вам царство радостей дано.
Стократ благословенны годы,
В которы красоты природы
Влюбляют снова каждый день!
Всё в мире лживо нас пленяет.
Где ж правда? — В небе обитает;
Внизу её лишь только тень.

Учитесь, смертные! Учитесь
Во всём средину познавать,
И, буи, мира умудритесь!
Чего бог не дал, где же взять?
Кто свет таким, как есть он, создал,
Кто всем из нас свой жребий роздал,
Пред тем винися всяка тварь.
Во всём на власть его надеюсь,
А между тем сию и греюсь;
Камин мой двор, при нём я царь.

Я вижу часто, как рождается
От искры пламенной пожар;
Не так ли царств судьба вертится?
Горит война от мелких свар.
Но там каминны зло калятся,
И сплошь дрова так разгорятся,
Что не зальет морской кувшин;
А здесь воды, чуть жарко станет,
Графина одного достанет:
Спросил да влил — погас камин.

Крылов Иван Андреевич



И.А. Крылов (2.02.1769-9.11.1844) – великий русский баснописец.

С пензенским краем писателя связал князь Сергей Федорович Голицын, который, попав в опалу в 1797 году и вынужденный удалиться из Петербурга в свое имение Зубрилово, расположенное в Тамалинском уезде Пензенской губернии, прихватил с собой в качестве секретаря и И.А. Крылова.

Крылов уехал в глубинку тоже неслучайно – он также как и Голицын попал в немилость. Поводом для полицейской слежки за писателем послужило его антиправительственное «сочинение» «Мои горячки», рукопись которого до нас не дошла. В это «нелестное время», познакомившись в апреле 1797 года с князем С.Ф. Голицыным, тоже попавшим в опалу, «пернатый певец, – как образно писал Ф.Ф. Вигель, – скрылся в густоте леса»: в саратовском имении князя. Усадьба была знаменита дубом, «величаво красовавшимся как раз посреди обширного двора». Посажен этот дуб был «руками преобразователя России».

Живописная природа, отсутствие внимательного полицейского ока, общение с народом – все это способствует оживлению творческой деятельности. Видимо, здесь и пишет поэт оду «Уединение». В сельском уединении ему по душе свежесть сельской жизни и чувств селянина, его непосредственность, простота, честность.

Свободного времени у опального писателя было много. От скуки он предложил князю Голицыну преподавать его детям русский язык. Учениками стали также десятилетняя «тараторка», как называл Крылов М.П. Сумарокову, и Ф. Вигель. Последний вспоминал, что и в этом деле Иван Андреевич «показал себя мастером. Уроки наши проходили почти все в разговорах; он умел возбуждать любопытство, любил вопросы и отвечал на них так же толковито, так же ясно, как писал свои басни. Он не довольствовался одним русским языком, а к наставлениям своим прилеплял много нравственных поучений и объяснений разных предметов из других наук».

Почти всегда на уроках, с вязаньем в руках, присутствовала няня М.П. Сумароковой – Кузьминишна. Теплые воспоминания остались у Крылова и о Прасковье Андреевне Киевской, в замужестве Таманской, дочери зубриловского управляющего.

Крылов очень любил детей, которые имели для него, по словам одного из современников писателя, «гораздо больше значения, чем политические события вроде восстания египетского паши против турецкого султана». И часто неприступной крепостью, в которую скрывались шалуны, служил просторный халат будущего баснописца.

Поэт пробыл в Зубрилове всего несколько месяцев, осенью того же 1797 года он переехал в село Казацкое близ Киева, где находилось другое имение Голицыных. Но несколько пензенских месяцев остались в воспоминаниях Ивана Андреевича и его творчестве. Есть предположения, что именно в Зубрилове были написаны ода «Уединение», стихотворения «На случай грозы в деревне» и «К спящему дитяти», а также басня «Свинья под дубом»⁵.

И.А. Крылов
Свинья под дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза подравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.

«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу Ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».

«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит,
В нем проку мало вижу я;

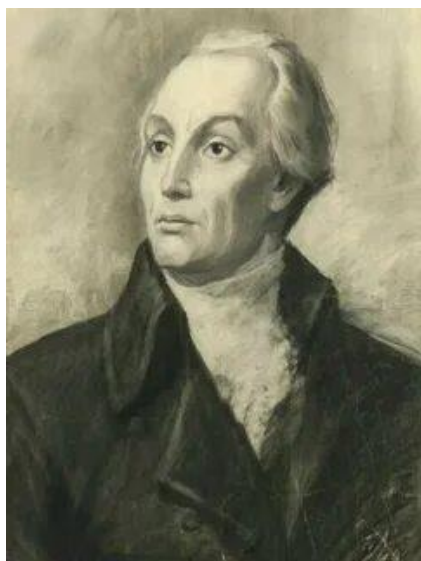
⁵ Смирнов В.Б. И.А. Крылов (1766-1844) // Русские писатели в Саратовском Поволжье: [Сб. очерков] / Под ред. Е.И. Покусаева. Саратов, 1964. С. 27-32.

Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуды: ведь я от них жирею».

«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуды на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науку и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Радищев Александр Николаевич



А.Н. Радищев (20 (31).08.1749-12 (24).09.1802) родился в селе Верхнее Аблязово Кузнецкого уезда Саратовской губернии года (ныне село Радищево Кузнецкого района Пензенской области) в семье состоятельного помещика Николая Афанасьевича Радищева. В 1756-1762 годах А.Н. Радищев учился в дворянской гимназии Московского университета.

В ноябре 1762 года, вскоре после коронации Екатерины II, был пожалован в пажи. В 1764-1766 годах учился в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, в 1767-1771 годах – в Лейпцигском университете в Германии.

В годы службы А.Н. Радищев активно участвовал в литературной жизни. Он опубликовал перевод книги Г. Мабли «Размышления о греческой истории» (1773), а также собственные литературные произведения: «Слово о Ломоносове» (1780), «Письма к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего» (1782), оду «Вольность» (1783) и др.

В 1790 году А.Н. Радищев выпустил свое главное сочинение: «Путешествие из Петербурга в Москву». Книга содержала критические рассуждения о крепостном праве и других явлениях обще-

ственной и государственной жизни. Она обратила на себя внимание Екатерины II и вызвала ее крайнее раздражение. В июне 1790 года А.Н. Радищев был арестован. Уголовная палата применила к нему статьи Уложения о покушении на государево здоровье, о заговорах, измене, и приговорила его к смертной казни. Именным указом Екатерины II смертный приговор был заменен лишением чинов и дворянства и ссылкой «в Сибирь, в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание».

В январе 1792 года А.Н. Радищев был доставлен в Илимский острог (находился на территории современного Нижнеилимского района Иркутской области. В ссылке он занимался научными изысканиями, писал «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», «Письмо о Китайском торге», философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1790-1792).

В ноябре 1796 года император Павел I разрешил А.Н. Радищеву вернуться из Сибири и поселиться в своем имении – сельце Немцове Боровского уезда Калужской губернии (ныне деревня Радищево Малоярославецкого района Калужской области) – под надзором губернатора.

В 1801 году император Александр I вызвал А.Н. Радищева в столицу и назначил членом комиссии для составления законов. В последний год жизни А.Н. Радищев готовил ряд проектов («О законоположении», «Проект гражданского уложения» и др.), в которых обосновывал необходимость ликвидации крепостных отношений и гражданских реформ.

А.Н. Радищев покончил жизнь самоубийством, выпив царской водки (смесь соляной и азотной кислот), которой его сын чистил эполеты. Он скончался в ночь с 11 (23) на 12 (24) сентября 1802 года и был похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. Могила его скоро оказалась забыта и утеряна.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Какими особенностями обладала литературная жизнь Пензенского края XVIII века?
2. Где преимущественно развивалась культурная жизнь края? С чем это связано?
3. С какими произведениями авторов XVIII столетия, связанных с Пензенским краем, вы знакомы?

Прочтите дополнительно:

1. Державин Г.Р. «Река времен в своем стремленье...»
2. Крылов И. А. Ода «Уединение»
3. Крылов И.А. Басни
4. Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»
5. Радищев А.Н. Ода «Вольность»

Темы докладов:

1. Краеведение как наука. «Беречь минувшего страницы»
2. Культура Пензенского края 2-ой половины XVII века
3. Дворцово-парковая культура XVIII-XIX вв.
4. Гербы населенных пунктов Пензенской губернии
5. Просвещение в Пензенском крае
6. Декоративно-прикладное искусство Пензенского края
7. Никольский хрустальный завод
8. «Культурные гнезда» Пензенского края
9. Культовая и светская архитектура Пензы
10. Троице-Сканов монастырь
11. Деятельность А.Н. Радищева
12. Особенности сельской и городской культуры

Раздел 2. Культура Пензенского края в первой половине XIX века

Первую половину XIX в. принято называть «золотым веком» русской культуры. В этот период произошел стремительный взлет в культурном развитии России. Главные события культурной жизни происходили в столицах, но эхо этих событий, катившееся по России, не миновало и наш край. Пензенская провинция в качестве образца брала столицу с её новациями, но имела и собственный культурный опыт, сочетание того и другого создавало уникальную атмосферу, которая породила яркие таланты, обогатившие русскую культуру.

Росту культурного уровня в провинции способствовало развитие образования. В 1804 г. главное народное училище было преобразовано в губернскую мужскую гимназию, уровень преподавания, в которой был достаточно высок для своего времени. Директором гимназии с 1821 по 1824 г. работал известный русский писатель И.И. Лажечников, среди её учеников в этот период были: писатель и литературный критик В.Г. Белинский, ученый-филолог Ф.И. Буслаев. В 1838 году при гимназии был открыт пансион на улице Дворянской (ныне Красной), который с 1 января 1844 года был преобразован в Дворянский институт. В 1835 в Пензе появляется ещё одна четырёхклассная гимназия. С 1807 г. в уездных городах губернии стали открываться уездные училища. В 1820 г. в губернии появляется первое среднее специальное учебное заведение – училище садоводства. С него начинается зарождение культуры садоводства в Пензенской губернии.

Появляются школа для детей бедных слоёв населения. Развивается духовное образование. В 1800 г. в губернском центре появляется духовная семинария, в 1818 – духовное училище. Рост образовательного уровня населения способствовал развитию различных направлений культурной жизни.

В начале XIX в. Пензенская губерния по праву считалась «театральной столицей провинции»: по числу любительских театров она занимала первое место в русской провинции. Театральные постановки устраивались в учебных заведениях. В них участвовали учителя и ученики. Повсеместное распространение получили домашние театры. Многие помещики имели крепост-

ные театры, в которых формировались профессиональные актерские труппы. Популярным был театр В.И. Кожина, но наибольшей известностью в Пензе пользовался крепостной театр, созданный в 1806 г. надворным советником Г.В. Гладковым, унаследованный после его смерти сыном В.Г. Гладковым. На сцене этих театров играли наряду с крепостными актерами, также чиновники, семинаристы, профессиональные актеры из других городов.

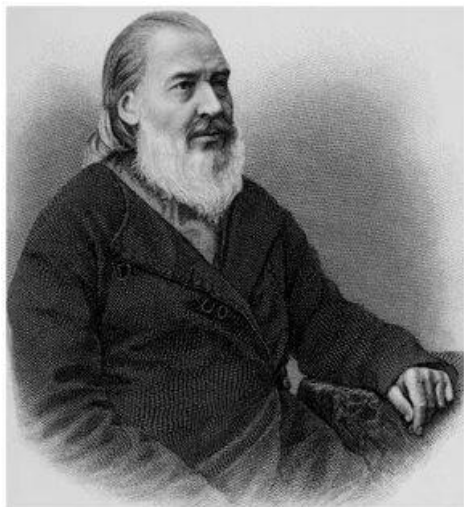
Популярной формой досуга высших слоёв провинциального общества были музыкальные вечера. Наряду с музыкантами-любителями, существовали профессиональные крепостные оркестры.

Популярность чтения в образованных кругах провинциального общества способствовала созданию библиотек. Появляются библиотеки в дворянских усадьбах, книги собирали учителя, чиновники, врачи. Были библиотеки в учебных заведениях. Очагами книжной культуры стали церковные и монастырские библиотеки. В 1837 г. была открыта первая публичная библиотека на территории губернии, её финансирование осуществлялось за счёт пожертвований местного дворянства. Книжный фонд формировался государственными учреждениями и частными лицами. В 1857 г. он включал 747 названий книг и периодических изданий.

Сурская земля в этот период дала России несколько ярких имён. Выдающуюся роль в становлении русской классической литературы сыграл В.Г. Белинский. На пензенской земле прошли детские годы одного из самых выдающихся русских поэтов Михаила Юрьевича Лермонтова. Жизнь гения неразрывно связана с именем его бабушки Е.А. Арсеньевой «Тарханы».

Сурский край также связан с именами Н.П. Огарева, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, В.О. Ключевского, Д.А. Давыдова, П.А. Вяземского, Ф.И. Буслаева, С.Т. Аксакова.

Аксаков Сергей Тимофеевич



В селе Бояркино Городищенского уезда Пензенской губернии, расположенном на самой границе Симбирской, бывал, «наезжая сюда для охоты» писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859). Жил он и у младшего своего брата – Николая в деревне Репьевке, «отстоящей от Бояркина в одной версте». В этом селе, писала 21 августа 1913 года Губернская газета, «доживал последние дни свои известный по «Семейной хронике» Евсеич – дядька С. Аксакова. Память о нем, как о завзятом любителе-рыболове, хранится и до сих пор».

О Евсеиче – Ефреме Евсееве, «честном, добродушном слуге», «редком человеке», С.Т. Аксаков упоминал во многих своих произведениях, тоже писал, что этот почтенный старик доживал свой век в Пензенской губернии⁶.

Белинский Виссарион Григорьевич



Хочется вздохнуть воздухом родины, взглянуть на места, где провел детство... Странно, жестоко играет судьба мною! Сколько раз сердце просилось, душа рвалась туда, туда!

В. Г. Белинский

В.Г. Белинский (30.05.1811–26.05.1848). родился в Финляндии в крепости Свеаборг. Его отец был флотским врачом, а дед – священник отец Никифор, который по преданию являлся праведником-аскетом и подвижни-

⁶ Печатается по изданию: Савин О. Пенза литературная. Приволжское книжное издательство, 1977. С. 101-102.

ком в селе Белыни Нижнеломовского уезда Пензенской губернии.

В 1816 году семья переехала в Пензенскую губернию в город Чембар, который сейчас носит название Белинский. В 1820 году Виссарион поступил в уездное училище, а в 1825 году начал учиться в губернской гимназии (ныне Пензенская классическая гимназия №1 им. В. Г. Белинского), в которой проучился всего три с половиной года, вместо положенных четырех. Предметы Белинскому давались по-разному. Хуже всего – математика, а по истории, географии и русской словесности он учился превосходно. В 1828 году Виссарион поступил в Московский университет и стал студентом словесного факультета.

Летом 1830 г. Белинский работал над трагедией «Дмитрий Калинин», замысел которой связан с пензенскими реалиями. В Пензе юноша впервые увидел театральные спектакли в крепостном театре В.Г. Гладкова. Они потрясли мальчика и предопределили его увлеченность театром на всю жизнь.

Детство и юность Белинского были тяжелые: болезненность и слабое здоровье, грубость родителей, постоянный недостаток средств, однако детские впечатления от увиденного и услышанного (во время приема больных отцом, поездок с ним по окрестным деревням, наблюдений природы, игр с ровесниками, чтения) глубоко запали в душу мальчика и нашли выход в многочисленных «лирических отступлениях» его зрелых статей. Пенза и Чембар явились источником многих наблюдений, отраженных прямо или косвенно в его сочинениях.

Благодаря упорному труду самообразования он глубоко изучил русскую изящную словесность, получил широкое представление об античной и западноевропейской литературе. Не случайно первое крупное произведение – цикл статей «Литературные мечтания» (1834) подписано «Чембар».

Белинским написано около 1100 статей и рецензий. Его оценки творчества известных писателей и до сегодняшнего времени не потеряли своего значения и стали хрестоматийными. Белинский положил начало не только теории литературы и театральной критики, но и истории русской литературы, определив периоды и направления ее развития.

В 1845 году Белинский тяжело заболел, ему стало все сложнее справляться с работой. Его отношения с сотрудниками испортились, и в начале следующего года критик ушел из редакции журнала. Некоторое время он путешествовал по Югу России. Вернувшись в Петербург, Белинский устроился в журнал «Современник», однако болезнь по-прежнему мешала работать. Не считая небольших библиографических заметок, критик написал только одну крупную статью – «Обозрение литературы 1847 года».

В начале 1847 года Белинский вновь заболел и отправился поправлять здоровье за границей, но лечение не помогло. Через несколько месяцев критик возвратился в Петербург, где и умер в 1848 году. Похоронили Белинского на Волковском кладбище.

Литературные мечтания (фрагменты)

Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмою, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом; то прекрасное время, когда мы так гордились настоящим, так лелеяли себя будущим, и, гордые нашею действительностию, а еще более сладостными надеждами, твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов? Увы! Как все переменилось в столь короткое время! Какое ужасное, раздирающее душу разочарование после столь сильного, столь сладкого обольщения!

Да – прежде – и ныне, тогда – и теперь! Великий Боже!.. Пушкин, поэт русский по преимуществу, Пушкин, в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веяние жизни русской, игривый и разнообразный талант которого так любила и лелеяла Русь, к гармоническим звукам которого она так жадно прислушивалась и на кои отзывалась с такою любовью, Пушкин-автор «Полтавы» и «Годунова» и Пушкин-автор «Анджело» и других мертвых, безжизненных сказок!..

Какие же новые боги заступали вакантные места старых? Увы, они сменили их, не заменив!

Мы всегда были слишком неумеренны в раздаче лавровых венков гения, в похвалах корифеям нашей поэзии: это наш давнишний порок...

Да – Крылов и г. Зилов, «Юрий Милославский» Загоскина и «Черная женщина» г-на Греча, «Последний Новик» Лажечникова и «Стрельцы» г-на Масальского и «Мазепа» г-на Булгарина, повести Одоевского, Марлинского, Гоголя – и повести, с позволения сказать, г-на Брамбеуса!!!... Что все это означает? Какие причины такой пустоты в нашей литературе? Или и в самом деле - у нас нет литературы?..

Да – у нас нет литературы!

Вот прекрасно! Вот новость! – слышу я тысячу голосов в ответ на мою дерзкую выходку. – А наши журналы, неусыпно подвигающиеся за нас на ловитве европейского просвещения, а наши альманахи, наполненные гениальными отрывками из недоконченных поэм, драм, фантазий, а наши библиотеки, битком набитые многими тысячами книг российского сочинения, а наши Гомеры, Шекспиры, Гете, Вальтер Скотты, Байроны, Шиллеры, Бальзаки, Корпели, Мольеры, Аристофаны? Разве мы не имеем Ломоносова, Хераскова, Державина, Богдановича, Петрова, Дмитриева, Карамзина, Крылова... несмотря на все на это, повторяю: у нас нет литературы!.. Что такое литература?

Одни говорят, что под литературою какого-либо народа должно разуметь весь круг его умственной деятельности, проявившейся в письменности. Вследствие сего нашу, например, литературу составят: «История» Карамзина и «История», статья г. Сенковского об исландских сагах, физики Веллапского и Павлова, и «Разрушение Коперниковой системы» с брошюркою о клопах и тараканах.

Другие под словом «литература» понимают собрание известного числа изящных произведений, то есть, как говорят французы, *chefs-d'oeuvre de litterature* [шедевры литературы (фр.)]. Но есть ли хотя один язык на свете, на коем бы не было скольких-нибудь образцовых художественных произведений, хотя народных песен? Удивительно ли, что в России, которая обширностию своею превосходит всю Европу, а народонаселением каждое европейское государство, отдельно взятое, удивительно ли, что в этой новой Римской империи явилось людей с талантами более,

нежели, например, в какой-нибудь Сербии, Швеции, Дании и других крохотных земельках? Все это в порядке вещей, и из всего этого еще отнюдь не следует, чтобы у нас была литература.

Но есть еще третье мнение, не похожее ни на одно из обоих предыдущих, мнение, вследствие которого литературою называется собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и неусловленных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны. Такая литература не может в одно и то же время быть и французскою, и немецкою, и английскою, и италиянскою. Это мысль не новая: она давно была высказана тысячу раз. Казалось бы, не для чего и повторять ее.

Но, увы! У нас, у которых так зыбки, так шатки литературные мнения, так темны и загадочны литературные вопросы; у нас, у которых один недоволен второю частию «Фауста», а другой в восторге от «Черной женщины», один бранит кровавые ужасы «Лукреции Борджиа», а тысячи услаждают себя романами гг. Булгарина и Орлова; у нас, у которых публика есть настоящее изображение людей после Вавилонского столпотворения, где

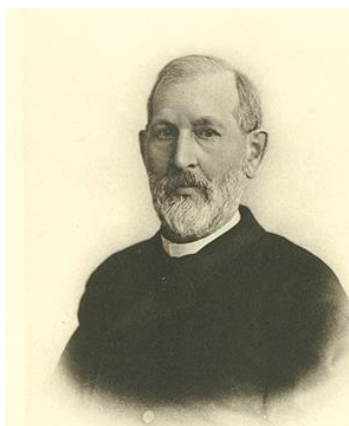
Один кричит арбуза,

А тот соленых огурцов;

Оправдывает ли наша словесность последнее определение литературы, приведенное мною?...⁷

⁷ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М., Современник, 1988

Буслаев Федор Иванович



Ф.И. Буслаев (1818-1897) – русский филолог и искусствовед, известный исследованиями в области славяно-русского языкознания, фольклора, древнерусской литературы и искусства. Родился в г. Керенские (сейчас – Вадинск). В формулярном списке его отца, служившего в земском суде, есть запись: «Иван Иванов сын Буслаев, детей имеет одного сына Федора, полугода, находится при нем».

После смерти мужа вдова переехала в Пензу, где Ф.И. Буслаев поступил в гимназию. Там, по его словам, он «впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой посвятил всю свою жизнь в литературных трудах и лекциях с кафедры Московского университета...»

По отзывам современников, ученый «к Пензе и всему пензенскому относился с горячей любовью». Сам он в конце 1888 года писал на родину: «...Я постоянно питал в себе и личные чувства привязанности и любви к тому маленькому уголку нашего отечества, где я родился и где получил первые начала образования. Там, в Керенске и Пензе, всегда были для меня моя собственная личная и семейная старина, там были дорогие предания ранних годов моей юности...»⁸.

Труды Ф.И. Буслаева, составившие целую школу, и сейчас востребованы в науке.

⁸ Печатается по изданию: Савин О. Пенза литературная. Приволжское книжное издательство, 1977. С. 94 -95.

Вяземский Петр Андреевич



П.А. Вяземский (3.07.1792–22.11.1878) – поэт, критик, общественный деятель, первый председатель Русского исторического общества, друг А. С. Пушкина.

Вяземский принадлежал к знатному, богатому роду, берущему начало от Рюрика. Отец Петра, Андрей Иванович, был тайным советником, пензенским и нижегородским наместником. Петр Андреевич рано потерял родителей. После смерти отца большое влияние на будущего поэта стал иметь Карамзин, заменивший ему родителя.

«Проба пера» у Петра началась рано, как и у многих людей, получивших отличное образование. Первые свои стихи он писал на французском языке. В основном они носили лишь подражательный характер.

Вяземский был членом тайного общества «Арзамас», именно там между ним и А.С. Пушкиным вспыхнуло соперничество, которое затем переросло в дружбу.

Князь Петр Вяземский был знаком и близок со многими декабристами, он не захотел лично участвовать в их тайных обществах.

В 1821-1828 гг. Вяземский был в опале у властей и жил в основном в Москве. В это время он увлекся журналистикой и основал журнал «Московский телеграф». Начал выступать с критикой, которая всегда была очень острой. Книги Вяземского читались в захлеб, он стал настолько знаменитым, что многие его цитаты превращались в пословицы, а стихи – в народные песни.

С конца 1827 года и до осени 1829 года, с перерывами, Пётр Вяземский находился в селе Мецкерском Сердобского уезда Саратовской губернии, ныне Сердобского района Пензенской области в имении родителей жены Кологривовых. Здесь были написаны стихи: «Зимние карикатуры», «На новый 1828 год», «Простоволосая головка», «Саловка», сатира «Русский бог».

П.А. Вяземский
Саловка

Какая прелесть в этих видах:
В великолепии картин,
В густых ветвистых пирамидах,
Венчающих главы вершин:
В живой стене, крутом утесе
И в молодом красивом лесе,
Который по ступеням скал,
С отважной легкостью взбежал.

Давыдов Денис Васильевич



*«Пенза — моя вдохновительница.
Холм, на коем лежит этот город, есть
мой Парнас с давнего времени; здесь я
опять принялся за поэзию»*

Д. Давыдов

Д.В. Давыдов (27.07.1784-22.1839) — знаменитый русский гусар, командир партизанского отряда, герой Отечественной войны 1812 года. Родился в семье бригадира Василия Денисовича Давыдова, служившего под командованием Александра Суворова. Когда Денису было всего девять лет, полководец предсказал ему блестящую военную карьеру. В 1801 г. Давыдов поступил на службу в Кавалергардский полк, куда его сначала не хотели принимать из-за маленького роста. Позже из-за написанных поэтом сатирических стихов он был переведен из гвардии в гусарский полк. Жизнь гусар очень понравилась Давыдову: лихие пирушки, буйные шутки.

В начале 1807 года он был назначен адъютантом к генералу П.И. Багратиону. Во время Отечественной войны 1812 г. Давыдов был командиром летучего партизанского отряда, созданного по приказу Багратиона. Отряд состоял из 50 ахтырских гусар и 80 донских казаков, которых Давыдов отбирал лично. Его соратник

– поручик Дмитрий Алексеевич Бекетов пригласил поэта погостить в село Алферьевку, где жила семья Бекетовых.

В конце 1820-х годов герой Отечественной войны 1812 года перебрался жить в своё имение в селе Верхняя Маза Симбирской губернии. В 1833 году на балу в Пензенском дворянском собрании Денис Давыдов познакомился с племянницей Дмитрия Бекетова – Евгенией Дмитриевной Золотарёвой. Она окончила Пензенский женский пансион, много читала, увлекалась музыкой, была мечтательной натурой. Эта молодая красивая девушка стала «последней музой поэта».

Давыдов был значительно старше Золотарёвой, женат и имел шестерых детей, однако увлечение молодой пензенской дворянкой оказалось довольно сильным. 20 февраля 1834 года Давыдов писал Петру Вяземскому: «Я, право, думал, что век сердце не встрепенётся, и ни один стих из души не вырвется. З-ва [Золотарёва] всё поставила верх дном: и сердце забилося, и стихи явились...».

В 1833-1836 годах Давыдов создал цикл лирических стихотворений, посвящённых Евгении Золотарёвой (иногда его называют «золотарёвский цикл»). Сохранилась обширная переписка Давыдова с Золотарёвой на французском языке – около 70 писем. В письмах он, как и в стихах, объяснялся ей в любви, просил о взаимности. Воспитанная в строгих правилах пензенская барышня, в свою очередь, предлагала ограничиться простой дружбой. Роман закончился в 1835-1836 годах. Золотарёва вышла замуж «за нелюбимого и немолодого» соседского помещика, отставного драгунского офицера Василия Мацнева. Спустя всего несколько лет поэт скончался на 55-м году жизни.

Д.В. Давыдов
Я вас люблю так...

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю,- не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,

Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы - поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,-
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это – вы!
На право вас любить не прибегу к пашпорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

Загоскин Николай Михайлович



Н.М. Загоскин (14.06.1789-5.07.1852) родился в селе Рамзай Мокшанского уезда Пензенской губернии. Несмотря на обилие книг в домашней библиотеке, Николай Загоскин получил довольно посредственное домашнее образование. Троюродный брат писателя Ф. Вигель вспоминал о том времени, когда привез четырнадцатилетнего Мишу Загоскина в Петербург для поступления на службу в канцелярию государственного

казначея Голубцова:

«Ему было тогда лет четырнадцать, и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя учение его не только не было кончено, мне кажется, даже не было начато. Имя Миши, коим звали его, было ему весьма прилично; дюжий и неуклюжий, как медвежонок, имел он довольно суровое, но свежее и красивое личико».

Через три года службы Загоскин стал сенатским регистратором. В дальнейшем ему довелось служить в горном департаменте, Государственном ассигнационном банке, департаменте горных и соляных дел. Помощи от родителей Николай Михайлович все это время не получал, жил на жалование вместе со своим дядькой-воспитателем Прохором Кондратьевичем.

В разгар французского вторжения Загоскин записался в Петербургское ополчение. В чине подпоручика он участвовал в Отечественной войне 1812 года, а по окончании военных действий в 1814 году вернулся в свое родовое имение Рамзай, откуда наезжал в Пензу. Он был одним из немногих пензенских обитателей того времени, видевший смысл своей жизни в литературном творчестве. На пензенской земле им было создано первое драматургическое произведение комедийного плана «Проказник», которое внесло, таким образом, очередную страницу в летопись литературной жизни Пензы. Свою пьесу Загоскин отправляет князю А. А. Шаховскому, который в то время служил членом репертуарной части казённого театра. Благодаря знакомству с Шаховским Николай Михайлович входит в театральные круги обеих столиц. Его пьесы «Урок холостым, или Наследники», «Деревенский философ» с большим успехом идут в московских театрах.

Однако наибольшую популярность Загоскину приносят исторические романы. Именно он становится родоначальником этого жанра в России. Роман в трех частях «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» получил самые восторженные отклики. В. Г. Белинский назвал это произведение «первым хорошим русским романом». После триумфа «Юрия Милославского» Загоскин получил место управляющего конторою Императорских Московских театров. В 1833 году стал действительным членом Российской академии, а после присоединения её к академии наук – почётным академиком последней по отделению русского языка и словесности.

В 1837 году Загоскин был произведён в действительные статские советники с назначением на должность директора императорских московских театров. Через пять лет получил должность директора Московской оружейной палаты, которую и занимал до конца своей жизни.

Василий Осипович Ключевский



В.О. Ключевский (16.01.1841-12.05.1911) родился в селе Воскресенском Пензенского уезда и губернии (существует версия о его рождении в городе Пензе). Первые четыре года жизни прошли в Воскресенском – здесь он сделал свои первые шаги, услышал русские народные сказки, которые рассказывала ему бабушка. Эти сказки двухлетний малыш всегда слушал чрезвычайно внимательно и всякий раз поправлял рассказчицу, если та

по-иному что-либо сказала: «это не так», «этого не говорили».

Видимо, бабушка первой и заметила одаренность внука. Ласково глядя его по головке, приговаривала: «Бакалаврушка ты мой!». Детские годы Ключевского и дальше проходили в деревенской глуши Пензенской губернии по месту службы отца – бедного сельского священника и законоучителя: один год (1845) в уездном городке Городище, около пяти лет в селе Можаровке (1846-1851).

Мальчик жил среди русской природы близко к быту сельского населения. Впечатления детства врезались в его память на всю жизнь. Сочувствие и понимание крестьянской жизни, интерес к исторической судьбе народа, социальная среда, в которой он вырос, воспринятое им народное творчество – все это много дало будущему историку. Философ

Первым учителем Василия Осиповича был отец, который научил его правильно и быстро читать, «писать порядочно» и начал учить сына петь по нотам. Внезапная трагическая гибель отца 28 августа 1850 года оборвала детство Василия Осиповича...

Его мать с двумя оставшимися живыми детьми (остальные четверо умерли во младенчестве) перебралась в сентябре 1851 году в Пензу. Из сострадания к неимущей вдове священник С.В. Филаретов (друг мужа) отдал ей для проживания маленький домик. Семья ютилась в задней, худшей части дома; переднюю сдавали внаем за три рубля в месяц. В этом доме прошли самые

трудные в материальном отношении 10 лет жизни В.О. Ключевского.

В Пензе Ключевский последовательно учился в приходском духовном училище, в духовном уездном училище (1852-1856), в Духовной семинарии (1856-1860). Рано, чуть ли не со второго класса семинарии, он вынужден был давать частные уроки, да и в дальнейшем продолжал заниматься репетиторством, зарабатывая на кусок хлеба и накапливая педагогический опыт. С детства проявившаяся любовь к истории вообще и к русской в особенности окрепла в ученические годы.

Чтобы иметь возможность поступить в университет (а начальство прочило его в Казанскую духовную академию), Ключевский намеренно бросил на последнем курсе семинарию. Год юноша самостоятельно готовился к поступлению в университет и готовил к экзаменам двух сыновей пензенского фабриканта Маршева. Летом 1861 года Ключевский уехал из родного города, куда ему не суждено было вернуться⁹.

Лажечников Иван Иванович



И.И. Лажечников (14.09.1790-7.07.1869) родился в Коломне в богатой купеческой семье.

Его отца отличала тяга к просвещению, усиленная и направленная случаем, который свел молодого купца с крупнейшим деятелем русской культуры XVIII века, просветителем Н.И. Новиковым, по рекомендации которого к мальчику пригласили истинно образованного француза-гувернера, будущий романист обязан был прекрасным воспитанием, полученным в отчем доме. Рано пристрастившись к чтению, Лажечников знакомится сначала с русской, затем с французской и немецкой литературой, а вскоре и пробует собственные силы на

⁹ Киреева Р. А. Ключевский В.О. // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. - Пенза; М., 2001

поприще словесности. С 1807 года его сочинения появляются то в «Вестнике Европы» М.Т. Каченовского, то в «Русском вестнике» С.Н. Глинки, то в «Аглае» П.И. Шаликова.

Увлеченный патриотическим порывом, юноша в 1812 году тайно бежал из родительского дома и вступил в русскую армию. В 1819 году Лажечников вышел в отставку, а через год начал службу по министерству народного просвещения.

В 1820 году он получил место директора училищ Пензенской губернии, где занимался реорганизацией губернской гимназии и созданием уездных училищ. Это было его первое место службы по учебному ведомству. По делам службы Лажечников часто посещал Нижний Ломов, Чембар и другие города. В 1823 году, ревизуя Чембарское училище, отметил и запомнил юного В.Г. Белинского, за творчеством которого внимательно следил впоследствии.

В 1823 году И.И. Лажечников был перемещен в Казань, где стал директором гимназии, а затем директором народных училищ губернии. Осенью 1827 года, уволившись со службы по Казанскому учебному округу, жил в Москве и Санкт-Петербурге, находился на государственной службе, занимался литературным творчеством. В воспоминаниях «Заметки для биографии Белинского» (1859) и «Как я знал М.Л. Магницкого» (1866) говорится о пребывании в Пензе и губернии.

И.И. Лажечников в русской литературе явился одним из пионеров исторического романа. Его перу принадлежат «Последний Новак, или завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» (Москва, 1833), «Ледяной дом» (Москва, 1835), «Басурман» (Москва, 1838).

Лажечников И.И.
Заметки для биографии Белинского
(отрывок)

В 1823 году ревизовал я чембарское училище. Новый дом был только что для него отстроен. (В этом ли доме, или во вновь построенном после бывшего пожара, не знаю хорошо, жил несколько времени император Николай Павлович по случаю болезни своей от падения из экипажа на пути близ Чембара).

Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною, между прочими учениками, мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он, между тем, на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно. Таким вообразил бы я себе ученого доктора между позднейшими нашими потомками, когда, по предсказаниям науки, измельчает род человеческий. На все делаемые ему вопросы, он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал, большею частию, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и признаюсь, старался сбить его...

Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книжке (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью, как будто он видел в этом торжестве собственное свое. Я спросил его, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря», — сказал он мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой приветствовал его, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой подписал: «Виссариону Белинскому за прекрасные успехи в учении» (или что-то подобное) от такого-то, тогда-то. Мальчик принял от меня книгу без особенного радостного увлечения, как должную себе дань, без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства. Чембар — маленький уездный городок, не лучше посредственного села. Местоположение его и окрестностей довольно живописны.

Как говорил мне смотритель, Белинский гулял часто один, не был сообщителен с товарищами по училищу, не вмешивался в их игры и находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал, где только мог. Отец его, уроженец Польши или западных губерний, был очень беден и неизвестен дальше своего око-

лотка. Сын его Виссарион родился в наших степях, в нашей вере, и был вполне русским.

Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частью члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку, часто за ерофеичем и пуншем, слышал речи, вращавшиеся более всего около частных интересов, приправленные цинизмом взяточничества и мерзких проделок, видел воочию неправду и черноту, замаскированные боязнью гласности, не закрашенные лоском образованности, видел и купленное за ведерку крестное целование понятых и свидетельствование разного рода побоев и пр. и пр... Душа его, в которую пала с малолетства искра божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен.

С ранних лет накалилась в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чем бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе. Оттого-то его убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнью. Только с жизнью он и покинул их. Прибавьте к безотрадному зрелищу гнилого общества, которое окружало его в малолетстве, домашнее горе, бедность, нужды, вечно его преследовавшие, вечную борьбу с ними, и вы поймете, отчего произведения его иногда переполнялись желчью, отчего, в откровенной беседе с ним, из наболевшей груди его вырывались грознообличительные речи, которые, казалось, душили его. Он действовал на общество и литературу, как врач на больного, у которого прижигает и вырезывает язвы; можно ли сказать, что этот врач не любит человечество?.. Менее страстная и энергическая натура уступила бы обстоятельствам и не совершила бы того, что он совершил в такую короткую жизнь¹⁰.

¹⁰ Лажечников И.И. Заметки для биографии Белинского. Электронный ресурс: <https://litbit.ru/ru/lazhechnikov-ivan/zametki-dlya-biografii-belinskogo>

Лермонтов Михаил Юрьевич



М.Ю. Лермонтов (3.10.1814–27.07.1841) – великий русский поэт. В возрасте полугода родители привезли его в Тарханы, имение бабушки Е.А. Арсеньевой. Когда Лермонтову было 2 года и 4 месяца, умерла его мать. С этого времени начинается распря между его бабушкой и отцом.

Елизавета Алексеевна, женщина «деспотического, непреклонного характера, привыкшая повелевать», во что бы то ни стало, хотела оставить внука при себе. Юрий Петрович Лермонтов, будучи небогат, скрепя сердце вынужден был уступить теще. По свидетельству современника, «в доме Елизаветы Алексеевны все было рассчитано для пользы и удовольствия ее внука». В Тарханах Лермонтов получил серьезное домашнее образование. Обучаться наукам Лермонтов начал лет с семи. Чтобы он охотнее учился и не скучал без сверстников, Е.А. Арсеньева пригласила в дом детей родственников и некоторых соседей.

Музыку маленький Миша любил, играл на скрипке, фортепиано и флейте, и Аким Шан-Гирей указывал, что он «занимался часто музыкой». Занятия, развивающие художественные способности, чередовались с уроками по изучению основ наук и иностранных языков. Уже в Тарханах десятилетний Лермонтов прекрасно знал французский и немецкий. Немецкий язык Лермонтов знал благодаря своей бонне Христине Ремер. С раннего детства воображение Миши было наполнено романтическими образами западной словесности, завезенными в Тарханы бонной-немкой.

Свое обучение Михаил Юрьевич продолжил в Московском благородном пансионе. Именно к этому времени относится начало его творческой деятельности. Отправив внука в большую жизнь, Елизавета Алексеевна продолжала о нем заботиться. Она обеспечивала его материально, давая ему возможность вести образ жизни, подобающий блестящему гвардейскому офицеру, была в курсе и его литературных дел. Прочтя очередное сочинение внука, сообщала ему:

«Стихи твои, мой друг, я читала, бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нонешней модной неистовой любви, и невестка сказывала, что Афанасию очень понравились стихи твои и очень их хвалил... Да как ты не пишешь, какую ты пьесу сочинил, комедия или трагедия? Уведомь, а коли можно – перешли через почту. Все, что до тебя касается, я равнодушна...».

Вновь Михаил Юрьевич вернулся в Тарханы уже взрослым человеком, с опытом жизни и творчества. Это был его долгожданный первый офицерский отпуск, полученный «по домашним обстоятельствам» в конце декабря 1835 года. Елизавета Алексеевна томила в ожидании внука с октября: «... сейчас вот жду его и ничего, кроме радости видеть его, не знаю», – сообщала она своей подруге. Тревожась о том, как бы рано наступившая весна не нарушила решения внука, Арсеньева отправила ему в Москву удобную для поездок долгушу, перину и одеяло.

Той зимой условия для творчества у поэта были исключительными – в доме все такое родное и знакомое с младенчества, уютный кабинет, книги и рядом бабушка, такая счастливая его приездом. Ему никто не мешал. Вот только душевного равновесия не было: Михаил Юрьевич тяжело переживал замужество Варвары Лопухиной. Заглушить душевную боль помогали книги.

В тот памятный приезд в Тарханы крестьяне показали молодому барину свою любимую забаву – кулачный бой. Картина увиденного в ту зиму припомнилась поэту позже, когда он начал работу над одним из лучших своих произведений – «Песнью про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

В марте 1836 года Лермонтов уехал из родных Тархан, уехал никому не известным офицером, а через девять месяцев его гневные строки, направленные против убийц Пушкина, за два дня разошлись по Петербургу и принесли Михаилу Юрьевичу литературную славу и первую ссылку на Кавказ. Через три года последует вторая ссылка, из которой поэту не суждено будет вернуться. Между двумя выстрелами – у Черной речки и у горы Машук – пройдет всего четыре года, и за эти годы Лермонтов напишет лучшие свои стихи. 27 июля 1841 года гениального поэта в Пятигорске на дуэли убил Н.С. Мартынов.

Горестное известие с Кавказа настигло Елизавету Арсеньеву в Москве, с ней случился апокалиптический удар. Едва оправившись, Арсеньева немедленно вернулась в свое имение. Уже из Тархан она направила прошение на имя императора с просьбой перезахоронить в родном селе ее ненаглядного Мишеньку. Ее просьбу удовлетворили, и в апреле 1842 года тарханские мужики привезли гроб с прахом поэта в Тарханы.

М.Ю. Лермонтов

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,-
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,- памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

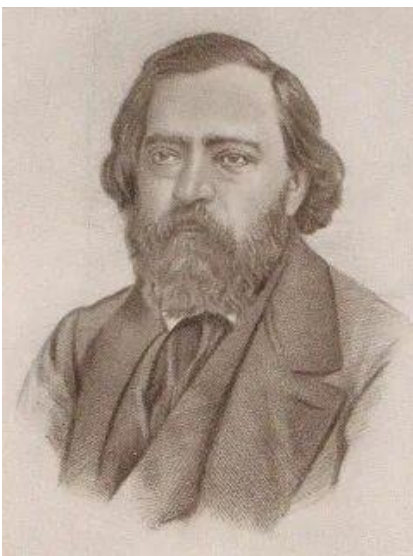
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин -
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Огарев Николай Платонович



Н.П. Огарев (6.12.1813-12.06.1877) – поэт, публицист, революционный деятель.

Детство провел в родовом имении отца – селе Старое Акшино, находившемся на территории Пензенской губернии (ныне Республика Мордовия). Будучи студентом Московского университета, а затем служащим Московского архива иностранных дел летом 1832-1833 приезжал в Пензу и село Чертково, ныне Бессоновского района, чтобы навестить больного отца. В 1833 году вслед за Ни-

колаем Платоновичем в Пензу на имя губернатора поступило секретное отношение московского обер-полицмейстера.

Последний уведомлял, что служащий Московского архива иностранных дел состоит под наблюдением полиции, и просил «права об учреждении за ним и там строжайшего надзора». Летом 1834 года Огарев, как один из организаторов революционного кружка, «за прикосновенность к делу о пении в Москве несколькими молодыми людьми пасквильных стихов», «переписку, наполненную свободомыслием», был арестован и после 9 месяцев тюремного заключения сослан в Пензенскую губернию под надзор полиции и наблюдение отца. В апреле 1835 года поэт прибыл в Пензу и был определен на должность актуариуса в канцелярию губернатора А.А. Панчулидзева.

«Здесь не мыслят, не чувствуют, – писал Николай Платонович из Пензы, – здесь играют в вистик, и ведут кое-какие свои делишки; а уж если кто и вздумает полиберальничать, то уж так выместит на своих крестьянах всю несоответственность головы и сердца, что волос дыбом станет... Поживите в провинции, послушайте вопль утесненных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков...».

В Пензе Н.П. Огарев встретился с Марией Львовной Рославлевой, племянницей губернатора Панчулидзева. Через год в кафедральном соборе состоялся торжественный обряд венчания. Но брак оказался непродолжительным и принес поэту много тяжелых переживаний и душевных мук.

С 1839 по 1841 годы поэт жил то в Пензе, то в Старом Акшине, создал несколько стихотворений, в том числе «На смерть поэта», посвященное памяти А.С. Пушкина, «С моей измученной душою...», «Удел поэта», «К друзьям», «Шекспир». Находясь в Черткове, написал стихотворения, посвященные А.А. Тучкову и памяти отца.

В конце мая 1841 года, дав крупную взятку губернатору, Огарев сумел освободиться от опалы и уехал за границу. Возвратившись через 5 лет, Николай Платонович поселился в Старом Акшине, много писал, проводил опыты по внедрению вольнонаемного труда на крепостной фабрике, работал над проектом об основах народного образования, занимался медицинской практикой. Он снова жил в Пензе, посещал село Долгоруково (Яхонтово), ныне Иссинского района – имение инсарского уездного предводителя дворянства А.А. Тучкова. Его дочь, Наталья Алек-

сеевна стала впоследствии второй женой поэта. На местном материале написаны поэмы «Юмор», «Зимний путь», «Господин», стихотворения «Деревня», «Кабак», «Деревенский сторож», «Дорога». В Пензенской губернии проходит и действие антикрепостнической повести «Гулевой». Полиция по-прежнему следила за каждым шагом опального поэта. Огарева и его друзей даже арестовывали и доставляли в Петербург для допроса.

Только в апреле 1856 года Н.П. Огарев сумел выехать за границу. Он навсегда покинул Россию, переехав в Лондон, где стал соредактором А.И. Герцена по изданиям, выпускаемым Вольной русской типографией. В «Колоколе» печатались его статьи, посвященные Пензе и губернии: «О тайных обществах и их объединениях», «Русские вопросы», воззвания «Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота», «Братья солдаты! Одумайтесь – пока время».

Поэт умер в Лондоне и был захоронен на маленьком кладбище в пригороде Гринвича. 1 марта 1966 года его прах был доставлен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище.

Н.П. Огарев **Дорога**

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.
Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.
Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Почему первую половину XIX в. принято называть «золотым веком» русской культуры?
2. Кто из пензенских писателей удостоен звания родоначальника исторического романа и почему?
3. О каких усадьбах и родовых домах поэтов и писателей Пензенской области вы знаете?

Прочтите дополнительно:

1. Белинский В.Г. «Дмитрий Калинин»
2. Загоскин М.Н. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»
3. Задонский Н. «Денис Давыдов»
4. Лажечников И.И. «Ледяной дом»
5. Лермонтов М.Ю. «Герой нашего времени»
6. Лермонтов М.Ю. «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»
7. Шер Н.С. «Виссарион Григорьевич Белинский. Рассказы о русских писателях»

Темы докладов:

1. Пенза театральная
2. Духовная культура Пензенского края.
3. Деятельность филолога Ф.И. Буслаева.
4. Изобразительное искусство Пензенского края.
5. М.Ю. Лермонтов и Пензенский край.
6. П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, Н.П. Огарев и Пензенский край (можно о каждом в отдельности)
7. Деятельность критика В.Г. Белинского.
8. Первый русский исторический романист М.Н. Загоскин.

Раздел 3. Культура Пензенского края во 2-ой половине XIX века

Вторая половина XIX века ознаменована усложнением социальной и культурной жизни Пензенского края, развитием системы образовательных учреждений. Так. По статистическим данным в 1856 году в нашей губернии было 133 средних и низших учебных заведения. Но Пенза всегда мечтала об университете: ментальность высшего сословия – дворян – представляла город как некие «Мордовские Афины», чтобы нести свет просвещения в народные массы, в том числе – и коренному населению этих мест.¹¹

Не осталась наша губерния в стороне и от общеимперских событий России того времени. Так, крестьянство Пензенской губернии участвовало в освободительном движении 60-х годов XIX в. в Крупное волнение крестьян произошло в конце марта – начале апреля в имении помещика Михайловского-Данилевского – селе Чемодановке, в то время входившего в Городищенский уезд. Разрастаясь, движение захватило деревни Борисовку, Степановку и стало распространяться на другие селения Городищенского уезда.

В декабре 1861 года вспыхнуло волнение в имении князя Куракина – селе Куракино Городищенского уезда. К наиболее крупным событиям относится восстание крестьян Чембарского и Керенского уездов. Весной 1861 года вспыхнуло восстание в с. Кандиевка, которое носило ярко выраженный антикрепостнический характер, отличалось активными формами борьбы и массовостью.

Тесно связано с Пензенским краем народническое движение 1871-1895 годов. Революционеры-народники направляли агитаторов в крестьянские массы, чтобы поднять их борьбу с производом царского режима, но усилия народников в Пензенской губернии не имели успеха.

Литературная жизнь второй половины XIX века во многом отражала социальную реальность данного периода. Произведения

¹¹ См.: Пугачева Н.П., Мавлюдов И.Н. Культура Пензенского края. Справочное пособие. ФГБОУ ВПО Пензенская ГСХА. 2012 г., С. 15

В. Короленко, Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В. Слепцова, Н.С. Лескова во многом обращают внимание на проблемы, с которыми сталкивается простой народ, противоречия между властью и обывателем, трагикомичными ситуациями российской действительности.

Часть произведений с полным основанием можно отнести к числу революционно ориентированных (Н.Г. Чернышевский, В. Слепцов), другие – в основном касаются бытовых описаний (В.В. Гиляровский), другие полны размышлений о природе русской действительности, души человека, постижению его тонкой психологии и нравственной глубины (Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков). Отдельным литературным пластом этого периода становятся сатирические произведения, вскрывающие противоречия и высмеивающие сложившийся социальный порядок (М.Е. Салтыков-Щедрин, А.М. Жемчужников).

Разнообразие литературных жанров и направлений – одна из ярких характеристик этого периода культурной жизни Пензенского края. Поэтому, знакомясь с литературными произведениями авторов второй половины XIX века, мы можем наиболее полно понять, чем жил наш край, каков был портрет обывателя того времени, что его волновало и восхищало – а значит, отчасти посмотреть на мир его глазами, ощутить наступление нового для него времени – века XX.

Гиляровский Владимир Алексеевич



В.А. Гиляровский (1855-1935) – прозаик, поэт, журналист.

В 1878-1879 годах выступал в Пензе на сцене театра Л.И. Горсткина в труппе В.П. Далматова-Лучича. О времени, проведенном в Пензе, о людях, встреченных в нашем городе, он вспоминал в своих книгах «Мои скитания», «Люди театра».

В Пензе Гиляровский смог впервые за многие годы остепениться: снял двухкомнатную квартиру в центре города, подобрал на улице щенками двух собак – сначала Дуньку, затем Зулуса.

По настоянию Далматова Гиляровский взял себе постоянный сценический псевдоним Сологуб и даже обзавелся визитными карточками, на которых графская корона (ведь настоящий Сологуб был графом) представляла из себя скабрёзную картинку. Через несколько дней Сологуб уже играл Швейцера в постановке шиллеровских «Разбойников».

Театр, в котором служил Владимир Алексеевич, располагался в старинном барском доме Гладковых на улице Троицкой (ныне Кирова) и принадлежал Льву Ивановичу Горсткому. Здание театра, известного также под названием «Зимний», было разобрано в 1929 году после пожара. Сегодня на этом месте по адресу ул. Кирова, 1, стоит жилой дом, известный как магазин «Дон».

Гиляровский играл в основном вторые роли, но делал это добросовестно, и, кроме того, был помощником режиссера.

Здесь же, в Пензе Гиляровский познакомился с директором ботанического сада Оттоном Матвеевичем Баумом, в семье которого жили две дочери умершей подруги жены Баума – Маруся и Надя Мурзины. В 1879 году, когда ему было 26 лет, а ей 23, молодые заключили брачный союз, а впоследствии она стала его женой.

Иногда с театральных вечеров Гиляровский убегал на пожары. В Пензе он впервые записался топорником в пожарную ко-

манду, и эта профессия на многие годы стала для него постоянной, где бы ни жил. Немного кто знает, что именно Гиляровский объяснил соотечественникам, чем «пожарный» отличается от «пожарника». Многим в Пензе того времени была памятна его, ставшая впоследствии фирменной, публичная акция: актер ухватывался одной рукой за фонарь, а другой – за извозчичью пролетку, и лошадь не могла сдвинуться с места.

Отыграв в Пензе два сезона, Владимир Алексеевич отправится покорять Москву, и покорит ее. Будет первая книга «Трущобные люди», опубликованная в 1887 году, а спустя 30 лет – блестящие воспоминания «Москва и москвичи». И автобиографическая книга «Мои скитания», где в главе «Актёрство» писатель добрым словом вспоминает милую его сердцу Пензу.

В.А. Гиляровский
Из книги «Мои скитания»
(отрывок)

...Недолго я пробыл дома. Вскоре получил письмо от Далматова из Пензы, помеченное 5 октября 1878 года, которое храню и до сих пор. Он пишет: «Мне говорили, что Вы уже получили отставку, если это так, то приезжайте ко мне трудиться... Я думаю, что отец доволен Вашим поступком, – он заслуживает признательности и похвалы. Что касается до меня, то в случае неустойки я к Вашим услугам. Хотя я и вновь обзавелся семейством, но это нисколько не мешает мне не забывать старых товарищей».

И вот я в Пензе. С вокзала в театр я приехал на «удобке». Это специально пензенский экипаж вроде извозчичьей пролетки без рессор, с продольным толстым брусом, отделявшим ноги одного пассажира от другого. На пензенских грязных и гористых улицах всякий другой экипаж поломался бы, – но почему его называли «удобка» – не знаю. Разве потому, что на брус садился, скорчившись в три погибели, третий пассажир?

В 9 утра я подъехал к театру. Это старинный барский дом на Троицкой улице, принадлежавший старому барину в полном смысле этого слова, Льву Ивановичу Горсткому, жившему со своей семьей в половине дома, выходившей в сад, а театр выходил на улицу, и выходили на улицу огромные окна квартиры

Далматова, состоящей из роскошного кабинета и спальни. Высокий кабинет с лепными работами и росписью на потолке. Старинная мебель... Посредине этой огромной комнаты большой круглый стол красного дерева, заваленный пьесами, афишами, газетами. Над ним, как раз над серединой, висела толстая бронзовая цепь, оканчивавшаяся огромным крюком, на высоте не больше полутора аршин над столом. Наверно, здесь была люстра когда-то, а теперь на крюке висела запыленная турецкая феска, которую я послал Далматову с войны в ответ на его посылку с гостинцами, полученную мной в отряде.

Дверь мне отпер старый-престарый, с облезлыми рыжими волосами и такими же усами отставной солдат, сторож Григорьич, который, увидя меня в бурке, черкеске и папахе, вытянулся по-военному и провел в кабинет, где Далматов – он жил в это время один – пил чай и разбирался в бумагах. Чисто выбритый, надушенный, в дорогом халате, он вскочил, бросился ко мне целоваться...

Григорьич поставил на стол к кипящему самовару прибор и – сам догадался – выставил из шкафа графин с коньяком.

После чаю с разговорами Далматов усадил меня за письменный стол, и началось составление афиши на воскресенье. Идут «Разбойники» Шиллера. Карл – Далматов.

– А вы сыграете Швейцера (тогда мы еще были на «вы»).

И против Швейцера пишет: «Гиляровский». Я протестую и прошу поставить мой старый рязанский псевдоним – Луганский.

– Нет, надо позвучнее! – говорит Далматов и указывает пальцем на лежащую на столе книжку: «Тарантас», соч., гр. В.А. Соллогуба.

И, зачеркнув мою фамилию, молча пишет: «Швейцер – Соллогуб».

– Как хорошо! И тоже В.А.! Великолепно, за графа принимать будут.

Так этот псевдоним и остался на много лет, хотя за графа меня никто не принимал. Я служил под ним и в Пензе, и на другое лето у Казанцева в Воронеже, где играл с М.Н. Ермоловой и О. А. Правдиным, приезжавшими на гастроли. Уже через много лет, при встрече в Москве, когда я и сцену давно бросил, О.А. Правдин, к великому удивлению окружающих, при первой москов-

ской встрече, назвал меня по-старому Сологубом и в доказательство вынул из бумажника визитную карточку «В. А. Сологуб» с графской короной, причем эта корона и заглавные буквы были сделаны самым бесцензурным манером. Этих карточек целую пачку нарисовал мне в Воронеже, литографировал и подарил служивший тогда со мной актер Вязовский. Одна из них попала к Правдину, и даже во время немецкой войны как-то при встрече он сказал мне:

– А твою карточку, Сологуб, до сего времени храню!

И так я стал Сологубом и в воскресенье играл Швейцера. Труппа была дружная, все милые, милые люди. Далматов так и носился со мной. Хотя я нанял квартиру в две комнатки недалеко от театра, даже потом завел двух собак, щенками подобранных на улице, Дуньку и Зулуса, а с Далматовым не расставался и зачастую ночевал у него. Посредине сцены я устроил себе для развлечения трапецию, которая поднималась только во время спектакля, а остальное время болталась над сценой, и я поминутно давал на ней акробатические представления, часто мешая репетировать, – и никто не смел мне замечание сделать – может быть, потому, что я за сезон набил такую мускулатуру, что подступить было рискованно.

Я пользовался общей любовью и, конечно, никогда ни с кем не ссорился, кроме единственного случая за все время, когда одного франта резонера, пытавшегося совратить с пути молоденькую актрису, я отвел в сторону и прочитал ему такую нотацию, с некоторым обещанием, что на другой день он не явился в театр, послал отказ и уехал из Пензы.

Играл я вторые роли, играл все, что дают, добросовестно исполнял их и был, кроме того, помощником режиссера. Пьесы ставились наскоро, с двух, редко с трех репетиций, иногда считая в это число и считку. В неделю приходилось разучивать две, а то и три роли.

Жилось спокойно и весело, а после войны и моей бродяжной жизни я жил роскошно, как никогда до того времени не жил.

Вспоминается мне мой бенефис. Выпустил Далматов за неделю анонс о моем бенефисе, преподнес мне пачку роскошно напечатанных маленьких программ, что делалось тогда редко, и предложил, по обычаю местному, объехать меценатов и пригла-

силь всех, начиная с губернатора, у которого я по поручению Далматова уже режиссировал домашний спектакль.

И вот, после анонса, дней за пять до бенефиса, облекся я, сняв черкеску, в черную пару, нанял лучшего лихача, единственного на всю Пензу, Ивана Никитина, и с программами и книжкой билетов, уже не в «удобке», а в коляске, отправился скрепя сердце первым делом к губернатору. Тут мне посчастливилось в подъезде встретить Лидию Арсеньевну...

Губернатором был А. А. Татищев, штатский генерал, огромный, толстый, с лошадиной физиономией, что еще увеличивало его важность. Его жена была важнейшая губернаторша, но у них жила и подруга ее по Смольному, Лидия Арсеньевна, которая в делах управления губернией была выше губернаторши, да чуть ли не самого губернатора.

Встретив ее, выходящую на прогулку, я ей дал программу с просьбой пожаловать на бенефис и спросил, могу ли видеть Александра Александровича.

— Он в канцелярии. Не стоит вам беспокоиться, я скажу, что были и приглашали нас... Обязательно будем...

И действительно, были в своей бесплатной губернаторской ложе и прислали в день бенефиса в кассу на мое имя конверт с губернаторской визитной карточкой и приложением новой четвертной за ложу.

Окрыленный, еду на Московскую улицу, в магазин купца Варенцова, содержателя, кроме того, лучшей гостиницы, где я часто играл на бильярде.

Сухо меня встретил купчина, но обещал быть, а билет не взял. Тоже и соседний магазинчик Будылин. Еду к богатому портному Корабельщикову, которому еще не уплатил за сюртук.

— Ладно. Спрошу жену... Пожалуй, оставьте ложу в счет долга...

Это меня обидело. Я вышел, сел на Ивана Никитина, поехал завтракать в ресторан Кошелева. Отпустил лихача и вошел. В зале встречаю нашего буфетчика Румеля, рассказываю ему о бенефисе, и он прямо тащит меня к своему столу, за которым сидит высокий, могучий человек с большой русой бородой: фигура такая, что прямо нормандского викинга пиши.

– Мейерхольд. Сологуб, Владимир Алексеевич, наш артист, – познакомил нас Румель.

Мейерхольд заулыбался:

– Очень, очень рад. Будем завтракать.

И сразу налил всем по большой рюмке водки из бутылки, на которой было написано: «„Углевка“, завода Э. Ф. Мейерхольд, Пенза».

Ах, и водка была хороша! Такой, как «Углевка», никогда я нигде не пил – ни у Смирнова Петра, ни у вдовы Поповой, хотя ее «вдовья слеза», как Москва называла эту водку, была лучше смирновской.

«Углевка» и «удобка» – два специально местные пензенские слова, нигде больше мной не слыханные, – незабвенны!

За завтрак Мейерхольд мне не позволил заплатить.

– За этим столом платить не полагается, вы – мой гость.

И неловко мне после этого было предложить ему билет, да Румель выручил, рассказав о бенефисе.

– Пожалуйста, мне ложу... бельэтаж. Поближе к сцене...

Я вынул еще непечатую книжку билетов, отрезал 1-й номер бельэтажа, рядом с губернаторской ложей, и вручил:

– Почин. Только первый билет.

– О, у меня рука легкая, – и вынул из бумажника двадцатипятирублевку.

Я позвал полового, и посылаю его разменять деньги.

– Нет... Нет... Никакой сдачи. У нас по-русски говорят: почин сдачи не дает. На счастье!.. – И взяв у полового деньги, свернул их и положил передо мной.

– Спасибо. Теперь я больше ни к кому не поеду.

– Зачем так?

– Ни за что не поеду. Будь что будет!

– Вот дайте мне несколько афиш, я их всем знакомым раздам... Все придут.

Я дал ему пачку программ и распрощался. Вышел на подъезд, и вдруг выходят из магазина два красавца татарина, братья Кулахметьевы, парфюмеры, мои знакомые по театру. Поздоровались. Рассказываю о бенефисе.

– Будем, все будем, – говорит старший, а младший его перебивает:

– Поедем к нам обедать.

А у тротуара санки стоят. Младший что-то сказал кучеру-татарину, тот соскочил и вожжи передал хозяину.

– Садись с братом, я вас прокачу.

И через несколько минут бешеной езды рысак примчал нас в загородный дом Кулахметьевых, с огромным садом. Тут же помещались их парфюмерная фабрика и мыловаренный завод.

Обстановка квартиры роскошная, европейская. Сервировка тоже, стол прекрасный, вина от Лева. Обедали мы по-холостому. Семья обедает раньше. Особенно мне понравились пельмени.

– Из молодого жеребеночка! – сказал старший брат и пояснил: – Жеребятинка замораживается, строгаются ножом, лучку, перчику, соли, а сырые пельмени опять замораживаются, и мороженые-в кипятке.

С нами был еще молодой татарин Ибрагим Баишев, тоже театрал, и был еще главный управляющий фабрикой и парфюмер француз Рошет...

Все купили билеты: две ложи бельэтажа – Кулахметьевы – Рошета пригласили к себе в ложу – и Баишев билет первого ряда. Еще 50 рублей в кармане! Я победителем приехал к Далматову. Рассказал все и отдал книгу билетов.

– Никуда не поеду, ну их всех к дьяволу!

Сбор у меня был хороший и без этого. Это единственный раз я «ездил с бенефисом». Было это на второй год моей службы у Далматова, в первый под я бенефиса не имел. В последующие годы все бенефицианты по моему примеру ездили с визитом к Мейерхольду, и он никогда не отказывался, брал ложу, крупно платил и сделался меценатом.

* * *

Сезон 1879/80 года закончился блестяще; актеры заработали хорошо, и вся труппа на следующую зиму осталась у Далматова почти в полном составе: никому не хотелось уезжать из гостеприимной Пензы.

Пенза явилась опять повторным кругом моей жизни. Я бросил трактирную жизнь и дурачества, вроде подвешивания квартального на крюк, где была люстра когда-то, что описано со слов Далматова у Амфитеатрова в его воспоминаниях, и стал бывать в семейных домах, где собиралась славная учащаяся молодежь.

Часть труппы разъехалась на лето, нас осталось немного. Лето играли кое-как товариществом в Пензенском ботаническом казенном саду, прекрасно поставленном ученым садоводом Баумом, который умер несколько лет назад. Семья Баума была одной из театральных пензенских семей. Две дочери Баум выступали с успехом на пензенской сцене. Одна из них умерла, а другая окончательно перешла на сцену и стала известной в свое время инженеру Дубровиной. Она уже в год окончания гимназии удачно дебютировала в роли слепой в «Двух сиротках». Особенно часто я бывал в семье у Баум. В первый раз я попал к ним, провожая после спектакля нашу артистку Баум-Дубровину и ее неразлучную подругу – гимназистку М. И. М-ну, дававшую уроки дочери М. И. Свободиной, и был приглашен зайти на чай. С той поры свободные вечера я часто проводил у них и окончательно бросил мой гулевой порядок жизни и даже ударился в лирику, вместо моих прежних разудалых бурлацких песен. Десятилетняя сестра нашей артистки, Маруся, моя внимательная слушательница, сказала как-то мне за чаем:

– Знаете, Сологуб, вы – талант!

– Спасибо, Маруся.

– Да, талант... только не на сцене... Вы – поэт.

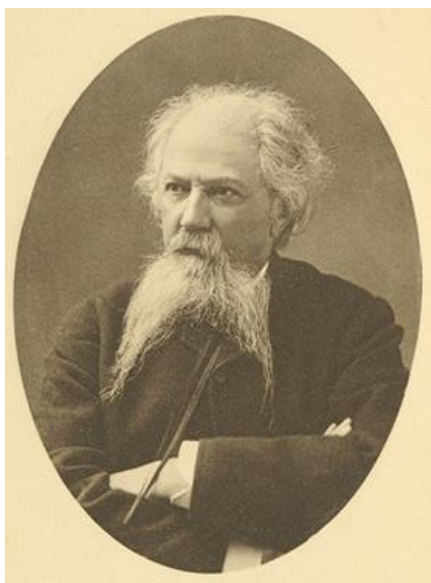
Это меня тогда немного обидело, – я мнил себя актером, а после вспоминал и теперь с удовольствием вспоминаю эти слова...

Другая театральная семья – это была семья Горстких, но там были более серьезные беседы, даже скорее какие-то учено-театральные заседания. Происходили они в полухудожественном, в полумасонском кабинете-библиотеке владельца дома, Льва Ивановича Горсткого, высокообразованного старика, долго жившего за границей, знакомого с Герценом, Огаревым, о которых он любил вспоминать, и увлекавшегося в юности масонством. Под старость он был небогат и существовал только арендой за театр.

Вот у него-то в кабинете, заставленном шкафами книг и выходившем окнами и балконом в сад над речкой Пензяткой, и бывали время от времени заседания. На них присутствовали из актеров: Свободина, Далматов, молодой Градов, бывший харьковский студент, и я.

Горсткин заранее назначал нам день и намечал предмет беседы, выбирая темой какой-нибудь прошедший или готовящийся спектакль, и предлагал нам пользоваться его старинной библиотекой. Для новых изданий я был записан в библиотеке Умнова.

Жемчужников Александр Михайлович



28 ноября 1866 года на должность пензенского вице-губернатора был назначен старший ревизор по акцизному управлению в Пензенской губернии, коллежский советник Александр Михайлович Жемчужников (1826-1896), владелец имения в Чембарском уезде и довольно известный в литературных кругах поэт, один из создателей знаменитого вымышленного сатирического персонажа Козьмы Пруtkова. Имение было общей площадью две тысячи десятин, что в переводе на современные меры соответствует почти трем тысячам гектаров. Будучи рачительным, строгим, но справедливым землевладельцем, Александр Михайлович добился сельскохозяйственных успехов и был награжден медалью на Парижской выставке. А.М. Жемчужников в 1866-70 гг. служил пензенским вице-губернатором.

Говоря о пензенском следе Пруtkова, принято упоминать, что Лев Михайлович Жемчужников, талантливый художник и один из авторов прутковского портрета, не только часто гостил у своей родни в Мокром Мичкассе, но в 1862-1876 гг. безвыездно жил, работал в деревне Аршуковке Чембарского уезда.

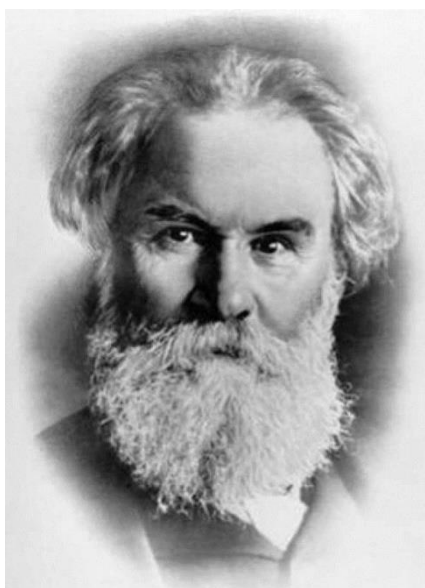
В книге «Улицы Пензы» Вячеслава Степановича Година говорится, что в 1874 году нынешняя улица Жемчужная называлась Жемчужниковской. В 1937 году ее переименовали по причине непролетарского названия, оборвал связь пензяков с братьями Жемчужниковыми, а через них – с Козьмой Пруtkовым.

Козьма Петрович Пруtkов – литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50-60-е годы XIX века поэт граф Алексей Константинович Толстой,

братья Алексей, Владимир (наибольший в количественном исчислении вклад) и Александр Жемчужниковы (фактически – коллективный псевдоним всех четверых).

Сатирические стихи, афоризмы Козьмы Пруткова и сам его образ высмеивали умственный застой, политическую «благонамеренность», пародировали литературное эпигонство.

Владимир Галактионович Короленко



В.Г. Короленко (1853-1921) – русский писатель и общественный деятель. Не раз приезжал в пензенский край. Где останавливался на хуторе Дубровка Сердобского района Саратовской губернии (ныне – село Ульяновка Колышлейского района Пензенской области).

«Я уехал из столицы на рождественские праздники далеко в глушь, в саратовскую деревню. Уединенный помещичий хутор, белые поля, купы деревьев, все в белом инее. Почта—в 12-ти верстах, ближайшая железнодорожная станция—в 16-ти. Газеты привозятся не каждый день, да ведь и читать их необязательно. Одним словом, – отдых среди природы!». Так начинается статья Владимира Галактионовича Короленко «В успокоенной деревне».

Уединенный хутор, куда приехал отдохнуть Короленко, назывался Дубровка. Он находился по соседству с деревней Дубровка, которая и сейчас существует в Колышлейском районе Пензенской области. Ближайшая железнодорожная станция – Колышлей; ближайшая почта была в селе Трескино.

В Дубровке у своих родственников Малышевых писатель гостил не раз. Между прочим, здесь он дважды «спасался» от юбилейных чествований. Дубровка была дорога Короленко еще и потому, что здесь умерла и похоронена его маленькая, горячо любимая дочка Лена. «Может, приеду сам взглянуть на могилку и на то место, где мы прощались с Леной», – писал Короленко в

1893 году из Парижа, где он получил телеграмму о смерти дочери.

С пребыванием в Дубровке связано выдающееся общественное выступление Короленко. Зимой 1911 года писатель хотел поработать в тиши Дубровки над давно задуманным и начатым рассказом «Обычай умер». Он уже приступил к работе и увлекся ею, когда к хозяину хутора – Сергею Андреевичу Малышеву приехали за советом крестьяне из соседней деревни Кромщина. Писатель был потрясен услышанным от кромщинских крестьян. Рассказ был отложен в сторону, вместо него Короленко написал статью «В успокоенной деревне». 4 февраля 1911 года эта статья появилась в газете «Русские ведомости» и вошла потом в собрание сочинений Короленко. Рассказ же «Обычай умер» так и остался неоконченным.

Что же случилось в Кромщине? У богатого кромщинского мужика Шестеринина темной осенней ночью взломали кладовую и вытащили два сундука. Кто украл — неизвестно. Шестеринин пригласил урядника Иванова из села Трескино и двух стражников. Он выставил им обильное угощение с водкой, и полицейские приступили в избе Шестеринина к производству «дознания».

Крестьян, заведомо невиновных в краже, одного за другим призывали в избу и зверски избивали, чтобы вымучить признание. Били нагайками, кулаками, ногами, железным прутком, душили за глотку, рвали губы, отливали водой и снова били. Крови на стенах и полу комнаты, где происходило истязание, было столько, что в избу пустили собак, которые вылизывали кровь.

Все это очень подробно и ярко рассказал Короленко. При этом он добавил к рассказу, что дело это довольно обычное, а установившаяся практика смотрит на такие «происшествия» не как на преступление и вопиющее злодейство, а лишь как на маловажный служебный проступок.

Вмешательство знаменитого писателя, огласившего кромщинское дело в большой московской газете, вызвало расследование преступления и не позволило замять его. В письме к родителям крестьян, подвергшихся истязанию, Короленко давал советы, как добиться правды. Он писал:

«Человек не скотина, которую можно бить сколько угодно. Человек имеет права и должен их отстаивать для себя и для дру-

гих... Нужно, значит, довести дело до конца, чтобы подобные насильники узнали, что им не все дозволено проделывать над мужиками. Тогда и другие остерегутся, видя, что и мужики не бессловесны, что и они иной раз умеют добиться своего права». Благодаря вмешательству Короленко кромщинское дело закончилось осуждением истязателей.

Ничего не осталось от хутора Дубровка, где бывал Короленко – в первые годы революции дубровский дом разобрали на школу. На месте, где был хутор, выросла новая деревня – Ульяновка. Не сохранилась и дома в Кромщине, где происходило истязание, – во время коллективизации дом кулака Шестеринина разобрали на колхозные постройки¹².

Лесков Николай Семёнович



Родился 4.02.1831 в селе Горохово Орловской губернии. Великолепный знаток народного быта и языка.

В 1857 году Николай Семенович «бросил довольно удачно начатую казенную службу и пошел служить в одну из вновь образованных в то время торговых компаний» – фирму «Скотт и Вилькенс», которая находилась в селе Райское (сейчас Николо-Райское Городищенского района). Ее управляющим состоял муж родной тетки Лескова – Александр Яковлевич Шкотт - англичанин, перешедший в российское подданство. По делам фирмы Н. Лесков много разъезжал по всей России, в том числе и по Пензенской губернии. Позднее писатель говорил, вспоминая эти годы: «Это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел и жил легко».

На пензенской земле Лесков впервые взялся за перо. В 1859 году, когда по Пензенской губернии, как и по всей России, прокатилась волна «питейных бунтов», Николай Семенович написал «Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губер-

¹² Источник: Храбровицкий А. Короленко // Храбровицкий А. Русские писатели в Пензенской области. Пенза, 1946. С. 80-85.

ния)». Он считал, что винокурение мешает развитию сельского хозяйства губернии, «состояние которого безотрадно в настоящем и не может обещать ничего хорошего в будущем...».

Сын писателя Андрей Лесков в мемуарах позднее писал: «Отец черпал сюжеты из орловских и пензенских впечатлений и памятей». Воспоминания и впечатления о пребывании на пензенской земле послужили материалом для повести Лескова «Очарованный странник», рассказов «Загон», «Железная воля», «Умершее сословие», «Белый орел», книги «Мелочи архиерейской жизни».

Н.С. Лесков
Белый орел
Фантастический рассказ
(Отрывок)

Каждый должен был по очереди рассказывать что-нибудь фантастическое из своей жизни, а как умение рассказывать дается не всякому, то к рассказам с художественной стороны не придирались. Не требовали также и доказательств. Если рассказчик говорил, что рассказываемое им событие действительно происходило с ним, ему верили или по крайней мере притворялись, будто верят. Такой был этикет.

«Дежурным мучеником», то есть очередным рассказчиком, было довольно высокопоставленное и притом очень оригинальное лицо, Галактион Ильич, которого в шутку звали «худородный вельможа». ...Он имел самое плохое, хлипкое, здоровье и фатальную наружность. Такой же долгий, как его усопший патрон, граф Виктор Никитич, — он не имел, однако, внешнего величия графа. Напротив, Галактион Ильич внушал ужас, смешанный с некоторым отвращением. Он в одно и то же время был типичский деревенский лакей и типический живой мертвец. Длинный, худой его остов был едва обтянут сероватой кожей, непомерно высокий лоб был сух и желт, а на висках отливала бледная трупная зелень, нос широкий и короткий, как у черепа; бровей ни признака, всегда полуоткрытый рот с сверкающими длинными зубами, а глаза. Встретить его — значило испугаться. Особенностью наружности Галактиона Ильича было то, что в молодости

он был гораздо страшнее, а к старости становился лучше, так что его можно было переносить без ужаса.

— Не с большим двадцать пять лет тому назад, — начал худордный сановник, — до Петербурга стали доходить слухи о многих злоупотреблениях власти губернатора П-ва. Злоупотребления эти были обширны и касались почти всех частей управления. ...История выходила такая, что хоть сейчас сенаторскую ревизию назначать. Виктор Никитич хотел прежде обо всем удостовериться поточнее через своего человека, и выбор его пал на меня. Призывает он меня и говорит:

Так и так, доходят вот такие и такие печальные вести, и, к сожалению, кажется, в них как будто есть статичность; но прежде, чем дать делу какое-нибудь движение, я желаю в этом поближе удостовериться и решил употребить на это вас".

Я кланяюсь и говорю:

— Если могу, буду очень счастлив

— Приезжайте, засядьте за дело и вникайте будто всего внимательнее в канцелярский порядок и формы судопроизводства, а сами смотрите во все... Призывайте местных чиновников для объяснений и... смотрите построже. А назад не торопитесь. Я вам дам знать, когда вернуться. Какая у вас последняя награда?"

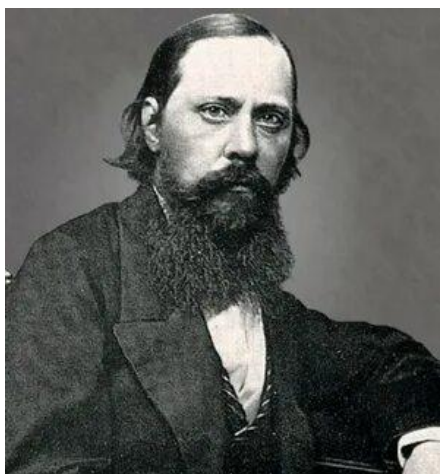
Я отвечаю:

— Владимир второй степени с короной.

Граф снял своей огромной рукою его известный тяжелый бронзовый пресс-папье «убитую птичку», достал из-под него столовую памятную тетрадь, а правою рукою всеми пятью пальцами взял толстый исполин-карандаш черного дерева и, нимало от меня не скрывая, написал мою фамилию и против нее «белый орел».

Таким образом, я знал даже награду, которая ожидала меня за исполнение возложенного на меня поручения, и с тем совершенно спокойный уехал на другой же день из Петербурга.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович



М.Е. Салтыков-Щедрин (27.01.1826-10.05.1889) родился в селе Спас-Угол Тверской губернии, в богатой помещичьей семье. В отличие от И.С. Тургенева или Л. Н. Толстого, Салтыков не вынес из своего «дворянского гнезда» отрадных впечатлений. Обстановка в доме была суровой, мрачной, безрадостной. В родительской усадьбе, как и вообще в той провинциальной помещичьей среде, где прошли первые десять лет жизни Салтыкова, будущий писатель видел все ужасы вековой кабалы в их отвратительной наготы. «Крепостное право, тяжелое и грубое в своих формах, сближало меня с подневольною массой, – писал он впоследствии, вспоминая годы своего деревенского детства. Только пережив все его фазисы, я мог прийти к полному, сознательному и страстному отрицанию его».

По принятому в дворянской среде обычаю, начальное образование Салтыков получил дома, затем продолжил обучение в самых привилегированных заведениях того времени: Московском дворянском институте и Царскосельском лицее. Там будущий писатель получил основательное гуманитарное образование, приобщился к литературе и в совершенстве познал весь процесс официального воспитания царских сановников.

После окончания лицея в 1844 году Салтыков становится чиновником военного министерства, но служба его не интересовала. Растущие духовные запросы юноши, воспитанного на статьях Белинского, все более склонялись к литературе. Важным событием в идейной жизни Салтыкова во время четырехлетней петербургской службы явилось его участие в кружке революционно настроенной молодежи, руководимом М.В. Петрашевским. Члены кружка увлекались идеями утопического социализма Фурье, Сен-Симона и других французских мыслителей, вели живые беседы по политическим и нравственным вопросам.

Социалистические взгляды молодого Салтыкова нашли свое выражение в его новых литературных опытах. В своих первых

повестях «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848) Щедрин выступает решительным противником социального неравенства и защитником униженных и оскорбленных. В повести «Запутанное дело», опубликованной в журнале «Отечественные записки» в марте 1848 года, то есть сразу же после февральской революции во Франции, идеологи реакции усмотрели проповедь «гильотины для всех богатых», стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу. В апреле 1848 года Салтыков был сослан на службу в Вятку. Как впоследствии признавал сам Салтыков, продолжавшаяся около восьми лет принудительная служба в Вятке явилась «великой школой жизни». Возвращение в Петербург стало возможным для Салтыкова в начале 1856 года после смерти Николая I. Здесь писатель начинает работать над своими знаменитыми «Губернскими очерками», в основу которых легли богатые вятские впечатления. Именно с этим произведением связывают рождение Щедрина-сатирика.

Салтыков, став уже знаменитым писателем, в течение нескольких лет продолжал служебную деятельность. 9 декабря 1864 года в «Пензенских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение:

«Г. министр финансов приказом от 6 ноября 1864 года за № 38 уволил председателя Пензенской казенной палаты действительного статского советника Коренева от службы, согласно прошению по болезни, а на место его определил из оставших статского советника Салтыкова».

Председатель или, как его затем переименовали, управляющий казенной палатой считался вторым после губернатора лицом в провинциальной администрации. К сожалению, Салтыков-Щедрин оставил далеко не лестные отзывы о нашем городе.

«Я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкою и засасывающею, нежели я предполагал, — писал Салтыков Анненкову, — гаже и беспорядочнее здешней казённой палаты невозможно себе представить; мало того, что она отнимает у меня все время, но, что всего хуже, я не имею ни малейшего повода заключить, чтоб труд мой принес какой-нибудь плод для меня в будущем, т. е. чтобы я когда-нибудь мог приобрести необходимый для меня досуг».

И действительно, за два года, проведенные в Пензе, Салтыков почти не писал – в печати появилась одна лишь его статья «Завещание моим детям». Зато в последующий – после второй и последней отставки (в 1868 году) – кипучий период литературной деятельности Салтыкова пензенские впечатления нашли отражение в «Письмах о провинции», и в «Помпадурах помпадуршах», и в «Пошехонских рассказах», и в «Истории одного города».

Салтыков-администратор оставил по себе в Пензе хорошую память. Живший в Пензе сын Салтыкова – Константин Михайлович в своей книжке «Интимный Щедрин» передает рассказ одного служащего пензенской казенной палаты о том, как Салтыков выполнил ночную срочную работу писца, заснувшего над бумагой, не желая будить его. По его же словам, Салтыков учредил для служащих палаты библиотеку и кассу взаимопомощи. Некоторые служащие палаты, не желая расставаться с Салтыковым, последовали за ним в Тулу и Рязань.

Отношения с губернской администрацией у Салтыкова сложились плохие. Уже в первом письме из Пензы он дал уничтожающую характеристику губернатора Александровского. Яркая личность Салтыкова на провинциальном фоне особенно бросалась в глаза и привлекала внимание жандармов. Губернский жандарм подполковник Глоба доносил шефу жандармов в Петербург о «неблагоденственных и дерзких» высказываниях Салтыкова.

Памятниками пребывания Салтыкова в Пензе остались здание казенной палаты (на улице Белинского, 12), обстановка его кабинета в палате – стол, кресло, часы, находящиеся в областном музее, и хранящиеся в областном архиве дела казенной палаты, содержащие собственноручные резолюции Салтыкова.

Слепцов Василий Алексеевич



В.А. Слепцов (19.07.1836–23.03.1878) – писатель, актер, социальный реформатор, собиратель фольклора.

Детские годы одного из интереснейших писателей XIX столетия, о творчестве которого с похвалой отзывались Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин и М. Горький, связаны с сердобской деревней Александровка, которую получил в наследство его отец, полковник и столбовой

дворянин. Учился будущий писатель сначала в пензенской гимназии, а затем в дворянском институте.

Институтские порядки не нравились молодому Слепцову, но учился он хорошо, ему даже прочили церковную карьеру. Но за год до окончания института воспитанник проявил неслыханную дерзость: во время обедни в переполненной церкви он вошел в алтарь и прошептал про себя: «А я не верю...». За «богохульство и непочтение к церкви» Василий Слепцов был исключен из института. Он уезжает в Москву, где поступает на медицинский факультет университета, но долго там не задерживается. Начинается частая перемена мест и профессий.

По поручению Географического общества собирал по деревням народные песни, пословицы и сказки, пешком прошел по знаменитой Владимирке, написав очерк «Владимирка и Клязьма», опубликованный в журнале «Русская речь». Затем в «Современнике» публикуются его лучшие рассказы «Питомка», «Сцены в больнице», «Ночлег».

Под влиянием Н.Г. Чернышевского организовал в Петербурге коммуну, где пытался на практике осуществить некоторые социалистические идеи.

Страдал от болезни желудка, регулярно ездил на воды. К концу жизни часто жил в усадьбе Куракино, где был хороший парк, а главное близость города Сердобска, доктора, аптеки и

возможность пользоваться свежими газетами и громадной Куракинской библиотекой. В 60-70-ые годы Василий Алексеевич не раз бывал в Александровке, где жили его мать и брат, в Беково и Сердобске.

В 1945 году на могиле писателя, похороненного на сердобском кладбище, установлен памятник. Имя писателя носит улица в Сердобске.

В.А. Слепцов

(отрывок из дневника)

Июнь 1863

Вот уж другой месяц живу в Петербурге и никак понять не могу, — отчего я не еду. Дел у меня здесь никаких нет, скука смертная, а не еду. Сбираюсь каждый день, проклиная и себя, и этот город, и все-таки остаюсь. Нет, есть в нем что-то неодолимо влекущее, что-то отвратительно-прекрасное. Бывают такие случаи: присутствуешь, например, при каком-нибудь до бешенства возмущающем зрелище. Холодный пот выступает на всем теле, ужас и негодование сжимают сердце, кажется, вот, зажмурился и бежал бы, бежал... а тут что-то стиснуло тебе мозг и шепчет: смотри! смотри! смотри!.. Я думал сначала, что это только первое впечатление, но теперь вижу, что чем дальше, тем хуже. Да. Станный город! Я не знаю места в России, где бы можно было так живо представить себя в положении только что высеченного школьника, в бессильной злобе грызущего ногти.

На днях шел я по набережной Васильевского острова, мимо Академии. В это время уж светало; начиналось бледное, сырое утро. На Неве разводили мост. Я остановился на площадке, между сфинксами, и посмотрел кругом. Вправо, за мостом, шипел пароход; сонные люди, в вязаных куртках, возились на судах, подымали якоря и перекликались хриплыми голосами на каком-то морском наречии. У пристани перевозчики скорчившись спали в своих лодках. В воздухе пахло сыростью и каменным углем. Прямо передо мною, по ту сторону реки, стояла серая громада домов, накрытая сверху серыми тучами. Влево опять тоже сплошная масса, Адмиралтейство и мрачная фигура Исаакия. Дальше чуть-чуть виднелся дворцовый мост со своими неуклюжими будочками на середине; а там какой-то зеленоватый туман,

что-то тусклое и холодное. Тучи стали все гуще и гуще заволакивать восток... и вдруг мне пришло в голову: отчего это человек только тогда считает себя ссыльным, когда его куда-нибудь сошлют?

Я плюнул в воду и пошел дальше. Чем больше я всматриваюсь во все окружающее, чем больше я думаю, тем чаще прихожу к убеждению, что здесь творятся какие-то ужасные глупости. Здесь просто в воздухе носится что-то одуряющее. Я по себе даже замечаю. Мысли всё какие-то глупые начинают приходить в голову, и не смешные, и не печальные, а просто глупые. Лежу иной раз, и вдруг начинает представляться, что будто я рожусь (будучи взрослым человеком, рожусь)! Хочу, хочу родиться и никак будто не могу; да так и остаюсь в таком положении. А то кажется мне, что я всё письма какие-то получаю. Думаю: вот, вот сейчас принесут письмо, распечатаю его, а в нем написано: – тра-ла. Что такое – тра-ла? Какая глупость!..

Ходил по улицам. Куда они бегут, торопятся? Что за поспешность такая? Куда они бегут? И ведь всё вздор. Шумно на Невском; только шум какой-то однообразный, точно на мельнице, так что можно спать. Зашел в ресторан. Сидят, читают газеты, кофе пьют, молчат. Серьезные бледные лица, песочного цвета. А то вдруг румянец такой, как будто его только что били по щекам. Тихо, шелестят газеты, дым бродит по комнате, мальчик несет чашку бульона. А на улице солнце светит, ходят люди, и нищий поет сладострастный романс.

...Познакомился с одним семейством. Хозяин всё пел. Я ему говорю: Вы что желаете, чтобы вас за волосы таскали или тысячу целковых?- Конечно, – говорит, – тысячу целковых: у меня дети.- Вот то-то и есть. После этого он перестал при мне петь. Они вообще этого не любят. Это я заметил. Вот я еще заметил: действительно здесь безнравственный народ. А вчера мне сказала прачка: На этот счет (на счет нравственности) здешний город куды как худо выстроен. Здесь девушки не стараются, чтобы об них хороший разговор иметь. Ну, впрочем, и Москва тоже. – Где же стараются? – В Туле. ...¹³

¹³ Печатается по изданию: Петербург в русском очерке XIX века. Л., Издательство ленинградского университета, 1984

Толстой Лев Николаевич в Пензенском крае



...Это был 1869 год. Прошло чуть более 8 лет после отмены крепостного права, и только-только завершена эпопея «Война и мир». От напряженного творческого труда духовное состояние часто перерастало в мрачное настроение, и Л. Н. Толстому необходимо было отвлечься от волновавших его мыслей. Именно в этот момент он увидел газетное объявление о продаже князем Голицыным своего имения Ильмино в Пензенской губернии.

Л.Н. Толстой решает ехать и пишет об этом 30 августа 1869 года Афанасию Фету: *«...решил окончательно свою поездку в Пензенскую губернию для осмотра имения, которое я намереваюсь купить в тамошней глуши»*. С этого свидетельства начиналась история, связавшая гениального русского писателя с Пензенской землей. Этот факт подтверждается и в неоконченных «Записках сумасшедшего».

2 сентября 1869 года Лев Николаевич поездом прибыл в Нижний Новгород, а потом на лошадях через Арзамас и Саранск добирался до Ильмино. Железной дороги в сторону Пензы еще не было, и нужно было ехать на лошадях по неухоженным российским трактам. Лев Николаевич был погружен в дорожные размышления. Наступила ночь. Писатель вспоминал о том дне: «Я задремал, но вдруг проснулся. Мне стало что-то страшно... Зачем я еду? Куда я еду? Не то чтобы мне не нравилась мысль купить дешево имение, но вдруг представилось, что мне не нужно ни за что в эту даль ехать, что я умру тут в чужом месте. И мне стало жутко». Так всю дорогу он мучался беспокойством: «...вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас – и такие, каких я никогда не испытывал...». Свои переживания и мысли Толстой описал в незаконченной повести «Записки сумасшедшего» (1885–1886 гг.).

Лев Толстой прожил в Ильмино сутки: осмотрел хозяйство, земли, даже попарился в бане под горой, на берегу Суры. Но по-

купка ильминского имения не состоялась, «недостало денег». Однако, возможно, главной причиной отказа от покупки стал разговор Льва Николаевича с бедной крестьянкой. «Она рассказала о своей нужде. Я приехал домой и, когда стал рассказывать жене о выгодах имения, вдруг устыдился. Я сказал, что не могу купить этого имения, потому что выгода наша будет основана на нищете и горе людей...».

На обратном пути он остановился на четыре дня в Николо-Пестровке у своей родственницы Анны Бахметевой. Слуга Толстого Сергей Арбузов, сопровождавший его в поездке, так вспоминал о приезде в Пестровку (ныне – город Никольск Пензенской области): *«Село из трехсот домов все было выстроено прочно. Человек около тысячи работают на фабрике... Граф прожил здесь четыре дня; здесь было так хорошо, что я отсюда никогда не уехал бы. Граф ходил с княгиней по всей ее фабрике; он ездил с нею в церковь, где очень хорошо пели певчие из фабричных. Потом княгиня распорядилась уложить графу Льву Николаевичу кое-какой дорогой хрустальной посуды для передачи в подарок графине Софье Андреевне. На четвертый день запряженная четверкой лошадей коляска стояла после завтрака у крыльца. Два буфетных мужика вынесли наши чемоданы и уложили в экипаж. Через некоторое время Лев Николаевич вышел в переднюю с княгиней и ее внуком; я подал ему шляпу и пальто. Граф стал прощаться с княгиней; она несколько раз его поцеловала и сказала:*

– Да, граф, вы все-таки мне внучок. Я запишу этот день на память, что вы были у меня».

Великолепный дворец, который помнит и шаги, и голос графа Толстого сохранился в первозданном виде до наших дней. На нем красуется мраморная табличка: «В этом здании в 1869 году останавливался великий русский писатель Толстой Лев Николаевич».

В 2019 году к 150-летию со дня приезда Льва Толстого на никольскую землю в городском парке, что расположен напротив дома Бахметевых, установлен памятник Анне Бахметевой и Льву Толстому. Автором памятника является пензенский скульптор Валерий Кузнецов. Благодаря разысканиям пензенских краеведов, в частности Олега Савина, имя Льва Толстого прочно связа-

но с Пензой, в связи с чем материалов для будущей экспозиции могло бы набраться предостаточно. Например, Лев Николаевич помог опубликовать «Воспоминания о пережитом и пережитом» местному уроженцу декабристу Александру Беляеву, высоко отзывался о церковных песнопениях Александра Архангельского, имел в личной библиотеке книги многих авторов, связанных с Пензой, в частности, Василия Ключевского, Алексея Будищева, Николая Огарева, Василия Слепцова, Александра Куприна, музыкального просветителя Алексея Карасева, вел «разговор о театре и о пьесах» с режиссером Всеволодом Мейерхольдом, встречался с жившим в Кузнецке Львом Мизякиным, который в «Саратовском дневнике» опубликовал статью «Год тому назад у Л.Н. Толстого»; наконец, лечащим врачом семьи Льва Толстого был уроженец Пензы – терапевт Григорий Захарьин, жертвовавший средства на устройство сельских школ в родной губернии¹⁴.

Л.Н. Толстой
Записки сумасшедшего
(отрывок)

1883. 20 октября. Сегодня возили меня свидетельствовать в губернское правление, и мнения разделились. Они спорили и решили, что я не сумасшедший. Но они решили так только потому, что я всеми силами держался во время свидетельствования, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому что боюсь сумасшедшего дома; боюсь, что там мне помешают делать мое сумасшедшее дело. Они признали меня подверженным аффектам, и еще что-то такое, но – в здравом уме; они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший. Доктор предписал мне лечение, уверяя меня, что если я буду строго следовать его предписаниям, то это пройдет. Все, что беспокоит меня, пройдет. О, что бы я дал, чтобы это прошло. Слишком мучительно. Расскажу по порядку, как и отчего оно взялось, это освидетельствование, как я сошел с ума и как выдал свое сумасшествие. До тридцати пяти лет я жил как все, и

¹⁴ Источник: Хрулев А. Пензенское путешествие графа Толстого. [Электронное издание]: <https://lgz.ru/neformat/penzenskoe-puteshestvie-grafa-tolstogo>

ничего за мной заметно не было. Нешто только в первом детстве, до десяти лет, было со мной что-то похожее на теперешнее состояние, но и то только припадками, а не так, как теперь, постоянно. В детстве находило оно на меня немножко иначе. А именно вот так.

Помню, раз я ложился спать, мне было пять или шесть лет. Няня Евпраксия – высокая, худая, в коричневом платье, с чаплыжкой на голове и с отвисшей кожей под бородой, раздела меня и посадила в кровать.

– Я сам, я сам, – заговорил я и перешагнул через перильца.

– Ну ложитесь, ложитесь, Феденька, – вон Митя, умник, уже легли, – сказала она, показывая головой на брата.

Я прыгнул в кровать, все держа ее руку. Потом выпустил, поболтал ногами под одеялом и закутался. И так мне хорошо. Я затих и думал: «Я люблю няню, няня любит меня и Митеньку, а я люблю Митеньку, а Митенька любит меня и няню. А няню любит Тарас, а я люблю Тараса, и Митенька любит. А Тарас любит меня и няню. А мама любит меня и няню, а няня любит маму, и меня, и папу, и все любят, и всем хорошо». И вдруг я слышу, вбегает экономка и с сердцем кричит что-то об сахарнице, и няня с сердцем говорит, она не брала ее. И мне становится больно, и страшно, и непонятно, и ужас, холодный ужас находит на меня, и я прячусь с головой под одеяло. Но и в темноте одеяла мне не легчает. Я вспоминаю, как при мне раз били мальчика, как он кричал и какое страшное лицо было у Фоки, когда он его бил.

– А не будешь, не будешь, – приговаривал он и все бил. Мальчик сказал: «Не буду». А тот приговаривал «не будешь» и все бил. И тут на меня нашло. Я стал рыдать, рыдать. И долго никто не мог меня успокоить. Вот эти-то рыдания, это отчаяние были первыми припадками моего теперешнего сумасшествия. Помню, другой раз это нашло на меня, когда тетя рассказала про Христа. Она рассказала и хотела уйти, но мы сказали:

– Расскажи еще про Иисуса Христа.

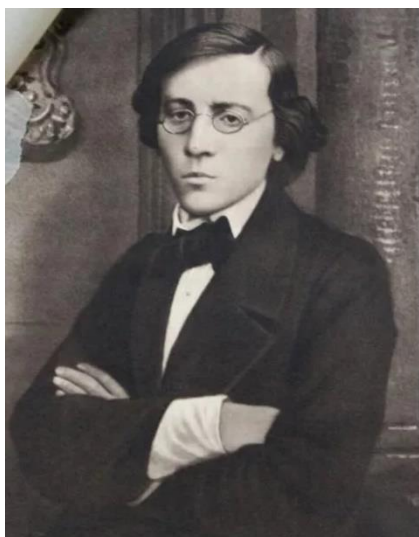
– Нет, теперь некогда.

– Нет, расскажи, – и Митенька просил рассказать. И тетя начинала опять то же, что она рассказала нам прежде. Она рассказала, что его распяли, били, мучили, а он все молился и не осудил их.

- Тетя, за что же его мучили?
- Злые люди были.
- Да ведь он был добрый.
- Ну будет, уже девятый час. Слышите?
- За что они его били? Он простил, да за что они били. Больно было. Тетя, больно ему было?
- Ну будет, я пойду чай пить.
- А может быть, это неправда, его не били.
- Ну будет.
- Нет, нет, не уходи.

И на меня опять нашло, рыдал, рыдал, потом стал биться головой об стену. Так это находило на меня в детстве.

Чернышевский Николай Гаврилович



Н.Г. Чернышевский (24.07.1828 – 17.10.1889) родился в Саратове в семье священника, предки которого были крепостными. Его отец, Гавриил Иванович Чернышевский родился в селе Чернышово (сейчас – Белинского района), рос в семье дьякона местной церкви, учился в Пензенской духовной семинарии, после окончания которой в 1813 году «был определен учителем низшего греческого класса. В 1816 году – библиотекарь семинарии, в 1818 году вышел в Саратов в священники». В семье Чернышевских почиталась книга. Пристрастившийся к чтению Н.Г. Чернышевский находил в библиотеке отца не только «Историю государства Российского» Карамзина, «Римскую историю» Роллена и самих римских классиков, но и «свежие томы сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя»¹⁵.

Атмосфера тогдашнего Саратова давала разную пищу пытливому уму. Прямо под окнами дома по Сергиевской – Царицын-

¹⁵ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. Изд-во "Художественная литература", М., 1953, С. 13

ской улице гнали ссыльный крепостной люд после подавления нередких крестьянских «беспорядков».

Отец Чернышевского - человек высококультурный и для своего сословия настроенный весьма демократически - сумел привить сыну горячую любовь к знаниям и пробудить его необыкновенные лингвистические способности. В 12 лет Н. Г. Чернышевский читал в подлиннике Цицерона. К моменту поступления в Саратовскую духовную семинарию он уже преуспел в изучении ряда языков. Лингвистические познания позволили ему выработать особый шифр – скоропись, которой Чернышевский пользовался для записей, не предназначенных чужому глазу. На латыни, например, вел переписку со своим отцом.

В июне 1850 года, возвращаясь из университета домой, русский революционер проезжал через Пензу, сделав запись в дневнике: «20 утром... взял подорожную до Пензы. При взгляде на Пензу перекрестился, потому что был в умилении, потому что это родной папенькин город».

В дневнике Н.Г. Чернышевского есть и такая запись: «В Кондале был у Ив. Фотича более трех часов; он напоил чаем и сказал, что папеньки нет дома... В Кондале был от 12 до 4 воскресенья, 25-го...».

По свидетельству современников, прототипом Рахметова в романе «Что делать?» послужил помещик П.А. Бахметев, родившийся 28 августа 1828 в деревне Изнаир Сердобского уезда. «Ряд биографических сведений о первом введены в художественную биографию второго, – пишет журнал «История СССР, - Здесь и прямые указания на место рождения, а именно: Рахметов родился в одном из поместьев, разбросанных по верховью Медведицы»; Бахметев же из Сердобского уезда, который находится в верховьях этой реки».

В 1930-е годы в Кузнецке работал внук писателя – революционера Илиодор Константинович Чернышевский – главный инженер Электростроя. В Пензе и Малой Сердобе жила Татьяна Павловна Ковшутина, 15 лет проработавшая в семье Чернышевских. 21 декабря 1942 года облисполком назначил ей персональную пенсию местного значения.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Почему фантастический рассказ Н.С. Лескова назван именно «Белый орел»?
2. Как связано с нашим краем имя М.Е. Салтыкова-Щедрина?
3. Какие произведения Л.Н. Толстого связаны с его пребыванием на Пензенской земле?
4. Назовите авторов произведений: «Мои скитания», «Помпадур и помпадурши», «Что делать?», «Свиньи», «История одного города».
5. Под каким литературным псевдонимом в числе других писателей известен А.М. Жемчужников?

Прочтите дополнительно:

1. Гиляровский В.А. «Мои скитания».
2. Короленко В.Г. «В успокоенной деревне. Картинки подлинной действительности».
3. Лесков Н.С. «Железная воля. Мелочи архиерейской жизни. Очарованный странник. Умершее сословие».
4. Салтыков-Щедрин М.Е. «Приютное семейство. Старый кот на покое. Зиждатель»
5. Слепцов В.А. «Трудное время. Ночлег. Свиньи».

Темы докладов:

1. Козьма Прутков – автор или персонаж?
2. Деятельность Василия Слепцова
3. Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков и Пензенский край (можно о каждом отдельно).
4. Библиотека – кладезь мировой культуры.
5. Пензенские литературные салоны
6. В.А. Гиляровский и его «скитания»

Раздел 4. Культура Пензенского края на рубеже XIX-XX веков

События, ознаменовавшие начало XX века, наложили глубокий отпечаток на все сферы общества. Подъем революционного движения, события Первой мировой войны, Февральская революция 1905 года и спустя всего десятилетие – Октябрьская. Эпоха перемен и слома традиционных устоев, формирование новой культуры. Тем не менее литература, живо отражая сложность и противоречивость процессов общественной, экономической и политической жизни нашла для себя неиссякаемый источник творческого вдохновения. Именно поэтому период 1890-1920 гг. в литературе называют «серебряным веком» – временем проявления духовного и художественного ренессанса.

Какими же событиями была ознаменована культурная жизнь Пензы того времени? В начале XX века отмечается рост подготовки педагогических кадров. В 1910 году вышло постановление о всеобщем начальном образовании. В 1914 году в Пензенском крае функционировало 1060 школ, открывается учительская семинария и педагогические курсы.

Растет число библиотек, в которых помимо выдачи книг организовывали детские елки и ставили спектакли. В 1907 году было создано Лермонтовское просветительское общество, целью которого была организация открытия в уездах Пензенского края библиотек, музеев и школ, издание книг.

4 декабря 1896 года состоялся первый киносеанс картины «Прибытие поезда» в Пензе. Активно развивается художественное творчество. В Пензе открывается художественное училище (первый экзамен прошел 2 февраля 1898г.). Его педагогами стали И.С. Горюшкин-Сорокопудов, Н.Ф. Петров, И.В. Валухин, И.В. Владимиров, М.В. Бунич. Пенза стала колыбелью таланта таких художников как А.В. Лентулов, В.Е. Татлин, Н.А. Бенуа.

В 1902 году в Пензе открывается певческое общество. Выдающимися музыкальными деятелями нашего края стали А.А. Архангельский, А.В. Касторский, П.А. Хохлов, А.А. Державин.

Зеркалом пензенской литературной жизни были местные журналы и газеты. В 1895 году начал литературную деятельность

поэт и журналист Косьма Васильевич Потемкин (1875-1959), служивший в 1895 году на бумажной фабрике Товарищества П.В. Сергеева, а затем – в пензенских банках. В те годы в пензенских газетах и журнале «Развлечение» публиковались его полные юмора стихи на злобу дня, а в 1907 году Потемкин стал издавать в Пензе литературно-художественный журнал «Новая заря».

В 1907 году приступил к редактированию пензенской газеты «Черноземный край» литератор и журналист Николай Михайлович Архангельский (1862-1941). Собственную газету «Перестрой» имел писатель и журналист Н.Ф. Езерский. Как детская писательница проявила себя учительница городских училищ Пензы Е.И. Цибузгина, окончившая в 1893 году Пензенскую женскую гимназию. Она является автором детских пьес «Лиса и заяка», «Кот, лиса и петух», а также книг «Письмо из-за границы», «Народное образование в Швеции», изданных в Пензе.

В нашем городе началась литературная деятельность как журналиста, литературного критика и театроведа Юрия Васильевича Соболева (1887-1940).

В Пензе в дворянской семье в 1890 году родился поэт Глеб Сергеевич Сазонов. Он учился в Симбирском кадетском корпусе и в 1911 году был зачислен в штат Пензенского губернского правления. В 1911 году в пензенской типографии братьев Соломоновых вышел его поэтический сборник «Отраженные линии», а в 1912 году – книга «Орган», в связи с чем С.М. Городецкий писал: «отрадно знать, что где-то в Пензе кто-то занимается культурой сонета»¹⁶.

Литература края этого периода также представлена творчеством таких писателей как М.И. Иванисов («Пенза. Поэтическое описание города»), А.М. Ремизов, Р.Б. Гуль, В.А. Волжин, В.Д. Андриевский, В.Н. Ладыженский. И именно на этот период приходится начало жизни и творчества А.И. Куприна, А.А. Блока, А.Б. Мариенгофа, В.Э. Мейерхольда.

¹⁶ Материалы издания «Пензенская энциклопедия»: / Гл. ред. К.Д. Вишневский. — Пенза: Министерство культуры Пензенской области, М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.

Смена веков – время, когда в Пензенском крае волей судьбы оказался А.С. Грин, с творческими визитами приезжал В.В. Маяковский и М. Горький.

В начале XX века в доме Лидии Николаевны Цеге (1884 - 1962) находился литературно-музыкальный салон. Этот салон посещали В.В. Маяковский, Д.Д. Бурлюк, В.В. Каменский и другие.

Провинциальные деятели российской литературы, не получившие общероссийского признания, создают особый колорит и неповторимость культурной жизни сурского города. Именно их трудами Пенза имела заслуженную репутацию одного из литературных гнезд России.

Блок Александр Александрович и Пенза



Поэта Александра Блока (28.11.1880-7.08.1921) называют самой яркой звездой русского символизма – направления, которое оказало глубокое влияние на всю последующую литературу. Имя А.А. Блока связано и с Пензенской областью. В Колышлейском районе установлен памятник поэту – один из семи по России. За свою недолгую жизнь Александру Блоку в российской глубинке суждено было побывать всего один раз – на границе Пензенской и Саратовской губерний. В селе Урлейка – родовом имении брата своего деда – он провел лето, будучи 10-летним мальчиком. А в 1980 году прошлого века здесь открыли памятник юному Блоку. Отлитый из бронзы, в «лихие 90-е» мемориал постигла печальная судьба – памятник с постамента исчез. Возможно, на переплавку. 10 июня 2014 года он вновь появился здесь. Средства на памятник собирали все жители Колышлейского района. Мемориал расположен на трассе «Пенза - Сердобск», вблизи тех сел, где находились поместья старинных пензенских и саратовских землевладельцев Бекетовых – предков

Александра Блока по материнской линии. Автор скульптуры – Валерий Кузнецов.

По словам искусствоведов, эта семья была весьма просвещенной. Представители практически всех ее поколений оставили свой след как в русской культуре, так и науке. «В этом смысле Блок – это какой-то драгоценный сосуд, в котором собралось очень много культурных начинаний, культурных традиций», – подчеркнула главный хранитель фондов Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области Лариса Рассказова.

В творчестве, как и судьбе Блока, его пребывание на пензенской земле отражения не нашло. За исключением нескольких строк письма, отправленного из Урлейки в 1890 году. Но удивительным образом поэт «вернулся» сюда еще раз, спустя 96 лет после своей кончины.

В начале ноября 2017 года в Литературный музей Пензы на вечное хранение передали подлинную фотографию поэта с его автографом. Эта дарственная надпись адресована оперной певице Любови Дельмас, блиставшей на сцене в роли «Кармен». Она до такой степени его поразила, что он потом стал ходить на все спектакли «Кармен». Вершиной такой увлеченности Блока стал один из лучших циклов его стихов, который поэт так и назвал «Кармен».

А.А. Блок

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я – твой поклонник и поэт!

Здесь – страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.
Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

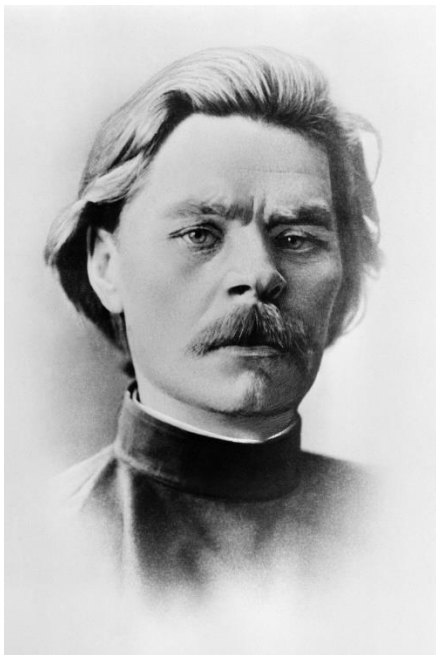
Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!

Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё - музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

Максим Горький в Пензе



Максим Горький – литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова (1868-1936).

Рано осиротевший Алеша Пешков (отец умер от холеры, когда мальчику было три года, а через восемь лет от чахотки угасла и мать) систематического образования так и не получил. Бояк-самоучка, поражающий глубиной и энциклопедичностью своих знаний, он всю жизнь много и жадно читал.

Среди них сочинения дорогих нам М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, А.Н. Радищева, А.И. Куприна, В.А. Слепцова, И.М. Долгорукого, П.И. Замойского, А.Г. Малышкина... В собрании писателя была и «Строельная книга города Пензы» (1898).

Ежедневно по несколько часов в своем плотном рабочем графике А.М. Горький выделял на просмотр корреспонденции и чтение рукописей, делал пометки, исправлял ошибки. На все письма, кроме самых нелепых, отвечал немедленно. Не оставил Горький без внимания и восторженное послание наших юных

земляков – учащихся 4-го класса школы № 6. В октябре 1935 г. в «Правде», а затем и в областной газете появился его ответ пензенским пионерам. «Стыдно ученикам 4-го класса писать так малограмотно, очень стыдно! И необходимо, чтобы вы, а также подобные вам бойкие неряхи и небрежники постыдились... неумения ясно выражать свои мысли и... незнания грамматики», – негодовал он. В то же время, щадя детское самолюбие, Алексей Максимович продолжал: «Ребята, я публикую ваше письмо в газетах, но не называю ваших имен потому, что не хочу, чтоб товарищи... жестоко осмеяли вас за... малограмотность»...

В 1904 году Максим Горький впервые побывал в Пензе. Приезжал писатель «по конспиративным делам» (договориться о получении паспорта для одного из «нелегальных товарищей» — социал-демократа) и пробыл два дня. Однако Пенза, видимо, произвела на него впечатление. Не случайно наш город упоминается в его рассказах «Проходимец», «Знахарки», «Женщина», в романе «Жизнь Клима Самгина».

Остановился Горький на улице Суворовской (ныне ул. Куйбышева) у И.Ф. Блинова – секретаря земской управы. Побывал в Пензенском художественном училище, открытом в 1898 году на средства бывшего губернатора Н.Д. Селиверстова. Сопровождаемый преподавателями и толпой учеников, А.М. Горький с интересом осмотрел картинную галерею, классы и мастерские училища. Познакомился с его директором – академиком живописи Константином Аполлоновичем Савицким. Сохранилась фотография, сделанная сыном К.А. Савицкого, Георгием, у них на квартире, располагавшейся на втором этаже училища.

Говорили об искусстве. Всем запомнился «мягкий окающий голос и добрая улыбка на суровом лице, пытливый и внимательный взгляд» писателя. Носил он в ту пору «декоративный костюм собственного изобретения»: «черную косоворотку тонкого сукна, подпоясанную узким кожаным ремешком, суконные шаровары, высокие сапоги и романтическую широкополую шляпу, прикрывавшую волосы, спадавшие на уши». Находясь в нашем городе, А.М. Горький пожелал «приобрести пензенский пуховый платок», видимо, для Марии Федоровны Андреевой – любимой женщины, гражданской жены, друга и секретаря, знаменитой актрисы МХТ.

«Горький, мать и я пошли в квартиру пуховщиц-старообрядцев на Никольской улице (ныне дом № 18 по улице К. Маркса), – вспоминал Г.К. Савицкий. – Пуховщицы стали доставать платки из сундуков и показывать их Горькому»... По одним сведениям, Алексей Максимович сделал покупку, по другим – нет. По воспоминаниям Георгия Савицкого, во время своего визита в Пензу А.М. Горький весьма «интересовался бытом старообрядцев».

Горький скончался от пневмонии в июне 1936-го на даче в Горках. Урну с прахом писателя доставили на Красную площадь в Москве и торжественно поместили в нишу Кремлевской стены¹⁷.

Александр Степанович Грин



А.С. Грин (23.08.1880-8.07.1932) – поэт, писатель. За свою недолгую и порой невыносимо тяжелую жизнь писатель, поэт-лирик, мечтатель создал около 400 произведений. Сказочные, романтические, они кружили читателям головы, звали на подвиги и манили в дальние края. В них добро всегда побеждало зло!..

Александр Степанович Гриневский родился в городке Слободском Вятской губернии. В пять лет прочел «Путешествие Гулливера в страну лилипутов», в восемь – уже мечтал о дальних странах и приключениях. Читал «безудержно, запоем» Жюль Верна, Майна Рида, Эдгара По... Вместо подготовки уроков, заданных в реальном училище, дома «валился в кровать с книгой и куском хлеба». Учеником он слыл способным, но сорванцом, за что был исключен... Жили Гриневские бедно. В семье Саша «испытал горечь побоев, порки, стояния на коленях». Здесь его называли «свинопасом» и «золоторотцем». А он грезил морем. И в 16 лет из захолустной Вятки от нелюбимой мачехи и пьющего

¹⁷ Источник: Устимкина Т. Платок для Марии, или зачем Горький приезжал в Пензу?// Пензенская правда от 28.03.2018 г.

отца юноша отправился в Одессу, где голодал и скитался; перебывался биржевой поденщиной и побирался в Баку; за «самородком пуда в полтора» отправился на уральские золотые прииски, где за гроши надрывался на шахте, затем на сплаве леса; за нищенское жалованье плавал на барже купца Булычева по Каме и Волге. И всякий раз возвращался в Вятку – со стыдом просить помощи у дряхлеющего отца, недовольного возвращением блудного сына...

В 1902 году, устав от мытарств, Александр Гриневский стал рядовым 213-го Оровайского резервного пехотного батальона, который дислоцировался на окраине Пензы – в Скобелевских казармах (район Автоматного переулка). «Службу я возненавидел мгновенно... - позже напишет Грин. - Мечты отца о том, что дисциплина сделает меня человеком, не сбылись. При...попытке заставить меня чистить фельдфебелю сапоги, или посыпать опилками пол казармы... или не в очереди дневалить я подымал такие скандалы, что...ставили вопрос о дисциплинарных взысканиях. На исповеди я сказал священнику, что «сомневаюсь в бытии бога», и мне назначили епитимью: ходить в церковь два раза в день». Из Пензы Александр бежал – был пойман и три недели сидел «под арестом на хлебе и воде».

По словам сослуживца, «он был отлично грамотен, читал очень много книг, которые брал у вольноопределяющихся». Один из них, эсер Студенцов, дал ему тысячу прокламаций, и Грин разбросал их возле казармы. А после, «не стерпев дисциплины», с помощью эсеров опять бежал, навсегда покинув Пензу.

Для эсеров Грин стал бесценным подпольщиком, хотя в терактах не участвовал. Ему заказали «агитку» – и он создал свой первый рассказ «Заслуга рядового Пантелеева», где обличал все мерзости жизни, пережитые в Пензе, и армейскую муштру. Однако весь тираж рассказа, изданного в Москве в 1906 году под инициалами «А.С.Г.», был конфискован полицией и сожжен. Лишь в фондах пензенского Литературного музея хранится чудом уцелевший экземпляр «Заслуги... Пантелеева» с наклейкой «Библиотека Московского жандармского управления».

После октября 1917 года Грин понял, что насилие нельзя уничтожить насилием, и ушел из революции. Он продолжал пи-

сать и в знак протеста против новой власти пользовался дореволюционной орфографией и старым календарём.

В 1919-м Александра Грина призвали в Красную Армию, но, заболев тифом, он был демобилизован и вернулся в Петроград. По ходатайству Максима Горького ему дали академический паек и невзрачную комнатку в «Доме искусств». С утра и до сумерек он писал, окутанный клубами папиросного дыма.

В 1930 году Грина с формулировкой «вы не сливаетесь с эпохой» запретили переиздавать. Они с женой Ниной стали отчаянно голодать и болеть. Из Феодосии, где они жили с 1924 года, им пришлось перебраться в более дешёвый Старый Крым и снять жильё. Денег порой не было даже на керосин. Здесь 8 июля 1932 года Александр Грин и скончался... Его похоронили на старокрымском кладбище, откуда было видно море, в которое он всю жизнь был влюблен¹⁸.

Борисов Л. И.
Волшебник из Гель-Гью
(отрывок)

В воскресенье Грин был приглашен в гости к Александру Ивановичу Куприну в Гатчину. Праздновался не то день рождения, не то именины кого-то из членов семьи Куприна, да Грина это и не интересовало, – ему льстило то обстоятельство, что известный, уважаемый читателями и критикой писатель, отличный художник и прекрасный человек Александр Иванович Куприн пригласил его, Александра Степановича Грина, на семейное торжество.

Куприн обитал в бельэтаже русской литературы, печатался в толстых ежемесячных журналах, с ним считались, и если он появлялся, и весьма часто, в мансардах и подвалах современной ему беллетристики, то делал это не по снисходительности, а потому, что сам вышел из журнальных низов и любил беллетристов бульвара и железнодорожного чтива.

¹⁸ Источник: фрагменты статьи специалиста Литературного музея Татьяны Устимкиной «Ассоль... почему же ты седая?» // «Пензенская правда», 2019, № 6

В просторном доме Куприна на Елизаветинской улице встретились представители высокой и низкой литературы, передовые и просто пишущие, кумиры и известные, популярные и безвестная богема. Грин приехал с приятелем своим Андрусон, был представлен тем, кто лично не знал его, расцеловался с хозяином, неуклюже приветствовал хозяйку, весьма сконфузился перед разодетыми особами женского пола. Они окружили Грина и наперебой потребовали от него остроумного разговора, новостей и личного мнения о всевозможных книгах и театральных премьерах. Грин одной сказал: «Я, сударыня, только-что из провинции», другой поцеловал руку и ухмыльнулся, третьей шепнул на ухо: «Я сяду рядом с вами и буду пить из вашей туфли», четвертой прочел двенадцать строк из «Графа Нулина», пятую попросил оставить его в покое и шестую обозвал Пышкой.

Дамы решили, что Грин оригинален, несколько провинциален и что следует обождать конца ужина, когда будут выпиты все пятьдесят бутылок коньяку, водки, мадеры и малороссийской запеканки.

Грин пожимал руки, знакомился, говорил «очень приятно» и «весьма счастлив», чувствовал себя неловко; он искал хозяина дома, но хозяин дома, окруженный литературными столпами и влиятельными писателями, был для других гостей недосягаем, и они, махнув на него рукой, пробрались в комнату, отведенную под буфет, и там поближе друг с другом познакомились и подружились.

Здесь первоприсутствовали Ходотов и его постоянный спутник Вильбушевич, поэт Андрусон и клоун Жакомино. В руках у них были пробочники, которыми они орудовали неустанно. Сюда забрались какие-то незнакомые Грину журналисты, адвокаты и врачи. С минуту потоптался подслеповатый беллетрист Борис Розов, сунулся на мгновение не сильно пьющий. Ясинский. Куплетист Руденков привел авиатора Уточкина, критик Измайлов просмаковал рюмочку киевской облепихи, закашлялся, утерся розовым платочком и пошел докашливать в коридор.

Грин одиноко, потерянно стал в сторонку. К нему подошел Будищев под руку с бледным, просто, но безукоризненно одетым человеком, сказал: «Знакомьтесь, господа: Бунин, Грин» — и скрылся. Новые знакомые улыбнулись друг другу, закурили и

молча разошлись. Бунин степенно и неторопливо прошел к дамам, Грин примкнул к тем, в руках у которых были пробочники и стаканы. В разгар предварительной выпивки в комнату вошел хозяин и пригласил дорогих гостей к столу.

— А мы, Александр Иванович, набедокурили тут, — повинился Уточкин. — Что будешь делать?

— Я-то знаю, что я буду делать, — засмеялся хозяин, — но вот что будет с вами утром — это мне неизвестно, ибо вы громите опохмелочный фонд, самое дорогое, неприкосновенное и священное.

— Раньше надо было сказать! — взмолился Ходотов. — Я уже истребил мою долю!

— Шучу, шучу, — успокоил хозяин. — Буфеты вокзалов Балтийской и Варшавской линии в нашем полном распоряжении. Боюсь, что не хватит пива: заказано ничтожное количество в сотню бутылок.

— Качать Александра Ивановича! Качать! — предложил кто-то. Куприна спасла специальная дама, приглашенная в качестве надзирающего ока в часы трапезы. Она произнесла: «Внимание!» — и когда все умолкли, взяла Куприна под руку и увела, предупредив оставшихся, что через минуту все гости сядут за стол, а потому следует поторопиться.

Грина посадили между Буниным и женой первой скрипки из оркестра Мариинского театра, которая в течение длительного, обильного и разнообразного ужина безотказно выполняла обязанности первой скрипки в сумбурном, кто в лес, кто по дрова, оркестре. Грин, не обращая внимания на то, что делали все другие гости, немедленно же приступил к насыщению и выпивке. Первая скрипка произносила речи, устанавливала порядок тостов, к ней ежеминутно подбегали, прикладывались к ее ручке, именovali божественной, восхитительной, дивной. Кто-то предложил бить бокалы. Скромный, молчаливый Бунин запротестовал, уверяя компанию, что посуду бьют только на свадьбе. Бунина подержал Уточкин и после этого с размаху трахнул бокал о спинку стула. Андрусону приготовили американского ерша — дикую смесь из шампанского, пива, лимонада и водки, всыпали в стакан ложку молотого перца, влили рюмку уксуса и полсотни валерьяновых капель. Грин попросил слова. Пирующие смолкли.

— Друзья! — сказал он. — Господа! Писатели земли русской, Петербурга и его окрестностей! Я кое-что смыслю в ершах, принимаемых в мокром виде. Изготовленную для Леонида Ивановича смесь пить нельзя. Леонид Иванович или умрет, или с ним произойдет великий конфуз. Я предупредил вас, господа!

Сел, выпил, закусил, обвел компанию взглядом засыпающей рыбы. Бунин мягко заявил, что Грин сделал доброе дело, пожал ему руку и принялся доедать слоеный пирог с капустой. Андрусон, позабыв об ерше, уничтожал все, что ему наливали и подкладывали.

Некий шутник в смокинге поставил стакан смеси перед Грином, и гости ахнуть не успели, как он взял стакан и выпил. Наступила тишина. Куприн подошел к Грину и обхватил его, ожидая того самого великого конфуза, о котором только что было сказано. Бунин привстал, не дыша и не шевелясь. Измайлов, совершенно трезвый, панически произнес: «О господи!» Андрусон, перегнувшись через стол, освобождал его от посуды и блюд с едой, всерьез полагая, очевидно, что Грин всей своей громоздкой фигурой ляжет поперек стола.

Грин сидел ни жив ни мертв. Куприн шепотом уговаривал его встать и идти баиньки. Но Грин выдержал. Он попросил первую скрипку сделать ему бутерброд, разведенными пальцами обеих рук показал, сколько нужно положить масла. Куприн налил в бокал лимонаду и попросил Грина пить глотками медленными и редкими. Бунин пожал Грину руку и сказал:

— Ничего подобного я не видел, великий мой сосед! То есть видел, но с результатом противоположным. Вы не из Сибири ли, между прочим?

Грин дожевывал хлеб с маслом и только тогда ответил:

— Из Зурбагана!

Корректный Иван Алексеевич, чуточку подвыпивший, но не утративший способности нормально соображать и управлять всеми своими чувствами, не в состоянии был всё же припомнить, когда и при каких обстоятельствах посещал он местность, названную его соседом. Иван Алексеевич объездил весь свет, отлично знал все города и страны; он переспросил Грина:

— Простите, как вы сказали?

Грин уже забыл, что именно сказал он минуту назад, — он усиленно заедал ерша хлебом с маслом и был глух и нем. Бунину ответил Куприн:

— Зурбаган — это, мамочка, город, придуманный Александром Степановичем. Разве не читали?

Бунин сконфуженно произнес:

— Нет, не читал. Но теперь непременно прочту. Даже немедленно, сию минуту. Вы мне дадите эту книгу, дорогой Александр Иванович, и я сейчас же познакомлюсь. Господа! — обратился он ко всем сидящим за столом. — Прошу простить меня, я должен вас покинуть.

Вместе с ним ушел из столовой и сам хозяин. В своем кабинете он бережно уложил Ивана Алексеевича на диван, разыскал книгу рассказов Грина и подал ее гостю, указав, где и что именно следует прочесть. Методичный, собранный, элегантный Бунин с благодарностью принял из рук хозяина книгу и приступил к чтению. Куприн вышел, распорядившись в кухне, чтобы Ивану Алексеевичу подали в кабинет кофе, пирог и всё то сладкое, что в изобилии было заготовлено для гостей.

Гости продолжали угощаться. Грин приобрел няньку в лице первой скрипки: она кормила его с вилки и ложечки, нарезала и накладывала, — руки у него словно бы отнялись, пальцы не сгибались, но сознания дикий ерш не погасил. Грин соображал не хуже трезвенника и, увидев входящего Куприна, спросил:

— Неужели он и вправду читает?

— Читает, мамочка! — ответил Куприн. — Иван Алексеевич редкостный экземпляр. А уж талантлив, господи боже мой!

— Я, кстати сказать, тоже не читал его, — признался Грин. — Теперь непременно прочту. Он меня, я — его.

Глубокой ночью начались танцы. Часть гостей ушла и уехала, часть отправилась на прогулку в парк. Танцующих было немного, и среди них Грин оказался не из последних. Он искусно провел свою даму в польке, лихо скакал в мазурке, и только вальс подвел его: закружилась голова, и он отправился на поиски местечка, где можно было прилечь и отдохнуть. Заглянул в одну комнату — там приводили себя в порядок дамы, толкнулся в другую, но дверь, видимо, была на запоре. Грин забарабанил,

нагнулся, взглянул в замочную скважину: лежит на диване Иван Алексеевич Бунин, и в руках книга.

«Надо бы ему чаю предложить, – подумал Грин, переполняясь чувством уважения и почтения к высокому читателю своих рассказов. – Снесу ему чайку с пирогом, потолкуем. Любопытно, что скажет Иван Алексеевич обо мне».

Стал припоминать, на случай, названия рассказов Бунина. Грин и в самом деле не читал его. О Бунине мало писали. Критика обходила его, упорно помалкивая и, очевидно, выжидая чего-то. Грин знал, что есть у Бунина «Деревня», «Суходол», известно было ему, что Бунин перевел «Гайавату» и написал много стихов, но всё как-то не собраться было прочесть его. И ему казалось постыдным это незнание. Ему и хотелось и боязно было войти в комнату, – а вдруг Иван Алексеевич спросит: «Скажите, пожалуйста, как вы находите мой рассказ...» – и назовет что-нибудь такое, чего у него и нет, единственно ради того, чтобы поймать невежественного человека. Грин еще раз заглянул в замочную скважину: Бунин лежал вытянувшись, в руках его подрагивала книга.

В кухне соорудили для Бунина на подносе целую витрину: поставили два чайника – один с кипятком, другой с заваркой, положили несколько апельсинов и яблок, огромный кусок халвы, которую он любил особенно, в хрустальную вазу доверху насыпали карамели с начинкой, мятных пряников.

– Несите и не опрокиньте, – сурово произнесла кухарка, недоверчиво провожая пошатывающегося человека со взъерошенными волосами, с галстуком на боку. – Набьете мне стекла, так сами и отвечайте.

Грин остановился перед закрытой дверью, постучал концом ботинка и попросил, чтобы ему открыли.

– Чайку испейте, Иван Алексеевич! – сказал он и в ответ услышал:

– Покорно благодарю, Александр Иванович! Не хочу!

– А вы дверку откройте, Иван Алексеевич, – сказал Грин.

Поднос в его руках покачивался, конфеты и печенье сыпались на пол.

– Откройте, Иван Алексеевич, я вам халвы и яблочек принес,
– продолжал Грин. – У меня целый магазин в руках, держать тяжело!

Сонный голос из комнаты:

– Вставать лень, дорогуша! Рассказы моего храброго соседа нагоняют сон, сейчас усну!

Грин обозлился. И за Куприна его принимают, и не пускают в комнату, и глупости по поводу рассказов говорят. «Сон нагоняют»... Грин еще раз постучал в дверь:

– Откройте, пожалуйста! Это я, Грин Александр Степанович. Ваш храбрый сосед. Автор рассказов, которые на вас сон нагоняют.

Выждал минуту и, не получая ответа, заглянул в щелку.

Книга на полу, Иван Алексеевич на боку... Сам хозяин, проходя мимо, подошел к Грину и спросил, с чего это Александр Степанович так вдруг погрустнел. Грин поставил на пол поднос со сладостями, взял кусок халвы, сунул себе в рот. Голосом обиженного ребенка признался:

– Иван Алексеевич оскорбил меня. Не заслужил я этого, Александр Иванович! Не может того быть, чтобы от моих рассказов в сон потянуло. Не может того быть! А он – «сон нагоняют»... И в самом деле – спит. Поглядите в замочную скважину.

Куприн принялся утешать его. Поднос пустел, – и гость и хозяин за разговором незаметно съели все апельсины, яблоки и конфеты.

– Это вы, мамочка, кстати с подносом. Вы подите в кухню и скажите, что Бунин всё съел и еще просит. Побольше коньячку, ветчинки! Колбаски попросите! Сырку.

– Не пойду, Александр Иванович! Для него не пойду! Для вас схожу куда угодно, а для него никуда. Гордое сердце! Не может быть того, чтобы от моих рассказов спать хотелось! Это ему показалось, ей-богу, показалось!

– Совершенно верно, мамочка! Он выпил и ничего не понимает. И вообще он не любит фантазии. Ему, понимаете ли, подавай быт и русскую деревню. Барскую усадьбу. Он, мамочка, и Гофмана не любит... И вообще не обращайтесь внимания. Дайте я вас поцелую, дорогой мой!

Грин едва сдерживал слезы. Он троекратно облобызался с Куприным, закурил; Куприн, желая утешить гостя, рассказал, как однажды выругал его за рассказы один влиятельный критик.

— А я взял да и наплевал. Вот так — тьфу, и — ногой растер. Ну, подумаешь, Бунину не понравились ваши рассказы! Льву Николаевичу Шекспир не нравился!

— А вы ему понравились, — всхлипнув, произнес Грин. — Правда, Александр Иванович, что Толстой вас молодцом назвал? Было дело, а?

— Было, да, — умиленно вздыхая, сказал Куприн. — Граф сказал, что ему нравятся мои рассказы. Было дело, да, верно. Хвалил меня старик.

— А Бунин говорит, что мои рассказы на него сон нагоняют! И ведь, смотрите, уснул! Спит, а?

— Выпил, ну и ослаб, мамочка! А никакие не рассказы. Поцелуйте меня, родной. Очень я вас люблю.

— А поклянитесь, что любите меня?

Куприн перекрестился, поднял правую руку и торжественно произнес:

— Клянусь, что люблю Александра Степановича! Не сойти мне с этого места!

После этого и гость и хозяин снова обменялись поцелуями. Грин несколько успокоился. За дверью похрапывал Иван Алексеевич Бунин. В буфетной комнате играли в карты и лото. Уточкин показывал фокусы. На железнодорожных путях перекликались первые утренние поезда.

С полудня гости Куприна начали расходиться и разъезжаться, к пяти часам вечера остался один Бунин. Хозяин и гость приняли ванну; невысокий, деликатного сложения Иван Алексеевич с нескрываемым восхищением оглядывал плотное, крепко сбитое тело Александра Ивановича, его мышцы атлета и грудь борца.

— Увесистый вы мужчина, — сказал Бунин, помогая другу своему растираться мохнатым полотенцем. — Вас надолго хватит.

— А это никому не известно, родной мой! Желательно пожить подольше, само собою. Ну а для продления бытия я ежедневно занимаюсь гимнастикой, плаваю, летаю, бегаю, верхом езжу, стреляю в цель. Вас, друг мой, берусь положить на обе лопатки на третьей минуте. Впрочем... — Куприн ощупал мускулы гостя,

— н-да, виноват, придется минуты три добавить. С вами пово-
зишься... Эх, батенька! — воскликнул Куприн восторженно и мо-
лодо, — художник вы, дай бог каждому! Намедни читал «Анто-
новские яблоки» ваши. Дивно, уму непостижимо! Поверите ли:
читаю, и так захотелось яблочка! А дома и компотного, сушеного
нету. Прочел рассказ — и на вокзал. «Дайте антоновское яблоко»,
— прошу. Взял я его, кусил, — не то! Ваши, в рассказе, вкуснее!

Бунин конфузливо улыбался. За обедом пришлось и хозяину
слушать комплименты по адресу своей работы. Бунин хвалил
«Листригоны», особенно нравился ему «Гранатовый браслет».

— Я, Александр Иванович, как прочел рассказ, так весь день
сам не свой был. Ни за что приняться не мог, поверите ли! На
душе тоска и боль, словно это я умираю, словно это я так бес-
смертно люблю. Выпьем, Александр Иваныч, за русскую литера-
туру, за подлинное искусство! Мастеров в ней немного.

Хозяин и гость чокнулись. Куприн вспомнил Грина, рассме-
ялся:

— Обиделся вчера Александр Степанович на вас. Чуть не пла-
кал из-за того, что вы над его рассказом уснули.

Бунин оживился. Он уверял, что, хотя рассказ Грина ему и не
понравился, все же уснул он вовсе не поэтому.

— Человек он безусловно одаренный, но — я его совсем не
знаю. Что еще он написал?

— Немного, но это первоклассный талант, батенька мой, —
сказал Куприн. — Вот увидите, из него выйдет крупная величина.
Волшебный талант! Жалею, что он не понравился вам. Совсем
напрасно.

— Где он печатается? — спросил Бунин. — Что-то я его нигде не
встречал.

— В разнокалиберных журнальчиках, — ответил Куприн. — На
верхах его не понимают. Там всё больше ананасы кушают. А у
нас и наверху много таких, которым я посоветовал бы вовсе по-
кинуть литературу. На пенсию уйти, что ли. Ну-с, ваше здоровье!

Чокнулись. После обеда расположились на диване в кабинете
хозяина. Заговорили о литературе западной, о влиянии ее на рус-
скую литературу. Куприн вслух прочел гостю маленький рассказ,
не называя имени автора.

— Ну, как на ваш вкус? — спросил Куприн.

— А хорошо! — сказал Бунин. — Голову пьянит. Кто написал эту превосходную вещицу?

— Грин, — ответил Александр Иванович, и гость рассмеялся. — Ежели что от вас зависеть будет, дорогой мой Иван Алексеевич, так вы помогите этому человеку. Золотой в копилку спрячете, — вот какое это дело!..

Поздно вечером Бунин уехал.

Куприн Александр Иванович



А.И. Куприн (7.09.1870-25.08.1938) — русский писатель. Родился в Наровчате, уездном городке Пензенской губернии и трёхлетним мальчиком был увезен матерью в Москву. Затем известный писатель приезжал на несколько дней в пензенскую деревню Пановку к знакомым. Особенно нежными стали его воспоминания о детстве в эмиграции.

Сказочным краем предстает родная земля в рассказе «Царев гость из Наровчата», созданном в эмиграции в 1933 году.

Отец Иван Иванович Куприн, коллежский секретарь (чин самого низшего, четырнадцатого класса) умер, когда мальчику не было еще и года. Он служил письмоводителем наровчатского уездного предводителя дворянства и секретарём мирового съезда.

Семью, историю рода для писателя олицетворяла мать Любовь Алексеевна (1838-1910), урожденная княжна Кулунчакова, из так называемых татарских князей. В экспозиции представлена родословная Кулунчаковых. Своей «татарской» (а не княжеской) кровью Куприн очень гордился, считая себя потомком Тамерлана. Согласно семейным преданиям, разорение предков произошло «из-за буйных нравов, расточительного образа жизни и пьянства». Тем не менее, Куприн придумал себе псевдоним Али-хан, некоторое время носил узорчатую тюрбетейку и «ханский» халат и «особенно узко щурил глаза».

Вдова уездного чиновника с маленьким сыном поселилась во Вдовьем доме, определив перед этим дочерей в учебные заведе-

ния на казённый кошт. Александр тоже стал «казённым мальчиком», учился в кадетском корпусе, в юнкерском училище. Его впечатления об этом периоде вошли в рассказ «Храбрые беглецы», повесть «Кадеты (На переломе)». После выхода в отставку начинаются скитания по провинции, Крыму. Куприн живёт в Киеве, Ялте, Одессе, у сестёр в Подмосковье. Окончательно избрав для себя писательскую стезю, он приезжает в Петербург, знакомится с литераторами, издателями. В 1902 году состоялась свадьба с Марией Карловной Давыдовой, этот брак продлился около пяти лет.

Его вторая жена Елизавета Морицевна (1882-1943), дочь Аксинья, как звал отец маленькую Ксению. Уютный семейный мир, где вместе с людьми живут козы, куры, собаки, кошки, лошади. Охота, цирк, полёты на воздушном шаре и самолёте... В дни революции он возился в огороде, выращивал картошку для пропитания семьи.

Прототипы героев: цирковая артистка Ольга Сур, помещик П.П. Арапов. Многие страницы повести «Юнкера» (1933) содержат описания подлинных событий наровчатского детства. В рассказе «Впотьмах» (1893) герой «уверял, что у него в Пензенской губернии есть огромное имение». В дом Рудневых из рассказа «Тапер» (1900) приезжали «какие-то соседи по по наровчатскому или инсарскому имению». Героиней рассказа «Леночка» (1910) стала хозяйка усадьбы при деревне Пановка С.Н. Арапова. Главный герой повести «Поединок» (1905) подпоручик Ромашов – уроженец Наровчата. Наровчатской биографией наградил писатель и главного персонажа рассказа «Храбрые беглецы» (1917) воспитанника сиротского училища Нельгина. «Для него Наровчат был богатым людным городом. Вроде Москвы, но несколько красивее. А вокруг шумели дремучие леса...»¹⁹.

¹⁹ По материалам Рассказовой Л. В. «И во мне течет кровь Пензенская» (Музей А.И. Куприна в г. Наровчате)

А.И. Куприн
Царев гость из Наровчата
(в сокращении)

Прежде всего надо осведомить читателей о том, что такое Наровчат, ибо слово это ни в истории, ни в литературе, ни в железнодорожных путеводителях не встречается. Так вот. Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, ровно ничем не замечательный. Соседние городки, по русской охальной привычке, дразнят его: «Наровчат, одни колышки торчат». И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намека на камень, река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое и сухое, а народ – ротозей. Долго ли тут до божьего попущения? Так и выгорал из года в год славный город, выгорал и опять обстраивался.

...Замечательных и примечательных событий в Наровчате никогда не происходило. Даты времени отсчитывались по мелким домашним происшествиям... Это было за год перед тем, как у Ольги Иннокентьевны родилась двойня, или год спустя после того, как мировой посредник Фалин привез из Пензы секрет яблочной пастилы, и все другое в том же роде.

Но был все-таки в утлой и скудной летописи безвестного городка Наровчата один-единственный случай, который смело можно назвать необыкновенным и которому в свое время с пламенной ревностью завидовали и толстопятая Пенза, и раскормленный Тамбов, и богатая магометанская мыльная Казань. Да и в самом деле, было чему завидовать: вскоре после победы над Наполеоном и двенадцатью языками великий победитель, незабвенной памяти государь и император всея России Александр Павлович, высочайше соизволил осчастливить уездный город Наровчат своим милостивым посещением.

Для сокращения пути на Казань государевы передовые вожатые решили проехать через Наровчатский уезд и, следовательно, по мосту через речку Безымянку. Так и расположили маршрут. Но, увы, на безымянском мосту злой рок подстерегал императорский кортеж. Никто из императорской свиты не догадался своевременно удостовериться в состоянии моста — такие ротозеи!

Государев венский дормез был не в меру тяжел, а безымянский мост не ремонтировался лет так с тридцать, тридцать пять. И вот произошла страшная беда: тяжеловесный экипаж был на самой середине, когда ветхий мост рухнул и развалился на мелкие части. Бог хранил своего избранника. Пострадали, и то не смертельно, фореиторы и ездовые; государь же отделался сильным ушибом левой ноги. Всем известно, что Александр Павлович был истинным ангелом во плоти; он всем простил и ни на кого не гневался. Наоборот, ласково утешал пострадавших и ободрял растерявшихся. И так как врачи настаивали на немедленном отдыхе для излечения ушиба, то государь милостиво соизволил принять гостеприимство в роскошном доме у предводителя дворянства Иннокентия Владимировича Веденяпина, куда он и был перенесен на носилках со всеми предосторожностями.

Когда ушибленная нога его величества пришла в такой порядок, что, будучи обвязанной крепкими бинтами, не препятствовала Александру Павловичу осторожно передвигаться с места на место, то государь с прелестной улыбкой дал свое согласие наровчатским дворянам присутствовать лично на торжественном балу в честь выздоровления обожаемого императора.

Забинтованная нога не позволяла государю принять участие хотя бы в традиционном и весьма нетрудном полонезе, но на усердные танцы наровчатского бомонда, обучавшегося хореографическому искусству у заезжей француженки де Пудель, он глядел, сидя в почетных креслах, с большим вниманием и с благосклонной радостной улыбкой. Молодой флигель-адъютант государев, блестящий гвардейский офицер, стоявший за спиной императора и не изменявший своего серьезного должностного лица, тут же вполголоса экспромтом напевал в темп гротескному танцу забавные стишки на танцующих.

Стишки до слез и колик смешили государя, соскучившегося в наровчатском невольном сиденье, но еще больше ему понравилась парочка Хохряковых, мужа и жены; оба они были кургузенькие, пузатенькие, но ужасно манерные и жеманные. Вероятно, во всем мире не бывало видано таких вычурных наизысканных гротесков, которые откалывала с важностью чета Хохряковых. Глядя на них, деликатный Александр Павлович делал все усилия, чтобы не расхохотаться громко. Но когда Хохряковы

окончили свой черед, он послал к ним адъютанта с просьбой узнать, не будут ли они так любезны, чтобы повторить свой танец. С неописанным наслаждением исполнили они желание императора. Но этой чести было еще мало. Покидая зал и поблагодарив наровчатское дворянство, государь отдельно позвал к себе Хохрякова и ласково сказал ему:

– Я с удовольствием любовался вашими танцами и очень жалею, что моя жена не могла их увидеть. Но если вам придется когда-нибудь приехать в Петербург, то милости прошу ко мне во дворец. Я охотно представлю вас ее величеству. На другой же день государь покинул Наровчат.

Прошло достаточно много времени. Наровчат после великих дней пребывания в нем царя постепенно ввалился в обычную, привычную колею. Пришли наконец будничные, сумрачные дни, когда городишко совсем перестал говорить и думать об августейшем посетителе, так же как забыл он интересоваться таинственной судьбой дворянина Хохрякова, который через неделю после отъезда государя со свитой вдруг исчез неведомо куда и неведомо зачем и вот уже месяцами не давал о себе ни слуха, ни знака. Соседи спрашивали мадам Хохрякову:

– А не поехал ли, часом, ваш благоверный в Санкт-Петербург по государеву приглашению? Но госпожа Хохрякова отвечала кратко:

– Куда ему, сопливному. Он дальше Тамбова и проехать не сумеет. Одна беда – все наличные деньги с собою увез. Боюсь, не дунул ли в Царицын к цыганкам. От него, поганца, станет.

Вот и все. Вскоре Хохрякова как бы и на свете никогда не бывало...

...И вдруг перед самым рождеством Христовым разносится по всем домам животрепещущая новость:

– Приехал! Приехал! Хохряков только что приехал! В Петербурге был! Во дворец был приглашен, с августейшими особами чай пить и беседовать удостоился! Жена ему теперь за вранье волосы дерет. Идите скорее глядеть!

В большом зале Благородного собрания рассказывал дворянин Хохряков, в присутствии всех знатных наровчатцев, свою изумительную одиссею.

– Должен сначала сказать, что я, долго и многосторонне обдумывая милостивые и, скажу, даже ласковые слова его величества, обращенные ко мне на торжественном балу, понял, что это, бесспорно, есть знак высочайшего одобрения моему искусству танцевать, а всемилостивейшее приглашение обожаемого монарха побывать при возможном случае в его резиденции нельзя понимать иначе, как желание императора увидеть еще раз эти танцы и дать возможность поглядеть их августейшей супруге. Исполнить малейшее желание великого государя всея России есть первейший и священнейший долг каждого верного подданного. Вот мотив, по которому я поехал в Петербург. Меня, может быть, спросят, почему я не взял с собою в вояж возлюбленную супругу нашу и уважаемую сожительницу, несравненную Алевтину Исидоровну. Ответ прост – государь, произнося свое великодушное приглашение, изволил говорить лишь со мною, исключительно со мною, и его царственные взоры были обращены только на меня.

– Ехал я на почтовых девять дней с небольшим, пока не приехал в Санкт-Петербург. Я спрашиваю, как пройти к государю, по его личному словесному разрешению и даже приглашению. Не тут-то было. Спрашивают: «А где у вас бумаги? Где разрешение? Кто за вас ручается? Кому вы известны?» И трата-ти и трата-та... Я уже потерял присутствие духа, как вдруг подходит ко мне тот самый флигель-адъютант, который на балу в Наровчате такие насмешливые вирши складывал.

– Здравствуйте, – кричит, – пензяк толстопятый! Как живы, здоровы? Что в Питере делаете?

Я рассказал этому прекрасному гвардейцу все мое положение и все мои адские затруднения, а он говорит:

– Я понимаю, как вам тяжело в незнакомом городе, да еще без протекции. Подождите меня вот у этой арки, а я вам сейчас разрешение принесу.

Сказал и скрылся, а через четверть часа прибегает обратно.

– Государь очень рад будет увидеть вас в восемь часов за своим интимным чаем, а пока пойдем немного прогуляемся по Невскому проспекту и у Доминика в бильярд поиграем.

Ровно в восемь поднялись мы по роскошным мраморным лестницам в верхние, уютные, лишённые всякой официальности, домашние палаты молодых государя и государыни. Когда я сде-

лал низкий придворный поклон, Александр Павлович любезно протянул мне руку. Я хотел ее облобызать, но царь не позволил этого и сказал:

– Ручку ты поцелуешь у моей жены. Вот, Лизанька, мой друг из Наровчата. Прошу любить да жаловать. Ах, если бы ты знала, с каким отменным пафосом он танцует старинный гротеск.

– Чего хочешь, брат Хохряков? Чаю или кофею?

– С позволения вашего императорского величества, попросил бы чаю.

– А с чем предпочитаешь чай, брат Хохряков? Со сладким печеньем или с марципаном?

– Как угодно вашему величеству.

– А что, брат Хохряков, а не разбавить ли нам чай китайский настоящим ямайским ромом?

– И чудесно, – говорит государь. – Ну-ка, полковник, – обращается он к юному флигель-адъютанту – идите-ка в погреб. Поищите там рому покрепче и подушистее.

Тот мигом сорвался с места и исчез. Не прошло и четверти часа, как он вернулся с кувшином бемского граненого хрусталя, наполненным амброзией и нектаром. Понимаете ли? Ром из царских погребов! Высочайшая во всем мире марка! У нас в Пензе лучшие знатоки вина определяли достоинство хорошего рома по мере того, насколько сильно он пахнул клопом.

– А скажи, брат Хохряков, починили ли в Наровчате тот мост, на котором я чуть-чуть не сломал себе ногу?

Мне стыдно и страшно было ответить, и я решился на маленькую ложь.

– Государь, – сказал я, – уезжая из Наровчата, я успел заметить лихорадочную работу над возведением отличного каменного моста через эту несчастную речку. Но вскорости он будет закончен.

Так мое путешествие в Петербург и прошло благополучно. Но только, господа дворяне, вы уж меня перед моим обожаемым царем не подведите. Постройте хороший мост через Безымянку.

И все Благородное собрание ответило громом рукоплесканий и самыми горячими обещаниями.

С того времени прошло сто лет с небольшим. Но мост через Безымянку так и остался в прежнем ветхом состоянии, и по весне на нем неизменно калечатся люди и лошади.

Мариенгоф Анатолий Борисович



В доме по адресу Московская, 34 в начале двадцатого века располагалась Пономаревская гимназия, в которой в 1913-1916 годах учился легендарный денди.

А.Б. Мариенгоф (6.07.1897-24.06.1962) – поэт-имажинист, теоретик искусства, прозаик, драматург и мемуарист. Он родился 24 июня в 1897 году в Нижнем Новгороде в дворянской семье.

Родители Мариенгофа в молодости были актерами, настоящей богемой. Детство Анатолия прошло под сильнейшим влиянием отца, отличающегося тонким умом и ироническим отношением к жизни с примесью здорового скептицизма. В своих мемуарах Анатолий Мариенгоф отводит отцу роль наиболее здравомыслящего человека среди всего своего окружения. В 1913-м году, после того, как мать Анатолия скончалась от рака желудка, отец, воспользовавшись приглашением английского акционерного общества «Граммофон», стал его представителем в Пензе и переехал туда с детьми – Анатолием и его младшей сестрой. Поступить в частную гимназию С.А. Пономарева для юного Толи оказалось совсем несложно.

О своем первом дне здесь Мариенгоф пишет следующее: *«Я подавлен пономаревской гимназией: облупившиеся крашеные полы, как в небогатых кухнях; темные потолки с потрескавшейся штукатуркой; плохо вымытые оконные стекла. «Чтобы жизнь казалась потускней!» – говорю я себе. Эх-хе-хе!»*

В гимназии Анатолий издавал литературный журнал «Мираж», который более чем на половину был заполнен его собственными стихами, рассказами и эссе. Летом того же 1914 г. го-

да Мариенгоф побывал в путешествии по Балтике на учебной парусной шхуне «Утро». Он посетил Финляндию, Швецию, Данию и даже получил матросское свидетельство, чем чрезвычайно гордился. Однако плавание было прервано началом Первой мировой войны. В 1916-м году Мариенгоф окончил гимназию и уехал в Москву, где поступил на юридический факультет Московского университета. Не проучившись в университете и полугода, молодой Мариенгоф попал на фронт, где занимался устройством дорог и мостов в составе инженерно-строительной дружины. На фронте Анатолий продолжал писать стихи. В 1917-м году, пока Мариенгоф ехал в отпуск в Пензу, началась Октябрьская революция. Мариенгоф с головой уходит в литературу.

В «Романе с друзьями» он вспоминал: «Свою Пензу я доживал, зарывшись в книжицы и книги стихов. Обзавелся я тогда и новым другом-стихотворцем: Ванечка Старцев окончил годом позже меня ту же Пономарёвскую гимназию... Откопали мы у бывших гимназистов какую-то паршивенькую прозу, какие-то жалкие стишки, прилепили их к нашим, а сами себя бесстрашно называли «группой имажинистов». Революционный альманах называли «Исходом». Так что, по признанию Мариенгофа «имажинизм родился в городе Пензе на Казанской улице. «Исход» — первый имажинистский сборник — был отпечатан в пензенской губернской типографии осенью восемнадцатого года».

Анатолий Борисович до конца дней своих называл себя пензяком. Пензу он помнил и знал. В сущности, все три его знаменитых романа («Роман без вранья», «Циники», «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги») буквально пропитаны пензенскими впечатлениями.

Весной 1918 г. отец поэта Борис Михайлович погиб от шальной пули в дни мятежа чешских легионеров. Похоронив отца на Мироносецком кладбище, Анатолий Борисович навсегда покидает Пензу и переезжает в Москву: *«Прощай, Пенза. Прощай, моя Толстопятая. Прощай, юность. Вероятно, в старости ты покажешься мне счастливой. Прощай...»*.

В Москве сложилась компания из четырех друзей-поэтов: Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа, Рюрика Ивнева и Вадима Шершеневича, ставшая костяком нового литературного движения — имажинизма. С Есениным Мариенгоф был особенно дру-

жен — по его свидетельству «года четыре кряду нас никто не видел порознь». В 1919-1920 гг. Анатолий Мариенгоф был одним из самых издаваемых поэтов России. К лету 1929 г. в советской прессе, в рамках кампании, направленной против Пильняка и Замiatина, началась травля Мариенгофа, организованная РАППом (Ассоциация пролетарских писателей), поддержанная Союзом писателей. В начале 1930-х он ушел с широкой литературной арены.

В своих произведениях Мариенгоф талантливо запечатлел образ Пензы начала XX века. В книге «Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие» авторы А. Тюстин и И. Шишкин в статье, посвященной Мариенгофу, в частности, пишут: «Анатолий Борисович до конца дней своих всегда называл себя пензяком, Пензу он помнил, знал и любил. В сущности все три его знаменитых романа.... буквально пропитаны пензенскими впечатлениями: запахом лип и сирени на Верхнем гулянье, «бабьим летом» в сквере кафедрального собора, видами старой Пензы с Поповой горы, откуда открывается панорама города... «Мечтаю печальный остаток своих дней дожить в Пензе» («Циники»)).

А.Б. Мариенгоф

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...
Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шеи — и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки вопами страха
Били, как в звенящие бубны.

1917

А.Б. Мариенгоф
Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги
(отрывок из романа)

... Чехословацкие белые батальоны штурмовали город. Заливая свинцом близлежащие улицы, они продвигались от железнодорожной насыпи обоих вокзалов: «Пенза 1-я» и «Пенза 2-я», — то есть от пассажирского и товарного. Падали квартал за кварталом, улица за улицей. Настенька ходила хмурая.

— Одолевают, сукины сыны. Ох, одолевают!

Отступающие красноармейцы втащили пулемет на чердак нашего дома.

Мы только что пообедали. Вдвоем. Сестра гостила у подруги где-то на Суре.

Отец аккуратно сложил салфетку, проткнул ее в серебряное кольцо с монограммой и встал из-за стола:

— Спасибо, Настенька. Спустите, пожалуйста, шторы у меня в спальней.

— Сию минуточку, — ответила она шепотом.

После первых же орудийных выстрелов Настя почему-то стала говорить шепотом и ходить на цыпочках.

— Я прилягу на полчаса, — сказал отец, развязывая галстук.

Мне думается, что, если б даже мир перевернулся вверх тормашками, отец все равно после обеда прилег бы вздремнуть «на полчаса».

Кстати, я полностью наследовал эту его привычку: говорю те же слова и так же развязываю галстук, перед тем как растянуться на тахте.

Настенька подала ночные туфли, вышитые бисером:

— Отдыхайте, барин. Все приготовлено, — опять прошептала она.

— Пожалуйста, Толя, не вертись возле окон.

— Хорошо.

— Пуля — дура, как тебе известно.

Отец притворил за собой дверь спальни.

— Тут из пушков по нас стреляют, а они спать. Бесстрашные какие-то.

— Спускайтесь, Настенька, в подвал, — предложил я.

– Да нет, у меня посуда не вымыта.

Она прошла в кухню на цыпочках.

Артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь усиливался с каждой минутой.

Я нашел в ящике письменного стола перламутровый театральный бинокль и, протерев стекла замшевой полоской, засунул его в нижний карман френча.

– Куда это вы собрались, Анатолий Борисович?

– В театр, Настенька. Сегодня очень интересный спектакль у нас в Пензе. Бой на Казанской улице.

– А что на это барин скажут?

– Ничего не скажет. Папа уже спит.

В задний карман синих диагоналевых бриджей я положил маленький дамский браунинг.

Его пульки были величиной с детский ноготь на мизинце. Более грозного оружия в доме не оказалось.

– Пойду все же прислушаюсь. А вдруг барину не спится.

– Этого быть не может. Дайте-ка мне, Настенька, папирос побольше... для товарищей.

Вернувшись с папиросами, она прошептала:

– Уснули. Как безгрешное дите, посапывают.

– Вот и превосходно.

Со спокойной душой я полез на чердак защищать социалистическую революцию.

Красноармейцы почему-то не послали меня к черту. Только один – большой, рыжебородый, с отстреленным ухом – добродушно пошутил, остужая пулемет из Настиного зеленого ведра:

– И бородавка телу прибавка.

– Это точно! – поддержал его молодой пулеметчик.

И закурил мою папиросу.

Вдруг снизу, с улицы донесся голос отца:

– Анатолий!..

Говорят: «Сердце матери». А отца?.. Вот им, этим сердцем отца, он, очевидно, почувствовал, что я вышел на улицу. И сразу же, накинув пиджак, пошел вслед за мной, чтобы вернуть «сыночка» под защиту кирпичных стен.

– Анатолий!

– Что, папа?

– Ты стреляешь?
– Нет.
– А что делаешь?
– Смотрю в бинокль.
– Товарищи... – обратился отец к красноармейцам, – он вам нужен?

Молодые молчали. А большой, безухий опять пошутил с добрым глазом:

– Ни дудочка, ни сопелочка.

Это, думается, относилось ко мне.

Улица была мертвой, и только со шмелиным жужжанием (совсем нестрашным, я бы даже сказал, мирным, лирическим) летали невидимые пули – «белые» со стороны вокзалов, «красные» от собора.

– В таком случае, Анатолий, – скомандовал отец, – немедленно марш домой!

Это были последние папины слова. Через секунду, истекая кровью, он лежал на пыльных булыжниках мостовой.

– Такая уж судьба, – глухо сказал рыжебородый. – Такая стерва!

И под его грузными сапогами закрипели чердачные ступеньки.

Пуля попала в пах левой ноги. Кровь била из раны широкой струей. Мы с рыжебородым осторожно перенесли папу в дом и положили на узкий диван в гостиной. Настя стояла как деревянная, прижав обе ладони к щекам. Рыжебородый туго перевязал рану тремя полотенцами. Они сразу стали буро-багровыми. Папа не стонал. Тяжелые восковые веки закрывали глаза.

– Да не пужайся ты, не пужайся. В беспамятстве батя твой. Это, милый, с того, что крови много повытекло, – успокаивал рыжебородый. – Тута ведь самая толстая жила проходит. Ар-те-ри-ей, значит, звать ее. И распорядился:

– Дай-ка, Настенька, еще полотенцев.

Из меня тоже как будто вытекала кровь широкой струей.

– А теперь, милой, слетай-ка поблизости в пожарную часть. Может, тебе и дадут лошадь с телегой. Надобно твоего батю в лазарет везть.

Я без надежды, без веры в спасенье выбежал из дома. Пули жужжали. Рыжебородый кричал вдогонку:

– К стенкам прижимайся!.. К стенкам!.. Слышь?.. К стенкам!

Я продолжал бежать посреди мостовой. Губы беззвучно молили, повторяя:

«Убей... Меня!.. Меня тоже!.. Убей!»

Но я был твердо уверен, что ни одна пуля не сжалится надо мной, не будет ко мне милосердна, не положит меня на месте. Белые чехословаки занимали первые дома нашей улицы. Пожарная часть находилась за углом, через площадь. Брандмайор оказался отзывчивым человеком.

Он приказал:

– Запряги, Петрович, им Лебедя.

Это был четвероногий скелет, обтянутый чем-то грязным. Скелет с хвостом и жалкими клочьями гривы.

– А вот человека, простите, я не могу посылать на убой, – извинился брандмайор. – Вам уж придется самому править.

– Да, да... Спасибо.

Глаза у скелета были бесконечно усталые и печальные.

Брандмайор на прощанье ласково похлопал его по обвисшему задку. Но и к этому четвероногому Лебедю свинцовая пуля не пожелала стать милосердной. Она и ему не даровала того длинного и заслуженного отдыха, которого лошади боятся так же, как и люди. Когда на красной пожарной телеге я с грохотом подъехал к дому, папа уже был мертв.

Настя плакала и не вытирала слезы. Пулеметчики отступили. Я подошел к дивану, тихо лег рядом с папой, обнял его, и так вместе мы пролежали конец этого дня, ночь и все утро. Прощай, Пенза. Прощай, моя Толстопятая. Прощай, юность. Вероятно, в старости ты покажешься мне счастливой. Прощай...

Мейерхольд Всеволод Эмильевич



Всеволод (Карл) Эмильевич Мейерхольд (28.01.1874-2.02.1940) – режиссер и актер, народный артист РСФСР (1923). Из купеческой семьи Мейергольдов. При крещении по лютеранскому обычаю получил три имени – Карл Теодор Казимир.

Увлечение родителей театром, музыкой, ранние впечатления от балаганов, народных представлений, участие в детских домашних спектаклях сыграли важную роль в формировании художественных вкусов будущего режиссера. Интерес к театру окреп во время учебы Мейерхольда во 2-й мужской гимназии, полный курс которой он закончил в 1895 году. Здесь Мейерхольд был постоянным участником любительских спектаклей, с успехом сыграв Кутейкина в «Недоросле» Д.И. Фонвизина в 1892 году. В пензенском драматическом кружке под руководством Д.С. Волкова Мейерхольд выступал под псевдонимом Ухтомский, так как гимнастам запрещалось даже присутствовать на вечерних спектаклях. В спектакле «Горе от ума» (1892) он не только исполнил роль Репетилова, но и являлся помощником режиссера.

Сложные отношения с семьей приводят к тому, что после окончания гимназии Карл принимает православие и в честь писателя Гаршина выбирает имя Всеволод. Тогда же при отказе от германского гражданства в русский паспорт вписывается измененная фамилия Мейерхольд. Отъезд на учебу в Московский университет не прерывает его отношений с Пензой. 17 апреля 1896 года он венчается с О.М. Мунт в пензенском Кафедральном соборе. Любимец пензенской публики, как именовали его газеты, выступал на сцене Народного театра во время летних каникул 1896-98 гг. Покинув университет, Мейерхольд поступает учиться в музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, которое заканчивает в 1898 году. В том же году Мейерхольд поступает в труппу Московского художественного театра, где сыграл 18 ролей. С 1902 года становится во главе «Товарищества новой драмы». Летом 1904 года созданный им те-

атр гастролитовал в Пензе. Это был последний приезд Мейерхольда в родной город.

С 1902 по 1905 годы Мейерхольд осуществил постановку 170 спектаклей. В это время началось формирование художественной программы режиссера, связанной с поэтикой символизма, с принципами и стилистикой условного театра. Наиболее полно эта стилистика воплотилась в Петербургском театре имени В.Ф. Комиссаржевской, где с 1906 года Мейерхольд стал главным режиссером. В 1908 году Мейерхольд приглашается в состав режиссуры петербургских императорских театров, в которых проработал 10 лет. Шедевром этого периода стал «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. С 1908 года Мейерхольд ведет театрально-педагогическую работу в своей студии.

После революции 1917 года, которую Мейерхольд приветствует, выдвинув идею «Театрального Октября», активно участвует в работе Театрального отдела Народного комиссариата просвещения. В 1922 году на базе мастерских был создан Государственный институт театрального искусства (ГИТИС), при котором существовал театр ГИТИСа. В 1923 году он был официально переименован в Театр имени Всеволода Мейерхольда (ТИМ), с 1926 – Государственный театр имени Всеволода Мейерхольда.

В 1928 году на экраны вышел фильм «Белый орел», в котором Мейерхольд исполнил роль сенатора. Свои искания Мейерхольд осуществлял и в музыкальном театре, ставя спектакли в Мариинском и Ленинградском малом оперном театрах. В 1938 году ГосТИМ был закрыт. 20.06.1939 года Всеволод Мейерхольд был арестован, а в ночь со 2 на 3 февраля 1940 года был расстрелян в Бутырской тюрьме в Москве. 26.11.1956 года был признан незаконно репрессированным и посмертно реабилитирован Военной Коллегией Верховного суда СССР.

В 1984 году в Пензе открыт Музей сценического искусства имени В.Э. Мейерхольда. В 1999 году на его территории установлен первый в мире памятник режиссеру.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Распределите авторов, с биографией и творчеством которых вы познакомились (А.А. Блок, М. Горький, А.С. Грин, А.И. Куприн, А.Б. Мариенгоф, В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд) по следующим категориям: уроженцы Пензенской области, поэты, прозаики. Обоснуйте свой ответ.

2. Кто из уроженцев Пензенского края стал реформатором театра и прославился как режиссер?

3. Назовите авторов этих произведений: «Царев гость из Наровчата», «Роман без вранья», «Леночка», «Алые паруса», поэма «Двенадцать», «Челкаш», «Стихи о советском паспорте»?

4. Почему родиной имажинизма называют именно Пензу?

Прочтите дополнительно:

1. Борисов Л. «Волшебник из Гель-Гью. Романтическая повесть».
2. Волков Н.Д. «Театральные вечера» (гл. В.Э. Мейерхольд).
3. Куприн А.И. «Леночка», «Юнкера».
4. Мариенгоф А.Б. «Роман с друзьями».
5. Маяковский В.В. «По городам Союза».
6. Радек К.Б. «Как Всеволод Мейерхольд попал в Гамлеты и как Жирофле-Жирофля начали строить социализм».

Темы докладов:

1. А.И. Куприн – наш земляк. «Царев гость из Наровчата».
2. Имажинизм в истории русской поэзии.
3. А.С. Грин – человек удивительной судьбы и фантазии.
4. «Шестое чувство» А.И. Куприна.
5. Театральная деятельность В.Э. Мейерхольда.
6. Пензенская муза В. Маяковского – Татьяна Яковлева.

Раздел 5. Русская литература XX века и Пензенский край

Понятие «Пензенский край» является в достаточной степени условным, поскольку статус и границы края многократно менялись, особенно в первой половине XX века. В сложившихся еще в XVIII веке границах, Пензенская губерния просуществовала до 1928 года. Затем административно-территориальные границы неоднократно менялись. В 1928 году территория бывшей Пензенской губернии была разделена на Кузнецкий, Мордовский и Сызранский округа, подчиненные Средне-Волжской области. В 1930 году Пензенский округ был упразднен, а района, которые в него входили, стали подчиняться Самаре. Через семь лет статус края вновь изменился. В 1937 году эта территория вместе с Пензой вошла в состав Тамбовской области, а уже через два года – в 1939 году была образована Пензенская область с новыми границами. С тех пор статус края и его границы не менялись.

Подобные изменения не всегда благоприятно отражались на сфере культуры. Первый нарком просвещения А.В. Луначарский, посетивший Пензу в 1929 году, писал: «В Пензе много старых губернского типа зданий: она типична именно как губернский город, имеющий, на первый взгляд, своеобразно солидный, почти комфортабельный характер. Между тем, Пензенский округ – один из самых бедных, если не самый бедный в РСФСР. В бытность свою губернией он был даже еще темнее, ибо, пожалуй, самая глухая часть отрезана теперь и превращена в самостоятельный Мордовский округ с центром в Саранске. Губернский центр Пенза безжалостно впитывала в себе все, что могла впитать из губернии. Она оставила в высшей степени темными свои уезды. Это сказывается еще и сейчас»²⁰.

Литературная жизнь края неразрывно связана и с течением всей его культурной жизни. В этот период она была особенно бурной. Особенно яркими были перемены, произошедшие после установления советской власти. Сфера культуры оказалась подконтрольной партийным и советским органам власти. При этом все учреждения культуры оказались под достаточно жестким

²⁰ Вазерова А.Г. История и культура Пензенского края XX века: моногр. / А.Г. Вазерова, Л.А. Королева, Н.В. Мику. – Пенза: ПГУАС, 2015. С. 4.

идеологическим контролем партийных органов. В 1920-е годы этот контроль был еще не столь жестким, он существенно усилился после 1928 года.

В середине 1920-х гг. прошел ряд дискуссий, и были приняты решения, определяющие отношение власти к культуре и искусству. В мае 1924 г. были одобрены резолюции Отдела печати ЦК и XIII съезда партии. 18 июня 1925 г. – резолюция ЦК «О партийной политике в области художественной литературы». В ней провозглашалось, что «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы». ЦК высказывался «за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области».

Однако, осудив пролетарских писателей за их высокомерие, бестактность, нетерпимость, власть в итоге встала на их сторону, отвергая принцип невмешательства в искусство. В том же, 1925 году, на встрече с советской интеллигенцией Н.И. Бухарин откровенно заявил: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике».

В мае – июне 1928 года прошло Всесоюзное совещание при ЦК ВКП(б) по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства, которое ознаменовало начало «идеологизации» всех сфер жизни советского общества.

В период с 1920 и до конца 1930-х годов в крае существенно возросло количество культурно-просветительских и образовательных учреждений. В 1918-1922 годах в Пензе работал театр оперы и балета. В ноябре 1918 года была открыта Пензенская народная консерватория. В 1919 году при отделе народного образования Пензенского губисполкома был организован подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В 1924 году было принято постановление бюро Пензенского губкома РКП(б) о создании комиссии по выявлению исторических памятников.

Комиссия должна была заниматься выявлением на местах (бывших имениях) музейного или культурного значения того или иного памятника старины.

В 1918 году была открыта государственная студия драматического искусства, насчитывающая до 119 человек. Открывались новые клубы и дома культуры. Например, рабочий клуб в кинотеатре «Олимп», Дворец труда, Народные дома в селах Рамзай, Новые Черкасы, Архангельское и др. В 1926 году на территории губернии функционировало около 50 клубных учреждений.

Увеличилась и сеть библиотек. В 1920 году в Пензе было 6 библиотек для взрослых. «Лучшей библиотекой считается библиотека им. Белинского, она содержит 15000 книг. В 1925 году насчитывалось 45 библиотек различных категорий и видов в Пензе, 13 – в уездных центрах и 147 – в волостях. Число массовых библиотек только на территории Пензенской области возросло с 212 в 1927 г. до 831 в 1940 г.

Предпринимались определенные шаги и по благоустройству города, созданию мест досуга и отдыха. В 1929 году газета «Трудовая правда» были опубликованы правила для граждан, посещающих общественные парки, скверы и бульвары. Гражданам запрещалось, в числе прочего, «производить всякое засорение дорожек, газонов, клумб и цветников (семечками, орехами, объедками и т.д.); появляться в нетрезвом виде и т.д.». Виновные должны были быть привлечены к административной ответственности.

В первые годы советской власти были учреждены школы взрослых для рабочих, крестьян и красноармейцев.

Задача, стоящая перед учреждениями культуры, заключалась не только в том, чтобы «нести культуру в массы», активно занимаясь просветительской деятельностью и организацией досуга населения. Первостепенное значение приобретает проводившаяся ими идеологическая работа.

Литературная история XX века в нашем крае очень насыщена – в зависимости от критерия, можно выделить как отдельные периоды, так и направления литературной деятельности (литературоведы, фольклор, произведения пензенцев-фронтовиков, поэтическая лирика и т.д.).

5.1 Пензенская литература довоенного периода

Анисимова Александра Петровна



А.П. Анисимова (2.09.1891-6.06.1969) родилась в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. В раннем детстве ее семья переехала в Симбирскую губернию, в село Новая Ерыкла в 30 верстах от Тереньги. Ее отца в это место пригласил помещик, который занимался восстановлением своей усадьбы. В этом селе и прошли все детские годы писательницы.

С раннего детства Александра Петровна знала стихи любимых поэтов – Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Ей всегда были интересны рассказы о жизни народа, сказки, фольклор. Александра Петровна получала образование в Симбирске, в Мариинской женской гимназии, которая славилась на всё Поволжье. Окончив ее в 1910 году, она становится дипломированной учительницей.

В 1911 году стала работать в школе большого симбирского села Загоскино. Познакомившись с учителем из другого села М. Анисимовым, в 1913 году она выходит замуж. Однако счастья этот брак не принес. В 1915 году у Александры Петровны умерло двое маленьких детей, после чего она заболела, постоянные ссоры с мужем ее изводили. Однако все налаживается в 1916 году с рождением сына. В это время она уже была разведена. Спустя два года Александра вновь выходит замуж за токаря В. Алеева, которого вскоре записали в Красную армию и отправили на Восточный фронт. У нее рождается дочь, с которой она уезжает к родителям мужа в посёлок Промзино (Сурское).

Во время возвращения мужа с войны в 1920 году Анисимова работает библиотекарем, а потом школьным и дошкольным инструктором Симбирского уездного отдела народного образования. В 1924 году она работает репортёром областной газеты «Пролетарский путь», крестьянской газеты «Красная жатва». Бы-

вая в творческих командировках в деревнях и сёлах, хотелось ей записывать народные песни и частушки, пословицы и поговорки.

В 1935 году Анисимова переехала в Каменку. В 1938 году – в село Поим Белинского района. Здесь она сделала первые шаги в литературе и вскоре стала известной на всю Россию писательницей. В поимский период жизни было издано 26 её книг. Первая книга «Песни про войну» была выпущена Пензенским издательством в 1943 г. Второй сборник – «Песни и сказки» был издан уже в Москве сквозь два года затем войны. Имя поэтессы становится известным за пределами области, песни на ее вирши звучат по Всесоюзному радио.

Некоторые из ее песен вошли в репертуар хора им. Пятницкого, Русского народного хора северной песни и других. Сказки принесли писательнице наибольшую известность, их неоднократно переиздавали. Лучшими из них стали «Птица-радость», «Про деда Водяного», «Три Аннушки» – переведены на германский язык, а «Заколдованная липа» – на румынский и сербохорватский языки. Александра Анисимова собирала народные сказки, песни, пословицы и поговорки увлекала этим делом десятки своих добровольных помощников. Так родились «Песни и сказки Поимского района», «Песни и сказки Пензенской области», «Народное красное слово», вошедшие бесценным вкладом в сокровищницу устного творчества народов нашей страны.

Александра Петровна вместе с другими писателями стояла у истоков областной писательской организации, она по праву считалась наставником молодых талантов, многих сподвигла на вступление в Союз, на издание своих книг, внимательно следила за ростом их творческого мастерства и радовалась вместе с учениками их успехам на литературном поприще. За такую заботу о юных дарованиях Александра Петровна получила шутливое, но весьма справедливое прозвище «Бабушка пензенских писателей».

Александра Петровна не только писала сказки, стихи, песни, но и серьезно, скрупулезно занималась фольклором, сохранением языковой памяти жителей нашего края.

Особое место в ее творческой деятельности занимают сборники: «Песни и сказки Поимского района» (выпущен в 1948 году), «Песни и сказки Пензенской области» (1953 г.). Кроме этих изданий, Анисимовой принадлежит множество публикаций и

статей, посвященных устно-поэтическому творчеству. И можно сказать, что до Александры Петровны так глубоко никто не изучал фольклор Пензенской земли, он нечасто встречался в советских и дореволюционных сборниках.

Много вложила труда Александра Петровна в личное творчество, в собирание фольклора. В своих автобиографических записях Анисимова рассказывала, что ей удалось вспомнить более 2000 припевок, услышанных когда-то от родственников, соседей, друзей. Изучить, переработать, издать - этот огромный труд оказался под силу маленькой, хрупкой на вид женщине с огромной силой духа внутри.

Анисимова А.П.
Птица Радость

Ходила девушка по лесу, собирала ягоду-малину. Не заметила, как забрела в такую чащобу, что назад пути не найдет. Она и туда, и сюда, и влево, и вправо – нет нигде ни дорожки, ни тропочки. Бродила она день, и два, и три, ягодой кормилась, под кустами ночевала. На четвертые сутки вышла девушка на зеленую светлую поляну и надивиться не может: стоит посреди поляны огромный-преогромный дуб, а на том дубу на самом верху большое искусно сделанное гнездо. А в гнезде птица невиданной красоты, разукрашенная яркими разноцветными и золотыми перьями. Взмахнула птица крылами – и всю поляну чудесным светом озарило. Запела птица веселым голосом – словно на гусях звонких заиграли. Хвостом птица повернула – и вся поляна пошла кругом, стоит девушка, где стояла, а уже на другом месте очутилась, будто плывет она в лодке мимо лесу, мимо частого, только деревья перед глазами мелькают. Так приблизилась девушка к гнезду чудесной птицы. И заговорила птица человеческим голосом:

– Кто ты такая, девушка? Откуда? Как ты меня нашла и зачем искала?

Отвечала ей девушка:

– Заплуталась я в темном лесу и зашла сюда по нечаянности, не своею волею, а случайным случаем. И что ты за птица, я не знаю, а только прошу, не губи меня.

Засмеялась чудесная птица, будто серебряные колокольчики прозвенели. Говорит она девушке:

– Я никого не гублю. Имя мое – Птица Радость, потому что я всему живому радость даю. Куда я прилечу, там и радость будет.

Вздохнула девушка и проговорила:

– Я у отца и матери в бедности живу, и, наверно, поэтому я тебя никогда не видала. Не прилетала ты к нам.

– Нет, девушка, я прилетаю и к бедным, и к богатым, только прилетаю невидимо и неслышимо, а радость даю – какую кто сам пожелает, но только одну на весь век. Кто же знает, чего твои родители пожелали. Значит, богатства они у меня не просили. Может быть, они пожелали жить в согласии и любви? Есть и у них своя радость. А уж если кто ошибется, не то запросит, то пеняй на себя – перемены не будет, я даю радость только одну на всю жизнь.

Девушка подумала: «Значит, ошиблись мои родители. Верно, что они в согласии и любви живут, а все же при бедности, и это не в радость».

А птица спрашивает:

– Какую же ты, девушка, у меня радость просить будешь? Ну-ка, подумай хорошенько. Помни – перемены не будет. Подумала девушка: «Если, как отец с матерью, семейное счастье просить, то при бедности все равно плохо жить. Запрошу богатство, а с ним и всякое счастье придет, и женихи хорошие сватать будут, можно выбрать, какой понравится. При богатстве все у меня будет». И сказала она птице:

– Прошу я тебя, Птица Радость, сделай меня богатой. Вздохнула Птица Радость и промолвила:

– Что же, пусть будет по твоему желанию. Только никому про меня ничего не рассказывай, иначе твое желание не сбудется. И вдруг у девушки все из глаз скрылось, будто погрузилась она в крепкий сон.

Скоро или не скоро очнулась девушка. Смотрит – никакой поляны нет, а сидит она на своем покосившемся крылечке, мать перед ней стоит и спрашивает:

– Что же ты, доченька, так долго по малину ходила? Или ты в лесу заблудилась?

— А я, маменька, малины много набрала, тяжело нести, вот я и запозднилась.

Мать говорит:

— А у нас, доченька, нечаянная радость — отец клад нашел. Богатые теперь будем.

И зажили они богато. Поставили дом хороший, со всякими пристроями. Отец торговое дело завел. Постоянно к ним люди приходят и приезжают и по делу и в гости. У девушки нарядов полны сундуки. Подружек много стало — то к ней гости, то она в гости, каждый день разговоры да веселье. Молодые люди ей встречаются. Многие сватались, только девушка всем женихам отказывает — не по душе они ей. Один только ей приглянулся, да он-то не на нее заглядывается, а на подружку. Очень горько было это девушке — он ей нравится, а она ему нет.

Вздыхала, вздыхала девушка, даже грудь болеть стала. И все думается ей: «Ой, ошиблась, ошиблась — не ту радость запросила. Вот у нас и богатство есть, да что из того толку? Отец угрюмый стал, все с делами да с заботами, никогда себе покоя не знает. Мать с ног сбилась, стряпаючи да гостей принимаючи. А у меня и нарядов много, и веселья всякого, и женихи сватают, да вся эта радость мне не в радость: кого выбрала, тот на меня и не взглянет. И нет моему сердцу покоя. Неужели Птица Радость не пожалует меня — не сменит мне радость?»

Отыскала девушка на чердаке свое лукошко, с которым, бывало, по малину ходила, сказала матери:

— Скучно мне, мамаша, по малину схожу, себя повеселю.

Ходила-ходила девушка по лесу дремучему, полно лукошко малины набрала, а до заветной поляны никак не дойдет: куда бы ни повернула, везде тропы да дороги, и все она к своему дому возвращается. Так ходила она семь дней и семь ночей, и только на восьмой день к вечеру вышла она на ту поляну и увидала Птицу Радость. И как только она ее увидала, закричала громким голосом:

— Прости меня, Птица Радость, ошиблась я, глупая, не ту радость я тогда у тебя просила. И вот теперь радость мне не в радость, ничего не мило.

Засмеялась Птица Радость своим серебряным смехом, взмахнула крылами, озарила поляну чудесным светом и спросила:

– Чего же ты теперь хочешь, девушка? Долго ты меня искала, так за это прощаю я тебе ошибку, переменю для тебя радость. Чего желаешь?

– Хочу быть замужем за тем, кого приглядела, да чтобы он меня любил больше всех на свете и никуда бы от меня не отлучался.

– Подумай, девушка, хорошенько, промолвила Птица Радость, – смотри, опять не ошибись. Вторая ошибка тяжелее первой.

– Ничего больше не желаю, – отвечала девушка. Птица Радость вздохнула и сказала:

– Пусть будет по-твоему. И богатство пусть при тебе останется, и замужем будешь, за кем желаешь. Увидишь, девушка, все, чего ты просишь.

И опять все у девушки из глаз скрылось, как будто она забылась крепким сном. И очутилась она у себя дома, на своей мягкой постели. Мать ее будит:

– Вставай, доченька, сваты приехали, давно у нас сидят. Мы с отцом согласны, не знаю, какое твое слово будет.

– За кого, мамаша, сватают?

Называет мать того самого, который ее дочке всех милее казался. Веселую сыграли свадьбу. Поселилась молодая в мужнином богатом доме. Всего в том доме вдоволь, делать вовсе нечего, все слуги да прислуги сделают. Муж на нее не наглядится, не насмотрится, не знает, чем молодой жене угодить, чем ее повеселить, чем порадовать.

Прошло времени не так много и не так мало, и эта радость не в радость стала. Никуда от нее муж не отлучается, глаз с нее не сводит, следит за каждым ее шагом, каждое ее слово ловит. И стал он такой подозрительный, – с кем бы жена словом не перемолвилась, он уже приревнует. Всех подружек от дому отвадил. Не велит жене в нарядные наряды наряжаться, не велит ей никуда из дому отлучаться, даже к матери не пускает. И что дальше, то хуже. Случится ему куда по делу уйти-уехать, так он жену дома на замок стал запирасть, как тюремщик какой. И опять она ничему не рада, вечером слезами обливается, поутру встает – слезами умывается. Думает: «Опять ошиблась, опять не ту радость запросила».

Невтерпеж стала молодой такая жизнь. И вот она украдкой от мужа, задами да огородами убежала к матери, отыскала свое старое лукошко и говорит:

— Пойду, мамаша, в лес по малину. Соскучилась я, дома сидючи, что-то стало мне очень тоскливо.

И отправилась молодая в лес. Птицу Радость искать. Двадцать дней ходила она по дремучему лесу, под кустами ночевала, ягодой питалась. Домой дорогу находит, а на заветную поляну никак не нападет. И только на двадцать первый день вышла она на эту светлую поляну. И как увидела она Птицу Радость, на колени упала, горькими слезами заплакала:

— Птица Радость, прости! Опять я ошиблась, глупая, опять я не ту радость запросила, и опять радость ко мне горем обернулась.

Птица Радость яркими крылами взмахнула, светом чудесным поляну озарила, запела свою радостную песню, будто на звонких гусях заиграли. Наконец спросила она девушку:

— Чего же ты, девушка, теперь хочешь?

Девушка горькими слезами заливается, едва выговорила:

— Чего хочу, сама не знаю. Только трудно мне, никакой силы моей не стало. Научила бы ты меня, Птица Радость, чего желать, чего просить, как с радостью жить.

Птица Радость долго молчала, потом сказала:

— Трудно тебе оттого, что не свою ты радость запросила. Счастье-то было подружкино, а не твое. Оттого тебе радость горем и обернулась.

— Как же теперь быть? — спрашивает девушка.

— Ладно уж, — отвечает Птица Радость, — пожалею тебя, сама тебе радость выберу. Радость эта всегда при тебе будет. А ты придешь домой, подумай-ка да припомни — не было ли у тебя радости, когда ты еще в бедности жила? А теперь иди, девушка, настанет время, я сама у тебя побываю.

Птица Радость хвостом повернула, крыльями взмахнула, и вся поляна пошла кругом, все у девушки из глаз скрылось... Скоро ли, не скоро ли, проснулась девушка в родительском доме, на своей мягкой постели.

Мать перед ней стоит и говорят ей:

– Вставай, доченька, скорее. Вставай, милая. Сваты у нас сидят, тебя дожидаемся – что ты скажешь? А мы с отцом согласны, жених хороший – и богатый, и красивый, и одетый по моде. Такой жених, что лучше и не сыскать!

А девушка говорит:

– Что ты, мамаша! Да ведь я замужем.

Мать даже руками всхлопнула:

– Опомнись, доченька! С чего тебе такое привиделось? Или ты лишнего заспалась? Да когда же ты замужем была, коли мы тебя еще не просватывали и никуда из своего дома не отдавали. Пойдем скорее в горницу, говорю – сваты сидят, твоего согласия ожидают.

А дочь спрашивает:

– За кого же, мамаша, сватают?

Называет мать того самого, который ее дочке милее всех казался. Задумалась девушка. А потом сказала:

– Нет, мамаша, не пойду я за него замуж. Лицом он хорош и пригож, а характера его я не знаю. Не за мной он гнал, не мне за ним и замужем быть. Не мое это счастье. Скажите сватам, что согласия моего нет и не будет. Жениху отказали. Стала девушка думать да приглядываться, кто как живет и кому какое счастье.

Пригляделась к женихам, которых в то время немало было, и поняла она, что сватают либо за красоту, либо за богатство. И вспомнилось ей, что нравился ей один парень, когда она еще в бедности жила, и она тому парню по душе была, заглядывался он на нее. Парень и умен, и смирен, и характером хорош, и по кузнечному делу первый мастер. Захотелось ей с этим парнем повидаться, да не приходится – в бедный-то дом он к ним хаживал, а в богатый дом незванный не заходил. И вот собралась она сама к нему в кузницу сходить, как будто по делу – сковородник заказать. Подходит она к кузнице, слышит – кузнец кует, а сам песню поет. Увидал он ее, обрадовался. Поздоровались. Он спрашивает:

– Чем могу служить?

Девушка говорит:

– У моей мамаша сковородник не годится – на большую сковородку великоват, а на маленькую маловат. Нельзя ли сделать, чтобы и на ту и на другую подходил?

– Можно! – отвечает кузнец. – Сделаем! Не привыкать сковородники ладить, мамаша останется довольна.

Девушка его спрашивает:

– Что это ты так весело поешь? Верно, счастливо живется?

– Счастливо, не счастливо, а плакать не приходится. Было мое счастье, да пролетело мимо. А ведь счастье не птица, за хвост не поймает. А ты лучше скажи мне по старой дружбе – почему ты всем женихам отказываешь?

Засмеялась девушка и говорит:

– Потому и отказываю, что за незнакомого человека выходить опасно, а по старой дружбе меня не сватали.

Вздохнул кузнец и говорит:

– Я бы посватал, да ведь ты за такого не пойдешь?

– Я-то пойду, да отец за мной приданого не даст, если я не за купца выйду.

– Это купцам страшно, – отвечает кузнец, – а вот мне на приданое – тьфу! Не в нем счастье, а была бы невеста по душе. Девушка его словам обрадовалась. Думает: «Вот оно, мое счастье, этот за богатством не гонится. И ума-разума ему не в людях занимать. И красота у него не от моды, а от природы...»

Кузнец спрашивает:

– Ты за сковородником когда придешь?

– Сам принесешь, – сказала девушка и убежала.

На другой день кузнец принарядился и пошел сковородник относить. Приходит он с черного хода в кухню, поздоровался с девушкиной мамашей и говорит:

– Вот, получите сковородник, ваша дочка заказывала. Хороши ли будет?

Мать сковородник к сковородкам примерила и очень обрадовалась. Говорит:

– Вот, миленький, спасибо! Уж так-то ты мне угодил! Сколько же тебе за него платы?

– Да ведь плату-то я хочу больно большую просить. Не знаю – согласны ли будете? Как бы вместо платы мне вот этим сковородником по шее не пришло.

Девушкина мать догадлива была. Засмеялась она и говорит:

– Ну, уж не стану такой хороший сковородник об твою шею ломать. Какую хочешь плату бери. Да у вас, верно, дело-то сла-

жено? То-то моя дочка всем женихам отказывает, отца-то печалит. Ступай-ка, милый, в горницу – видать, тебе отказу не будет.

Девушка жениху не отказала, отец согласился. Вскоре и свадьбу сыграли. Поселилась молодая в мужнином доме. Не так-то жили роскошно, да с умом с разумом голодны не бывали. И пошло в кузнецовом доме все складно да ладно, вроде и не так богато, да не в людях занято, а нажито своим трудом да своим умом. Муж женой не нахвалится — и умна, и приветлива, и на делах ловка. Люди на их счастливую жизнь радуются, на их деток завидуют.

Время идет, как вода течет, день за днем, год за годом. Уже и дети Кузнецовы большие стали, поженились, замуж повышли, своих деток народили. А девушка давным-давно бабушкой стала. Раз сидит бабушка, внучку баюкает, а сама думу думает: «Вот и век мой проходит, а Птица Радость так у меня и не побывала. Или она прилетала к нам невидимо? Или я того не достойна, чтобы она меня проведала?». Только она так подумала, озарилась изба ярким светом чудесным, появилась Птица Радость, крылами сверкнула, хвостом повернула, заговорила – словно струны на звонких гусях заиграли:

– Здравствуй, милая моя девушка! Всем ли ты довольна? Радостно ли живешь на свете?

– Живу, всем довольна. Своей радостью порадовалась, чужой радуюсь. Спасибо тебе, Птица Радость, научила ты меня не одной себе счастья желать, доброе не на стороне искать, не в людях просить, а в своем сердце носить, чтобы было чем и других радовать-повеселить.

Засмеялась Птица Радость своим радостным смехом, будто серебряные колокольчики зазвенели, взмахнула она крылами, озарила еще раз избу светом чудесным и сказала:

– Доживай свой век счастливо. Я невидимо всегда с тобою.

И стала Птица Радость невидимою. Проснулась внучка, спрашивает:

– Это ты, бабаня, с кем говорила?

– А со своей радостью, моя милая, с Птицей Радостью, про которую тебе сказку сказывала.

– А она где теперь?

— На всем свете, милая. Невидимо она прилетает к людям и дает им радость.

— А если ее на войне убьют?

— Что ты, внученька, что ты! Убить ее нельзя. Нет такой силы, чтобы Птицу Радость убила. Спи, моя милая, пусть и к тебе Птица Радость прилетит, озарит тебя своим ясным светом чудесным.

На этом сказка кончается. Продолжать ее никому не запрещается. А мне бабушка только это и сказывала, а прибавлять ничего не наказывала.

Беззубова Фекла Игнатьевна



Ф.И. Беззубова (27.09.1880-12.05.1966) — сказительница и исполнительница устной поэзии мордовского народа. Родилась в селе Новые Турдаки Саранского уезда Пензенской губернии, ныне Кочкуровского района Республики Мордовия, в бедной крестьянской семье. Ей приходилось много работать, терпеть голод, холод, нужду.

В 1918 г. вместе с мужем Фекла Игнатьевна поехала на заработки в Сибирь, но из-за болезни мужа вернулась в село Семилей Кочкуровского района. В 1930 г. во время коллективизации, как и большинство сельского населения, Фекла Игнатьевна со своей семьей вступила в колхоз.

В 1936 г. песни, сказы, плачи, прозвучавшие из уст Ф.И. Беззубовой, были записаны участниками фольклорной экспедиции Мордовского научно-исследовательского института. Так у Ф.И. Беззубовой был открыт талант сказительницы.

В 1938 г. Ф.И. Беззубова была принята в члены Союза писателей. В этом же году она переехала жить в Саранск.

В 1939 г. вышел первый сборник ее произведений «Народной морот» («Народные песни»). После этого были выпущены еще 7 сборников песен, сказов, поэм на эрзянском, мокшанском и русском языках.

Произведения Ф.И. Беззубовой стали известны за пределами республики. За большие успехи в деле развития мордовской литературы в 1939 г. сказительница награждена орденом «Трудового Красного Знамени», а в 1940 г., в связи с 60-летием со дня рождения, ей было присвоено звание Народной певицы Мордовской АССР.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. мордовская народная сказительница Ф.И. Беззубова вместе с бригадой Всесоюзного Дома народного творчества им. Н.К. Крупской (далее – ВДНТ) выезжала на фронт, выступала перед воинами действующей армии и находящимися на излечении в эвакогоспиталях. Со 2 декабря 1943 г. по 28 января 1944 г. Ф.И. Беззубова вместе с бригадой ВДНТ дала 197 выступлений, за что 1 февраля 1944 г. получила Благодарность директора ВДНТ им. Н.К. Крупской Л. Егорычева: «Все её выступления получили горячий отклик бойцов и офицеров. Её искренние сказы глубоко волновали слушателей, поднимали в них боевой энтузиазм, готовность бить врага до полного уничтожения...».

В 1947 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета МАССР Ф.И. Беззубова была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Фекла Игнатьевна всегда дружелюбно принимала гостей и знакомила их со своими вдохновенными сказами. Через эстонских журналистов передала в дар Таллиннскому музею предметы старинной мордовской одежды.

Фекла Игнатьевна – автор 80 импровизаций различных форм и жанров. Произведения Ф.И. Беззубовой печатались в республиканских газетах и журналах, выходили отдельными произведениями, переводились на русский язык. А.Я. Дорогойченко перевел с мордовского языка на русский сборник стихов «Народные сказы» (1939), «Большой праздник» (1940).

В 50-е годы сказительница издала ряд сборников: «Од пинге морот» («Песни новой эпохи», 1950), «Морот ды сказт» («Песни исказы», 1952). В 1955 г. вышли «Песни и сказы» в переводе с эрзянского языка на русский со вступительной статьей И.Д. Воронина «Народная песенница». Последний прижизненный сборник «Сказт ды морот» («Сказы и песни») издан в 1958 г.

Гладков Федор Васильевич



Ф.В. Гладков (21.06.1883 – 20.12.1958) – родился в селе Чернавка Саратовской губернии (ныне Малосердобинского района Пензенской области) в крестьянской старообрядческой семье, в которой знали и ценили русские народные предания, былины, песни и сказки.

С детства Федор Гладков отличался любознательностью, хорошо учился в сельской школе, однако, обвиненный в «богохульстве», бежал в Екатеринодар, где был «мальчиком» в лавке, учеником в аптеке, наборщиком в типографии.

В 1900 окончил Екатеринодарское городское училище со званием учителя начальной школы, работал в Забайкалье, куда были сосланы его родители. Жизненные перипетии, влияние творчества М. Горького, знакомство с ссыльными определили позицию Гладкова: ненависть к богатым и властным, сочувствие угнетенным (рассказы 1900-1902 гг., «К свету», «Черкесенок», «После работы», «У ворот тюрьмы»). В 1905 переехал в Тифлис, где в 1906 окончил экстерном Учительский институт. Сблизившись с социал-демократами, по заданию РСДРП ездил в Ейск. За организацию забастовки портовых рабочих преследовался полицией, скрывался в Забайкалье. После публикации рассказа Черносотенец (1906) был приговорен к четырем годам ссылки в Верхоянском уезде.

С 1910 поселился в Новороссийске. В 1914-1917 учительствовал в прогимназии станицы Павловской на Кубани, участвовал в установлении советской власти на юге России. Во время белогвардейской оккупации – в большевистском подполье; добровольцем сражался в рядах Красной Армии. Заведовал отделом народного образования в Новороссийске, в 1920 назначен редактором местной газеты «Красное Черноморье». В 1921 переведен на работу в Москву, с начала 1920-х годов – один из лидеров группы пролетарских писателей «Кузница», с 1932 – член редколлегии журнала «Новый мир». В годы Великой Отечественной

войны Гладков – корреспондент газет «Правда» и «Известия» на Урале.

Ранние произведения Гладкова (в т.ч. повесть «Удар», высоко оцененная А.И. Куприным), рассказывающие о жизни рабочих, крестьянской бедноты, каторжников и босяков, нередко отличались натурализмом «физиологических очерков» – в традициях русской народнической литературы, – и некоторой апологией «босячества» – в духе раннего Горького. Стремлением показать изнутри нравственные искания интеллигенции после поражения Первой русской революции 1905-1907 на материале жизни политических ссыльных отмечена повесть «Изгой» (1913, опубликован в 1922; др. назв. «В изгнании»). Пафосом Гражданской войны одушевлены сочинения Гладкова конца 1910-х – начала 1920-х годов (рассказы «Единородный сын», опубликованный в 1917 М. Горьким в «Летописи»; «Огненный конь», 1923, пьесы «Бурелом», поставленная в 1920 Вс. Мейерхольдом; «Ватага», 1923), также тяготеющие к грубому жизнеподобию, «рубленому» языку и «коллективному герою» образца «стихийного» письма А.Г. Малышкина.

У истоков жанра советской «производственной» литературы, активно поощряемой официозом и социалистической эстетикой, стоит роман Гладкова «Цемент» (1925, новая ред. 1930, окончат. ред. 1944), в котором подробно анализируемая «технологическая» проблематика восстановления цементного завода сочетается с метафорическим планом – показом сложного пути формирования, «цементирования» новой социальной и семейно-бытовой психологии и поведенческих принципов. Роман вошел в хрестоматийный ряд произведений советской прозы, был переведен на многие языки мира и вызвал серию подражаний. Литературные принципы, обозначенные в «Цементе», сам Гладков отстаивал в рассказе «Кровью сердца» (1928), а развивал, переходя от наставления «правдой жизни» к гротеску обличения, в сборнике «Маленькая трилогия». Стремление создать положительный образ социалистической действительности проявилось в рассказе «Новая земля».

Этапным в творчестве Гладкова явился второй производственный роман – «Энергия» (1932-1938), написанный на материале возведения Днепрогэса и др.строек пятилеток с той же, что

и в романе Цемент, «двухуровневой» задачей: дать документальную историю строительства и одновременно масштабную картину энтузиастического раскрепощения энергии масс. Резкая критика, в т.ч. языка первой книги романа Горьким, побудила писателя к неоднократной переработке произведения, которое автор так и не счел законченным.

В 1941 Гладков опубликовал повесть «Березовая роща», посвященную проблеме сохранения природы, с образом ее бесстрашного защитника – старого учителя, просветителя и труженика – в центре. В военные годы Гладков писал злободневные рассказы и повести о работниках уральских оборонных заводов, в т.ч. эвакуированных ленинградцах (повесть «Клятва», 1944), о борьбе с врагами (повесть «Боец Назар Суслов», 1942). В горьковских традициях и в актуальном для советской литературы 1920-х – 1940-х годов жанре автобиографии «человека из народа» Гладков создал тетralогию о собственной жизни: «Повесть о детстве» (Государственная премия, 1950), «Вольница» (Государственная премия, 1951), «Лихая година» (1954), «Мятежная юность» (не завершена).

ОФ.В. Гладков оставил литературные портреты многих общественных деятелей и писателей, в т.ч. А.С. Неверова, А.С. Серафимовича, А.Г. Малышкина, П.П. Бажова, публицистические и литературно-критические статьи (сборник «О литературе», 1955).

Гуль Роман Борисович



Р.Б. Гуль (13.08.1896-30.06.1986) – русский писатель, эмигрант, журналист, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Родился в семье нотариуса Бориса Карловича Гуля. Детство провёл в Пензе и имении отца Рамзай в Пензенской губернии. Учился в Пензенской 1-й мужской гимназии.

В 1914 году Гуль поступил на юридический факультет Московского университета. В августе 1916 года призван на военную службу. После окончания

Московской 3-й школы прапорщиков – в действующей армии.

В период «демократизации» армии был избран товарищем председателя полкового комитета (от офицеров). После Октябрьской революции добрался до Новочеркасска. Вступил в партизанский отряд полковника Симоновского, который влился в Корниловский ударный полк Добровольческой армии. Участвовал в Ледяном походе генерала Корнилова, ранен.

Осенью 1918 г. уехал в Киев. Находился в заключении в Педагогическом музее, превращённом в тюрьму. В начале 1919 вместе с другими пленными из состава Русской армии, был вывезен немецким командованием в Германию. Находился в лагере для военнопленных Дебериц, а затем в лагере для перемещенных лиц в Гельмштедт в Гарце. Работал дровосеком, обдирщиком коры.

С 1920 года Роман Гуль жил в Берлине. В 1921-1923 годах работал секретарём редакции журнала «Новая русская книга». В июле 1923 -июне 1924 года редактировал литературное приложение к газете «Накануне» (после отъезда предыдущего редактора – Алексея Толстого из эмиграции на родину).

Для московского Госиздата написал роман «Жизнь на Фукса» (1927), был также корреспондентом советских газет.

После прихода национал-социалистов к власти в Германии летом 1933 года подвергся аресту (как русский эмигрант, написавший книгу о русских террористах) был заключен в концлагерь, но в сентябре 1933 освобождён и сумел эмигрировать в Париж, где опубликовал документальное повествование о своём пребывании в концлагере «Ораниенбург: Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере» (1937).

С 1950 года жил в Нью-Йорке. Активный сотрудник нью-йоркского «Нового журнала», с 1966 года до своей кончины его главный редактор. Здесь Роман Гуль становится очень влиятельной и заметной фигурой в русском зарубежье. Он приобретает всё большую известность как редактор, литературный критик и писатель – автор мемуарной трилогии «Я унёс Россию. Апология эмиграции», созданной в поздние годы жизни.

Автор нескольких десятков книг, во многих из них имеются пензенские реалии. Пенза упоминается в мемуарах «Ледяной поход (с Корниловым)» и «Жизнь на Фукса», воспоминаниях «Я унес Россию с собой...».

Р.Б. Гуль
Конь рыжий
(отрывок)

Юность прошла в городе Пензе и в своем именье Инсарского уезда. Кончилась юность смертью отца. Отец умер молодым. Это была первая смерть, которую я увидел.

Я проснулся тогда от шагов матери, шаги были особенно-торопящиеся и уже в их необычном звуке я словно почувствовал случившееся. В поспешно раскрывшихся дверях лицо матери было бледное, полное сдерживаемого страдания.

Я помню текшую по спине холодную дрожь, когда я одевался; хотелось бежать в спальню к лежавшему в сердечном припадке отцу и в то же время хотелось одеваться как можно дольше и даже не идти туда вовсе, из-за какого-то сложного клубка чувств, в котором был и страх увидеть его умирающим.

Комната внезапно осветилась никогда ранее незамечаемым светом. Все предметы в ней – умывальник, стулья, стакан, зеркало – стали вдруг не вещами, а словно странными, впервые увиденными существами. Из спальни послышался испуганно-сдержанный шепот матери, уговаривающей отца не двигаться. Неся в тазу мокрые белые компрессы, оттуда вышла горничная Саша и вдруг, увидев меня, заплакала, заспешила, побежала по коридору.

Сердце леденело и падало, когда я и брат входили к отцу. В бурдовом халате, с распахнутым воротом рубахи отец полулежал в большом кресле, крупный, лысоватый; правильное лицо было подернуто мертвенной желтизной, лишившей его уже жизни; светлосерые глаза, словно расколотые, отсутствовали из мира; когда-то в детстве, играя на коленях отца, в этих глазах я «смотрел мальчиков».

Прощаясь, он с придыханьем произнес: «благословляю... берегите мать... будьте честны...». Мать умоляюще зашептала, чтоб он не напрягался; отец слабо улыбнулся, сказав: «ничего, Ольгунюшка...». Я не знал, что мне делать? Мне хотелось уйти из спальни и было стыдно этого чувства, потому что я отца любил.

В дверь, торопясь, вошли врачи, потирающий с холода руки, насупленный, седой и другой, быстрый, маленький, рыжий. В

столовой сустились горничная и няня, Анна Григорьевна: варили кофе, откупоривали шампанское; на столе валялись какие-то лекарства, разбитые ампулы. Но в этой общей торопливости я ощущал, что спасенья нет, что отец умирает, что рушится все, и завтрашнего дня уже не будет.

Я встал у окна глядя на двор. На дворе в овчинном полушубке и серых валеных с узорной каймой, кучер Никанор прометал дорожки от навалившего за ночь снега; мордва-дроворубы в зипунах и заячьих шапках беззвучно пилили длинной пилой; из кухни вышел повар и по его жестам я понял, что он кричит кучеру что-то смешное, вот он нагнулся, захватил снегу и припрыгивая, кидается снежками в Никанора. Я гляжу на двор, но – кучер, повар, мордва, двор, снег, – кажутся мне необычайно несуществующими.

Отцу хуже. Красивые и сейчас какие-то разверстые глаза матери напряжены отчаяньем, она посылает меня в аптеку за кислородными подушками. Я тороплюсь, я рад, что сейчас уеду из дома, где умирает отец, поеду по морозу, буду дышать ветреным воздухом. По усиливающейся тревоге в доме я понимаю, что страшная минута, о которой все боятся говорить, приходит. Вошли старые знакомые с совершенно новыми лицами, кто-то неловко взял из сухарницы печенье. По слезам вышедших друзей-докторов, по тому, как на кухне навзрыд плачет Анна Григорьевна, я чувствую, что приближение этой минуты ускоряется. И вдруг из спальни – полукрик матери и в доме все страшно остановилось. И тут же все как бы обрушилось, завертелось; внезапно все заходили, зашумели, заплакали. Во мне камень тяжести оторвался и стал куда-то бездонно падать.

Торжественную предсмертную тишину, в которой будто жило чье-то присутствие, запрещавшее и громко говорить и шумно двигаться, сменила теперь всеоскорбляющая суeta. Только оставшаяся в спальне мать не видала изменившегося дома; лицо ее было и незнакомо и странно непримиримым отчаяньем, а у лежащего отца лицо было, будто он спал.

В доме же теперь все говорили и ходили шумно. Я не понимал, по чьему распоряжению все происходит? Но начавшаяся суeta разрасталась все страшнее и кто-то, казалось, ею управляет.

Уложив трубки, шприцы, лекарства, уехали доктора. Прислуга понесла на почту телеграммы. Парадные двери раскрылись и, стелясь по ковру, поднимаясь в комнаты, в кабинет отца, к креслам, с мороза повалил круглый холод. В натопанную снегом переднюю стали вносить живые, дышащие морозом цветы. Пришли знакомые отца по судебному ведомству, незнакомые, в шубах; мелькнули быстрые черные монашки Троицкого монастыря, зашептавшиеся с Анной Григорьевной о священнике, диаконе, хоре, и наконец; шлепая и скрипя калошами, появились здоровенные, запорошенные снегом человеки из бюро похоронных процессий; это: гроб и катафалк.

А на завтра среди нежно зеленых пальм и зеленой мебели, там, где всегда блистал лаковым крылом черный рояль, теперь стоял обитый глазетом гроб. Рваными космами по дому плавал ладан, мешаясь с запахом цветов и морозом. На панихиду с улицы входили любопытные, какие-то мещаночки в косынках, крестясь, перешептывались: «Где жена-то?» – «Да, вон, у гроба». – «Молодая, поди – убивается». И толкаясь, лезли посмотреть на покойника, на гроб, на цветы, на картины, на мебель, на пальмы, на лицо матери. Но вдруг всех раздавил громоподобный бас диакона; сморкаясь, откашливаясь и на ходу пуская октаву погуще, он шел служить, возглашать. Суэта становилась нестерпима. И только когда в запах морозных цветов и в дым ладана влилось откуда-то слетевшее пенье, показалось, что в дом возвращается та прежняя тишина с страдальческим прислушиваньем к чему-то пролетевшему и задевшему наш дом темно-большим крылом.

Рыдающе-торжественное пенье разливалось сильней, им излечивалось все и таинственно связывались порванные концы бытия и смерти. Заколыхавшись, поднятый гроб, в цветах, уже движется в космах ладана, в пеньи... На улице с непокрытыми головами, с развевающимися волосами, за катафалком пошли люди, поехали рысаки, извозчики...

На кладбище ветер гудел в безобразно голых сучьях над смерзшимися зимними могилами... Последняя сотрясающая «Вечная память», гуд мерзлой земли и метнувшаяся над черной ямой, под руки подхваченная мать...

И все. И мы возвращаемся с кладбища...

А дома на матово-узорчатой, накрахмаленной скатерти уже пришепетывает, горячится, юмористически отражая весь стол, начищенный томпаковый самовар. Рядом изогнулась серебряная сухарница, с раздумяившимися калачами, масленка с желтоватым маслом и веселым мужичком на крышке, вызолоченная сахарница блещет сахаром и хрустальные вазы предлагают вишневое и яблочное варенье. Вещи все уже встали на всегдашние свои места, выполняя все свои обязанности, и предлагая начинать жизнь сизнова. Даже массивное кресло с выгнутой спинкой, в котором умер отец, отошло на обычное место и на него теперь может сесть кто хочет.

Парадные двери уже заперты. Комнаты проветрены, подметены, прибраны, паркет янтарно натерт, но именно войдя в такой дом, моя мать лишилась чувств.

Замойский Петр Иванович



П.И. Замойский (13.06.1896 – 21.07.1958) – литературный псевдоним псевдоним П.И. Зевалкина. Петр Иванович родился в селе Соболевка Чембарского уезда Пензенской губернии, ныне Каменского района. Учился будущий писатель в сельской школе, работал пастухом. Был «половым» и мыл посуду в пензенском трактире Евстифеева.

В 1918-1921 годах Петр Зевалкин жил в Чембаре, заведовал внешкольным отделом и пролеткультотм уездного исполкома.

В Москве Петр Иванович окончил рабфак. Стал одним из руководителей Всероссийского объединения Союза крестьянских писателей. В 1924 году, потрясенный смертью В.И. Ленина, со-здал рассказ «Письмо Ильичу», где говорил о чембарском пареньке Прошке, который решил поведать о своих горестях «дяденьке Ленину».

В 1929-1936 годах Замойский написал роман «Лапти», сделавший имя автора широко известным: читателей привлекли взволнованность повествования, правдиво написанные картины строительства новой жизни в пензенской деревне, драматизм и

острота конфликтов, прекрасное знание автором деревенского быта и народного языка. По словам П.И. Замойского, материалом для этого произведения «послужил большей частью быт... села Соболевки и города Чембара».

Кроме большого романа «Лапти», Замойский создал автобиографическую трилогию: «Подпасок» (1969), «Молодость» (1946), «Восход» (1957). «Местность взята наша, чембарская, – писал автор, – которую я хорошо знаю, как и город Чембар...».

Многие книги Замойского переведены на иностранные языки. Во время Великой Отечественной войны Петр Иванович жил в селе Соболевка. В областном центре и в городе Белинском есть улицы его имени. В 1966 году открыта мраморная доска в его родном селе Соболевке. К 80-летию писателя в селе установлен памятный камень, а в школе открыт музей писателя.

П.И. Замойский

Тайная магия

(отрывок из романа «Лапти»)

Не зря жаловался Абыс на Лобачева. С тех пор, как тот отделил Карпуньку, меньше стало попадать Абысу на водку, реже получала жена Минодора хлеб. Потом и совсем ничего не стал давать. Абысовы угрозы мало пугали Семена Максимыча.

– Ну что ж, – говорил он, – иди, коль язык чешется. Мне-то всё один конец, а у тебя дети.

Абыс задумывался. В самом деле, какой резон? Только сам влетишь. И за что, за какую радость? Им небось был расчет, у них своя дорога, а какая дорога у Абыса?

Иногда, отрезвев, думал, не бросить ли пить и не заняться ли отцовским ремеслом, которым и сам когда-то занимался, – валять валенки. Но стоило только вытащить из угла покрытые плесенью и ржавью инструменты, как охватывал страх. Сколько труда, терпения, сноровки и пота требовало это ремесло. Да и так сказать, если бы и взялся за это дело, никто бы не доверил ему, пьянице, шерсть.

Как-то при Скребневе еще – сам ли надумал, или кто научил – Абыс всерьез попросился в колхоз. И на что уж Скребнев человек отчаянный, но и тот, посоветовавшись с Митенькой, не при-

нял его. В пьяном виде Абыс буен и не воздержан в слове, но стоит только ему издали увидеть Алексея, то, как бы ни был пьян, моментально умолкал и, нахлобучив обтрепанную шапчонку, как можно скорее скрывался с его глаз. Алексей не мог понять, почему Абыс так его боится. Ведь он даже плохого слова ему никогда не говорил. Разве лишь изредка обзовет пьяницей или помелом, но это ему и все говорили.

Бурдин приехал из района. Там договорился с машинно-тракторной станцией о вспашке полусотни гектаров залежей, прирезанных колхозу возле Дубровок, повидал судью и уговорил его выехать в Леонидовку.

Это известие многих встревожило. Полагали, что все дело заглохло, — глядь — суд! И теперь каждый, кто чувствовал за собой хоть малейшую вину, старался узнать, что ему грозит. Но справиться было не у кого, — идти в совет — значило заранее сознаться в своей вине, — и шли к Митеньке. А тот, и без того зная наизусть оба Кодекса, вновь засел над ними и кропотливо отыскивал статьи. Для себя, к большой радости, подходящей статьи не нашел. То, что разъяснял статью Сталина и что писал колхозникам заявления, противозаконным не было. Если бы начали его обвинять в подстрекательстве к растаскиванию сбруи, уводу лошадей, то нашлись бы люди, которые заявили бы, что он, Митенька, не только этого не делал, но сам же предостерегал.

Успокоился Карягин и утешал тех, кто приходил к нему.

— Только держитесь дружнее на суде, — учил он. — Про Скребнева прямо — перегибщик! — Гнал, мол, нас в колхоз силой. А что растащили — не чужое, свое. С дракой у церкви — на баб валите, на детных больше. Тем ничего не будет. Вдобавок, не забудьте — драка обоюдная. Сотин, мол, с оглоблей, а Скребнев с револьвером. Дарью били, верно, а кто — в суতোке не разберешь. Все дело начала глупая Аниська. С нее и взыскивайте.

Лишь одному Гавриле шепнул:

— Ты, борода, суши сухарей. На время куда хошь. А статья — вот она.

Гаврила на второй день заболел животом. Призвали Авдея. Тот дал капель, но с них церковный староста совсем расстроился, слег в постель и кричал так истошно, что даже соседи слышали. Утром на третий день запрягли лошадь, высоко взбили в санях

сено, уложили Гаврилу и тихо, на виду всего общества, повезли улицей. Тихо ехали до деревни Чикли, а там Гаврила почувствовал легкость, приподнялся и сердито крикнул сыну, чтобы тот гнал лошадь вольно. Прибыли в Алызово около обеда. В больницу не завернули, а направились прямо к станции. Дождавшись поезда, Гаврила взял билет, взвалил на плечи тяжелый мешок с сухарями и умчался по направлению к Пензе.

...Показательный выездной суд происходил в клубе. Продолжался он четверо суток. Но с первого же дня многие убедились, что суд не так страшен вблизи, каким кажется в ожидании. Сначала разбиралось дело об убое скота. Виновных никого не нашли. Почти у всех были справки от ветеринарного врача Солодовникова. Петька несколько раз, горячась, кричал, что справки фальшивые, но доказать это ничем не мог. Справки официальные, за подписью и печатью.

Принялись разбирать драку возле церкви. Но, вместо того чтобы найти виновных, судья начал обвинять сельсовет в перегибах с колоколами. Из этого дела только и выделил: избивание Дарьи и покушение с оружием в руках Прокопа на Скребнева.

Самым сложным и кропотливым было дело о самовольном уводе лошадей и расхищении сбрауи. Алексей настойчиво требовал у судьи, чтобы он выяснил участие в этом деле Дмитрия Карягина. Полдня опрашивали его. Казалось, другой на его месте давно бы запутался, но Митеньку хоть неделю спрашивай, будет твердить одно и то же. Да и надежда его на свидетелей оправдалась. Кого бы ни спрашивали, все в один голос говорили, что на том собрании, где Митенька толковал статью, никакого подстрекательства к уводу лошадей не было. Наоборот, уговаривал, чтобы этого не делать. Обвинять Карягина в том, что он писал заявление о выходе, судья не стал. В этом никакой вины не нашел. Если бы Карягин не писал, то писал бы кто-нибудь другой. А в том, что он неправильно толковал статью Сталина, судья упрекнул партийцев, которым самим нужно было приняться за это дело.

Митенька хотя и вспотел изрядно, зато вышел из суда чист и сух, как гусь из воды.

Звягинцева Вера Клавдиевна



(31.10 1894-9.07.1972) — поэтесса, переводчик, заслуженный деятель культуры Армении.

В детстве Вера Звягинцева жила в с. Кунчерове Кузнецкого уезда Саратовской губернии, ныне Неверкинского района, училась в гимназиях Пензы и Кузнецка. По рождению и воспитанию она принадлежала к интеллигентскому сословию и довольно рано вошла в литературно-художественную жизнь Москвы, дружила с Максимилианом Волошиным, Мариной Цветаевой, Арсением Тарковским, Павлом Антокольским, Сергеем Дурылиным и со многими людьми театра. Известно о ее знакомстве с Пудовкиным, которое состоялось на рубеже 1910-1920-х годов, как можно думать, при совместном участии в выездных, так называемых «хлебных» спектаклях перед красноармейцами. На склоне лет Звягинцева оставила интересные воспоминания о своих именитых друзьях и знакомцах (Екатерине Рощиной-Инсаровой, Валерии Брюсове, Борисе Пастернаке и других), частично опубликованные в советской печати.

Подобно многим сверстникам, юная Вера Звягинцева искала свои пути и место в искусстве, довольно долго разделяя жизнь между драматической сценой и поэзией. В 1917 году она успешно окончила курсы сценического искусства Е.Н. Музиль и стала профессиональной актрисой, хотя уже с 1916 года выступала в провинциальных любительских антрепризах; в 1917-1922 годах работала в профессиональных столичных труппах — в театре Комедии, затем театра Мейерхольда, во Втором Советском передвижном театре, в Театре РСФСР и других, где обратила на себя внимание незаурядной игрой в пьесах классического репертуара (Шиллер, Ибсен и др.).

Однако в 1922 году Звягинцева сделала окончательный выбор в пользу стихов и навсегда ушла со сцены. В том году она выпустил в свет дебютный сборник «На мосту». Однако, после первых двух оригинальных сборников (1922, 1924) Вера Клавди-

евна на десятилетия превратилась в переводчицу, переводя украинских, армянских, грузинских, белорусских, кабардинских и других поэтов страны. Замечательным мастером была она в переложениях персидских газелл и касыд, построенных на одной рифме.

В 1964 году Вера Звягинцева вернулась в литературу. Основные произведения: «Саратовская земля», «Московский ветер», «По русским дорогам», «Зимняя звезда», «Вечерний день», «Исповедь», «Моя Армения», поэма «Радищев».

Малышкин Александр Георгиевич



А.Г. Малышкин (21.03.1892–3.08.1938) – русский советский писатель, классик социалистического реализма. Родился в с. Богородском Мокшанского уезда. Сестра писателя Анна Георгиевна Малышкина вспоминала: «нас в семье было детей семь человек, дед наш был из зажиточных мужиков, а отец перебрался в город мокшан и купил пекарню, где пек калачи и продавал их по копейке пара».

Несколько лет спустя его семья перебирается в уездный городок Мокшан, где прошли детские годы.

Сам А.Г. Малышкин в романе «Люди из захолустья» пишет о своем детстве: «Мы были бедные, мы происходили из курносого, застенчивого простонародья, и я был первый в нашем роду, которого отец дерзнул послать в гимназию, на одну скамейку с господами». Отец Егор Егорович, служивший приказчиком у местного купца В.П. Быстренина, в 1902 году определил сына в 1-ю Пензенскую мужскую гимназию. Классом выше учился будущий Маршал Советского союза Михаил Николаевич Тухачевский.

В гимназические годы Малышкин испытал необыкновенную тягу к чтению, чему «помогала Лермонтовская библиотека в Пензе». В 1910 г., окончив гимназию с серебряной медалью, он по-

ступил на филологический факультет Петербургского университета, где активно занялся литературным сочинительством.

Время от времени его вирши появлялись на страницах «Нового журнала для всех», «Современного мира», «Студенческие годы» и в газете «Правда».

В университете Малышкин знакомится с революционно настроенным студенчеством, проникается их идеологией и на этой почве пишет стихи, несколько позже – рассказы (1913-1915), в которых нашли отражение впечатления от детства, проведённого в Мокшане.

В столице в пору студенчества Александр Георгиевич женился на дочери директора Саранского уездного банка, потомственного почетного гражданина Николая Петровича Кузовкова – Надежде Николаевне.

После окончания университета Малышкин был призван в армию, досрочно произведён в прапорщики и направлен в Севастополь, в действующий Черноморский флот. С 1918 по 1920 годы участвовал в Гражданской войне на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах; принимал участие в операциях по овладению Крымом. По окончании Гражданской войны, в 1922 году переезжает в Москву, работает в газете «Красная звезда» и Военной академии. Не забывал он и Пензу, где работали его друзья по гимназии. В Пензе Александр Георгиевич публиковался в местной печати, предлагая читателям новые рассказы, фельетоны, критические размышления по поводу литературных публикаций.

Известность писателя А.Г. Малышкин получил в 1923 г. с выходом повести «Падения Даира», в которой он показал героичку борьбы Красной Армии за Перекоп. В 1920-х гг. была написана повесть «Севастополь», посвященная событиям двух революций 1917 года.

В 1934 году Малышкина избирают членом правления Союза писателей СССР, он входит в состав редколлегии журнала «Новый мир». В 1936 г. генеральным секретарем Союза писателей СССР избирается уроженец Пензы Владимир Петрович Ставский, что укрепляет литературные позиции Малышкина.

В 1937-1938 гг. он пишет первую книгу романа «Люди из захолустья», признанного критикой самым крупным творческим достижением писателя.

За недолгий творческий путь (около 25 лет) Малышкин написал скромное количество произведений. Так, в сборниках и собраниях сочинений писателя, как правило, печатались 14 рассказов, 2 повести и 1 роман. Такая «непродуктивность» объясняется тем, что над каждым произведением писатель работал очень трудно, тщательно подбирая каждое слово и нередко перечёркивая написанное.

В Пензу писатель приезжал в конце января 1938 года для сбора материалов «о новой индустриальной Пензе», собирался написать для пензенского театра пьесу, но 3 августа пришло скорбное сообщение о его смерти. В 1950 году в Пензе был издан его сборник «Рассказы, очерки, киносценарии». Книги А.Г. Малышкина переведены на иностранные языки. Его имя носят улицы в Пензе и Мокшане.

В марте 1977 г. в Мокшане был открыт музей А.Г. Малышкина, мемориальная экспозиция которого размещена в родовом доме, а литературная – в соседнем доме Новицких. На родительском доме установлена мраморная мемориальная табличка с барельефом писателя: «В этом доме провел детские и юношеские годы советский писатель Александр Георгиевич Малышкин. 1892-1938». В 1939 г. на Северной стороне Севастополя именем Малышкина была названа улица. А в 1944 года улица Малышкина появилась и в Мокшане. Во время проведенных в 1989 году реставрационных работ была восстановлена планировка дома. В экспозиции представлены личные вещи писателя, мебель, предметы быта, принадлежавшие членам семьи Малышкиных. В музее проводятся Малышкинские чтения. С 1999 г. Мокшанская средняя школа №2 носит имя писателя²¹.

²¹ Источник: Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т.2.

А.Г. Малышкин
Люди из захолустья
(отрывок)

...Зыбин, очень занятый своими делами, взял статью не глядя. Хорошо, он сейчас сам поговорит с Калабухом. Он вообще мало или как-то черство замечал Соустина. Может быть, даже считал, что для редакции больше не нужен такой.

Дело было не в Зыбине. Из-за него глядел завтрашний день, готовящийся как будто заново, безжалостно, пересмотреть людей и их дела.

Впрочем, мысли об этом жили пока туманно... Соустин опять пал грудью на свои рукописи. Он кушал уже эту пищу без аппетита, но статья о хлебозаводе его все-таки заинтересовала.

Хлеб, хлеб – вот он теперь как делается!

Огромные чаны, в которых пухнет опара, мощные лопасти месилок, а тесто режет механическая делительная машина на равные, одинакового веса и величины куски... Конвейер подает их в печь, эти пузатые, пахнущие Мшанском, юностью кругляши. Только в Мшанске калачная помещалась в полуподвале, где густая железная муха гудела и осыпала стены черной листвой и тепло взлипало от едучей огненной духоты, так что подпекарь Колька Соустин работал в одних подштанниках. И пот его капал прямо на жирные, пудовые тестяные оплывы, которые он кулачил и с крёкотом ворочал с боку на бок своими наболелыми, малосильными еще кулаками. Прилипшие к рукам ошурки соскабливались потом опять в корыто с тестом, чтобы не пропадало добро. И пылающие глянцево-желтые, розоватые караваи с писком остывали на верстаках, на полатах, на кочкастом от грязи полу. «Почему они пищат?» – спросил он как-то, еще дитенком. «Дак они с котятами», – пошутил хмуристый, деловой дед.

Неожиданный голос Зыбина сказал:

– А статейку-то, Калабух, придется все-таки напечатать.

Зыбин вошел неслышно, во время грез, казалось – проплыл сквозь стены. От человека отлагалась в памяти его высота, неторопливая, слегка пригорбленная, его волосы, вставшие на голове желтым кудлатым хохлом, такую прическу носят студенты-

физкультурники, она дрожит на бегу и раздувается на висках, как рога.

Калабух стучал пальцами по газетному листу.

— Что у нас, товарищ Зыбин, большая серьезная политическая газета или место для упражнения малограмотных? Ты даешь заметку по искусству, по одному из важнейших отделов культуры! И ты хочешь сунуть читателю позорную, смешную мазню, дребедень?

— Погоди, погоди, Калабух. В условиях пятилетки газете нужны новые кадры, с нашим, рабочим нюхом...

— Нет, ты почитай! — Калабух, выдернув у него рукопись, кинул глазом на Соустина, как бы приглашая его поторжествовать вместе. — «На картине нарисован сильный, мускулистый (ну да, обязательно мускулистый!) рабочий, который могучим ударом выбивает из болванки искры, словно волшебные бриллиантовые цветы». Дальше: «К сожалению, нарисовано все очень мрачной краской, не давая понятия поэзии пролетарского труда...»

— Ну, подправить, подсократить, заметочку сделать, подбодрить парня. Парень способный, он, понимаешь, во время борьбы с троцкизмом мобилизовал у себя на заводе стенгазету - во! Парень читает стремится...

— Так, Зыбин, не подбадривают. Ты знаешь, что такое культура? Ее кустарщиной, наскоком не возьмешь... как вообще и многое прочее...

— А что еще прочее наскоком не возьмешь? — тихонько полюбопытствовал Зыбин.

— Я говорю, Зыбин, что ты делаешь вредное дело.

— Я делаю вредное дело?

— Да, ты делаешь вредное дело. Статью я не напечатаю.

— Пойдем к редактору.

— Пойдем к редактору.

Зыбин, вспомнив, обернулся от порога:

— Кстати, товарищ Соустин, завтра пойдете на парад для отчета.

Соустин кивнул, приятно вспыхнув. Ага, значит он еще нужен! Привстал, чтобы удержать Зыбина, расспросить подробнее о задании, но того в самых дверях задержала женщина. Она ворва-

лась в шубе нараспашку, морозно-свежая, смеющаяся, неуместная - его жена Ольга Львовна.

— Тоня, — она повела смеющимися, дремотными глазами и на Калабуха и на Соустина, - мне, конечно, нужно денег!

— Ну, матушка, с домашними делами потом... иди подожди в секретариате.

Оба они с Калабухом, должно быть, ушли — Соустин, не поднимая головы, слышал, как хлопнула дверь. Но женщина — он чувствовал — осталась в комнате. Вот она тихо подошла к его столу, она наклонилась над его головой. Ее телесное тепло, смешанное с духами, с фиалкой, жалело и баюкало его.

— Здравствуйте, Коля, — сказала она.

Соустин не мог ничего выговорить, в глазах все ломалось и плыло от слез, как тогда, в Мисхоре.

— Зачем все так случилось? — спросил он.

Женщина стояла над ним, поддаваясь ему, улыбаясь закрытым ртом, прежняя, неутрачивающая Ольга, и те же под глазами припухлости, от которых глаза какие-то дремотные, воспаленно-сонные... Именно их сонность очаровывала, преследовала потом.

— Ты вправду пришла за деньгами?

— Ну, конечно, нет, — Ольга утешала, гладила его по голове.

Соустин взял ее руки и ладонью закрыл себе глаза. Вот и опять он с любимой, с любимой... Была темнота и бесконечный благодатный отдых. Она легонько отнимала руку.

— Коля, осторожнее... Когда мы увидимся?

Завтра вечеринка в редакции, послезавтра он освободится... ну, к семи. В переулке, да?

Ольга, лукавя, допрашивала его, она же знала заранее ответ:

— В каком переулке, скажи!

— В счастливом переулке.

Она вскользь оглянулась на дверь и наскоро подставила ему теплые, чуть обветренные губы. В распахнутой ее шубке все было уступчивое, изласканное... Он потом сидел несколько минут, сладко ломая себе руки.

Вошел Калабух, неся рукопись обратно; лицо его пятнисто горело.

— Сколько здесь? Строк полтора-два? Сделайте заметку строк на сорок.

– Неужели все-таки печатать? – из сочувствия подивился Соустин.

– Да, надо печатать! – резко оборвал Калабух. Соустин при- молк. Очевидно, редакционный спор перерос уже в иную сферу, где не место было беспартийным замечаниям, где стиралось бес- прекословно даже самолюбие Калабуха. С Соустиным разговари- вал член партии.

Впрочем, Калабух не мог подавить какой-то хандры, тотчас начал одеваться, набивать портфель как попало. Он сказал, что сходит пока к Китайгородской стене, на книжный развал, по- смотреть что-нибудь из книжонок, а потом зайдет часа через два - подписать полосу. Соустин вздохнул освобожденно: ему необхо- димо было хоть раз пробежать с расплывшейся головой по мо- розному ветру вокруг ГУМа.

Сорокин Борис Андреевич



Б.А. Сорокин (1893-1972) – жур- налист, поэт, мемуарист. Родился в селе Колемас Сердобского уезда Са- ратовской губернии, ныне Малосер- добинского района.

Борис Сорокин окончил в Пензе педагогические курсы. Затем слушал лекции в Университете Шанявского, его сокурсником был Есенин.

В 1927 году Сорокин входил в Пензенскую ассоциацию пролетар- ских писателей (ПАПП). В 1929 ра- ботал в пензенской газете «Трудовая правда», затем в газетах Краснодара, Ртищева. Участник Великой Отечественной войны.

Последние годы Борис Андреевич жил в Пензе, сотрудничал в местной печати. Автор сборника стихов: «Кровь мира» (Пенза, 1918), «Песенный частокол» (Саранск, 1922), книги «Краснозна- менцы Пензы» (Пенза, 1957), мемуаров, вошедших в сборник «Воспоминания о Сергее Есенине» (Москва, 1975), «Бойцы вспо-

минают...» (Саратов, 1967). Борис Сорокин – почетный гражданин г. Пензы (1965)²².

В.А. Сухов

Бывают такие встречи, которые помнишь всегда
(Борис Сорокин о студенте Сергее Есенине)

В архиве пензенского краеведа О.М. Савина сохранились два интересных материала: альбом и рукопись книги, на обложке которой написано: «Б. Сорокин. «Страницы минувшего. (Встречи с Сергеем Есениным)»».

Борис Андреевич Сорокин в 1913 году познакомился с Сергеем Есениным в университете Шанявского и написал интересные воспоминания о есенинской студенческой юности. С особой теплотой Борис Сорокин вспоминал о первой встрече с Есениным, которая произошла в сентябре 1913 года. В главке рукописи, озаглавленной «В сквере, на Миусской площади», она описана так: «Вторая половина сентября... Со дня моего поступления в университет прошло две недели, но я не устаю жадно впитывать все новые и новые впечатления. Все так ново и необычно для меня – юноши из тихой провинциальной Пензы, где только мечталось о Москве ...

– А, вот он где! – подходя, еще издали громко говорит Наседкин. С ним стройный в сером пиджачке паренек.

– Познакомься, это Сергей Есенин, наш шанявец, первокурсник. Пишет стихи, из Рязани. Я о тебе ему говорил. Понимаешь, в его фамилии что-то есть от весны, да и сам он какой-то весенний... – улыбаясь, говорит Наседкин.

Я встаю со скамьи, и мы знакомимся. Есенин без фуражки (он уже был в университете), завитки светлых волос небрежно спадают на лоб. Мягкок овал лица, нежны линии губ. С первого взгляда запоминаются глаза – они ясны и задумчивы и располагают к этому стройному и ладному пареньку, застенчивому и неторопливому в движениях.

²² Савин О. М. Сорокин Борис Андреевич / Пензенская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 571.

– Вы из Пензы? – спрашивает он, когда мы садимся на скамью. – Пожалуй, ни в одной губернии нет столько памятных мест, связанных с именами русских писателей и поэтов. Мятезный Лермонтов в детстве жил и похоронен в Тарханах, Белинский учился в Пензенской гимназии, Салтыков-Щедрин, Радищев и многие другие жили у вас... Да, пензяки, должны гордиться ими и бережно хранить память о них...»²³.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Какие характерные черты литературной жизни Пензенского края начала XX века вы бы отметили?
2. Какова основная мысль сказки А. Анисимовой «Птица Радость»?
3. Назовите авторов этих произведений: «Народной морот», «Песни и сказки Поимского народа», «Жизнь на Фукса», «Люди из захолустья», «Лапти», «Цемент».

Прочтите дополнительно:

1. Анисимова А.П. «Песни и сказки Пензенской области», «Бабушкины янтари: Сказки и рассказы».
2. Гладков Ф.В. «Повесть о детстве».
3. Звягинцева В. поэма «Радищев».

Темы докладов:

1. Роман Гуль: жизнь и творчество
2. Пензенский фольклор
3. Поэт Вера Звягинцева

²³ Сорокин Б.А. Страницы минувшего. Встречи с Сергеем Есениным. Электронный ресурс: <https://esenin.su/o-esenine/vospominaniia/sorokin-b-byvaiut-takie-vstrechi-kotorye-pomnish-vsegda>

Раздел 5.2 Великая Отечественная война 1941-1945 года и пензенская литература

В годы Великой Отечественной войны многие пензенские литераторы находились в действующей армии. С первых дней войны на фронте работал военкором Николай Михайлович Почивалин. Не обошли стороной вражеские осколки поэта и прозаика Алексея Ивановича Карасева. Война явилась тяжелым испытанием и для писателя Василия Степановича Стенькина. С фронта раненым вернулся Николай Иванович Катков. Свою первую книгу «Песни про войну» выпустила в Пензенском издательстве Александра Петровна Анисимова. Совсем юношей участвовал в войне поэт Владимир Застрожный.

Проникновенно рассказывают о войне и о Великой Победе пензенские поэты-фронтовики: Александр Сазонов, Владимир Застрожный, Николай Катков, Василий Зайцев...

Тема Великой Отечественной войны – одна из самых важных в творчестве многих пензенских поэтов разных поколений. У каждого из них свой собственный подход к ее осмыслению и раскрытию. В стихах пензенских поэтов А. И. Карасева, Н. И. Каткова и Н. М. Почивалина ярко отражена суровая «окопная правда» и сохранились конкретные детали, хорошо знакомые фронтовикам. Именно это придает им особую достоверность.

Катков Николай Иванович



Н.И. Катков (14.12.1923-13.04.2001) – поэт, прозаик, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР, участник Великой Отечественной войны.

Родился в селе Бутурлинка Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне улица г. Кузнецка). Николай Иванович Катков родился 14 декабря 1923 года в селе Бутурлинка (ныне улица г. Кузнецка) Кузнецкого уезда Саратовской губернии в семье рабочего.

Окончил школу в 1941 году и был призван в армию. В 1942 году окончил Пензенское противотанковое

артиллерийское училище, после чего его направили на фронт, где Катков воевал сначала командиром взвода, затем командиром противотанковой батареи. Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе войск Центрального, Западного, 3-го Белорусского фронтов. В 1944 году Катков был тяжело ранен. В результате чего демобилизовался и вернулся в Кузнецк, стал работать военруком в дошкольном педагогическом училище.

В 1953 году Катков выпустил свою первую книгу под названием «Моя звезда».

Н.И. Катков был редактором заводской многотиражки «Металлист» в Кузнецке, заместителем редактора областной газеты «Молодой ленинец», редактором Пензенского книжного издательства и альманаха «Земля родная», ответственным секретарем Пензенской писательской организации (1958-1984), редактором журнала «Сура».

Скончался поэт 13 апреля 2001 года. За свою жизнь был удостоен наград за военные и трудовые заслуги: орденами Отечественной войны первой степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», Ленинской юбилейной и другими медалями, получил «Знак Почета» за сатиру и юмор, звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Известен как сатирик (прозаик и баснописец). Изображал такие отрицательные явления жизни, как бюрократизм, разгильдяйство и др. За сатиру и юмор болгарский город Габрово удостоил Н.И. Каткова «Почетного знака». Повесть «Если ты не вернешься...» трижды переиздавалась в Пензе (1962, 1965 и 1983 годах).

Яркая образность отличает стихотворение Н.И. Каткова «Наступление». Поэту, как живописцу-баталисту, удалось создать зримую картину начала наступления, когда «Громовый гул качается по фронту,

Бьют артолки, в лощинах дым стеля,
Клубится черный шквал по горизонту.
Столбами к небу прыгает земля».

Запоминается смелая метафора, ставшая подлинной находкой автора:

Гвардейские рокоют минометы,
Пуская золотые веера.

Выразительны эпитеты, искусно подобранные поэтом-фронтовиком: «ветра железные», «стебли оробевших трав». Афористично звучит концовка стихотворения: «Бушуют смерчи раскаленной стали,

Глуша, сметая, наповал разя.

Мы столько смерти на врага послали,

Что в жизнь не верить нам нельзя!»

Это четверостишие выражает основную идею стихотворения с помощью характерного для поэта приема антитезы, когда такие понятия, как смерть и жизнь, осмысляются по-новому.

Карасёв Алексей Иванович



А.И. Карасёв (21.03. 1910 – 21.07.1980) – прозаик, поэт, член Союза писателей СССР. Родился в селе Корсаевка Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Белинского района Пензенской области) в крестьянской семье. В 1930 окончил Саранский педагогический техникум; работал учителем, трудился на журналистском поприще.

Писать стихи начал рано, в 10-12 лет. Первые стихи опубликовал в 1930 году в периодических изданиях Саранска, Самары, Москвы. Во время службы в Красной Армии на Дальнем Востоке печатал свои произведения в газете «Тихоокеанский комсомолец». Наряду со стихотворными произведениями публиковал и художественную прозу. Первый сборник рассказов на мокша-мордовском языке – «Чуднай сад» («Чудный сад», 1939). В 1940 году отдельной книгой выпущены поэтические произведения – «Стихи и поэмы».

Не переставал писать и в годы Великой Отечественной войны. Участник войны, дважды тяжело ранен. После войны сотрудничал в разных редакциях, преподавал в школе, работал на строительстве Саранской ТЭЦ. В Саранске на мокша-мордовском языке были опубликованы сборники его рассказов «Цераня» («Мальчик»). Удачен рассказ «Иван Казаринов» (1946). Автор умело использует художественные детали, способствующие точной передаче напряжённости обстановки.

В 1947 году была издана драматическая повесть «Минь уле-ме солдатт» («Мы были солдатами»).

Послевоенное творчество посвящено современной тематике. Земля и ее люди – так коротко можно определить тему произведений Алексея Карасева. Его герои – простые люди, труженики. Много стихов посвящено природе средней полосы России, пензенскому краю. Карасёв проявил себя не только как поэт, но и как интересный прозаик. В 1961 г. Пензенское издательство выпустило сборник рассказов и повестей «Стешина сирень».

В 1956 г. вышел сборник стихов «В краю дубрав». Автор публиковался в журнале «Мокша», альманахе «Литературная Мордовия».

С 1957 г. жил в Пензе, где издавались его новые книги. Язык его стихотворений, поэм, прозаических произведений народен в лучшем понимании этого слова. Карасеву была присуща удивительная черта: в самом, казалось бы, незначительном, будничном он умел подмечать то, что поражает своей неповторимостью и значимостью.

Почивалин Николай Михайлович



Н.М. Почивалин (7.04.1921–25.01.1988) – поэт, прозаик, очеркист, член Союза Журналистов СССР, член Союза Писателей СССР. Родился в селе Баничи Глуховского района Черниговской области (Украина) в семье лесничего.

В 1928 семья переехала в село По-спеловка Пензенской губернии – место, которое сам Николай Михайлович считал своей родиной. Учился в Кузнецкой средней школе. Первые стихи и рассказы опубликованы в кузнецкой городской газете. Закончив десятилетку, начал работать в этой же газете литературным сотрудником. Газетную работу любил беззаветно, она стала его профессией. В годы Великой Отечественной войны сотрудник в армейской печа-

ти. После войны работал на строительстве московского метро, затем были годы газетной работы в Казахстане и Сибири, публиковался в областных и республиканских газетах.

С 1953 года Н.М. Почивалин начал работать как профессиональный литератор. Первые книги: «Счастье» (1951), «Простые люди» (1951), «Сибирская тетрадь» (1954).

Первая крупная повесть «Юность» (1954) – о военных журналистах, во многом автобиографична. Всего у Почивалина вышло 60 книг. Повесть «После зимы» (1958) переведена на венгерский язык, «Летят наши годы» (1963) – на болгарский.

Много произведений писатель посвятил войне. Свои воспоминания и всю боль он раскрывает в книге «А война все грохочет», в многочисленных стихах. К примеру, символический образ природной стихии становится ключевым в стихотворении «Гроза». Тема мести фашистским агрессорам раскрывается автором с помощью яркой и выразительной метафоры: «Пылая, злобствуя, сжигая, сверкала русская гроза!»

28 июня 2012 года была открыта мемориальная доска писателю Николаю Михайловичу Почивалину. Установлена она на доме, где жил и творил известный пензенский мастер пера в доме №72 по улице Володарского.

Писатели пензенской земли – сыновья и внуки фронтовиков

Война коснулась каждой семьи, но для многих она стала и горьким вдохновением. Поэты, члены Пензенского отделения Союза писателей России В. Агапов, В. Бахарев, Г. Горланов, В. Давыдов, Д. Злобина, В. Иванов, В. Кельх, М. Кириллов, Ю. Кузнецов, Н. Куленко, Ф. Ракушин, О. Савин, А. Сазонов, В. Самсонов, Ю. Самсонов, М. Смирнова, В. Сухов, Л. Терехина, Б. Шигин, Г. Штурмин, Л. Яшина посвятили многие свои стихи теме фронта, борьбы с врагом, мужеству героев.

В стихотворении Владимира Бахарева «Единение» рассказывается о том, как по завещанию маршала В.И. Чуйкова его похоронили на Мамаевом кургане. Так после своей смерти легендарный командующий 62-й армией, защищавший Сталинград,

«В курган, как в мавзолей, навеки

С погибшими бойцами лег».

Нельзя не отметить переключки этих строк с широко известным четверостишием С. Орлова из стихотворения «Его зарыли в шар земной», написанного еще в 1944 году: «Давным-давно окончен бой...

Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей».

Создавая стихи на военную тему, многие пензенские поэты избрали жанр баллады. Это не случайно, а вполне объяснимо. Ведь в основе многих стихов есть определенный сюжет, связанный с трагическими событиями, в которых раскрывается характер героя. Так, например, Геннадий Горланов назвал свое стихотворение «Баллада о памяти». Именно из нее составитель антологии О.М. Савин взял строчку для названия всего четвертого раздела.

Павших в тех сраженьях не оплакать...
Хоть давно привыкли к тишине,
Но горит
Наш вечный пламень – память,
Память о погибших на войне.

Автор «Баллады о памяти», обращаясь к новым поколениям, убедительно доказывает, что «память о героях павших» должна жить в сердцах их детей и внуков.

«Разговор с отцом» – так назвал свою поэму А.А. Сазонов, рассказав о нелегкой судьбе своего отца, участника Великой Отечественной. Память о детстве, опаленном военным лихолетьем, во многом определяет жанровое своеобразие этой лиро-эпической поэмы. Центральным становится эпизод встречи отца и сына:

«Я встречал тебя с фронта (Германии – крышка!).
Посредине России – меж двух деревень
Мы бежали друг к другу – солдат и мальчишка.
Ты меня подхватил на виду всей земли.
И смеялось, и плакалось – были причины!
А потом по селу рука об руку шли
Мы, войну пережившие, – оба мужчины».

Долгожданная встреча изображается поэтом крупным планом. Кинематографический прием придает этой сцене особую художественную выразительность. Детское восприятие выделяет самые значимые детали. Отец присылает домой посылку с фронта: «со свастикой черной фашистское знамя». Солдат-победитель, держа за руку сына, возвращается домой, а на пороге «вместо тряпки валялся паучий штандарт».

Поэт Николай Куленко принадлежит поколению «подранков». Его отец погиб на войне, а мальчишке пришлось вынести весь ужас фашистской оккупации²⁴.

Одно из самых пронзительных стихотворений – «Алешка» – Николай Куленко посвятил памяти умершего брата. В нем рассказано о голодном военном детстве, когда в холодной хате дети «дивились молча сухарю». Страдание детей отражено через емкие и выразительные детали. Описание куска засохшего хлеба помогает понять мучительное чувство голода. Такое нельзя придумать. Это нужно самому пережить.

Сухарь был чуть продолговатый,
Продольно вытянут, как брус,
Покрытый плесенною ватой
И сладкий, видимо, на вкус.

Я отдавал его Алешке,
Как бинт от раны отрывал,
Потом смотрел, как брат по крошке
Сухарь тот медленно жевал.

Поэт находит очень точное по смыслу сравнение, которое отдается болью в душах читателей. Суровая память о Великой Отечественной войне находит отражение и в стихотворении Н. Куленко «К Мамаеву кургану». Оно представляет собой своеобразный диалог лирического героя с курганом. Этот художественный прием олицетворения помогает автору создать выразительные образы – символы народной доблести:

²⁴ О его творчестве см. отдельный материал

Ты стоишь, курган, над рекой святой,
Где врагов своих сокрушил.
Ты скажи, курган, отчего седой?
- Горе родины пережил...
Над тобой, курган, днем и ночью тишь,
Только слышится плеск реки.
Ты скажи, курган, отчего молчишь?
- Спят дивизии и полки...
Твой высокий меч – мирных зорь исток,
На весь мир горит он в лучах.
Ты скажи, курган, отчего высок?
– Слава Родины на плечах...

Выразительно в художественном отношении стихотворение Бориса Шигина «Не пьяный сабантуй, не пир среди чумы», которое достоверно передает мысли и чувства солдата Великой Отечественной, идущего в смертный бой:

Дойдешь ли до села, откуда в бой ушел,
Накроет ли на стол в саду вишневом мать?
Да через пять минут что ждет тебя еще? –
Тебе не угадать, тебе не угадать!
А потому закон: пред тем, как в бой идти,
Из фляги два глотка, – отнюдь не даровых!
Чтоб месть была страшна,
Чтоб боль была сладка –
Сто граммов фронтовых,
Сто граммов фронтовых.

Проникновенно пишут о войне пензенские поэтессы Лидия Терехина и Лариса Яшина. Их стихи объединяет особый детский взгляд на эту трагедию. Предельно достоверны и многозначны детали в терехинском стихотворении «После войны», которые говорят все сами за себя:

Суходол. Суховей. Сухостой.
Рубим хворост,
Лесорубы из нас – не ахти! –

Брату нет еще и десяти,
Мне – восьмой,
А у папки – плечо
Изуродовано войной.

А с какой пронзительной болью написала о том горе, которое принесла война ее осиротевшей семье, Лариса Яшина в стихотворении «Мне лишь четыре было в сорок пятом»:

Ах, мама, мама! Ранние седины...
И, не умея слез твоих унять,
Про тонкую и горькую рябину
Пыталась я тихонько подпевать²⁵.

²⁵ Источник: методические материалы Анны Викторовны Кондрашкиной. Электронный ресурс:
<https://infourok.ru/user/kondrashkina-anna-viktorovna>

Нерис Саломея



Саломея Нерис (17.11.1904-7.07.1945) – литовская поэтесса, народная поэтесса Литовской ССР. Лауреат Сталинской премии первой степени. Настоящая фамилия – Бачинскайте, по мужу – Бучене. Родилась в деревне Киршай в Литве в семье крестьян. Девочка училась в средней школе в Альвите, затем, с 1918-го года – в гимназии в Мариямполе, а с 1919-го года – в гимназии в Вилкавишкисе.

После того, как Саломея закончила гимназию, что произошло в 1924-м году, она поступила в каунасский Литовский университет на отделение теологии и философии: изучала литовскую литературу, немецкий язык и литературу, педагогику и психологию. Саломея начала писать стихи еще подростком, и первые из них были опубликованы, когда ей было всего семнадцать лет. Скрытная и ранимая, Саломея, как и многие другие поэты, опасаящиеся критики, сперва меняла псевдонимы, и только два года спустя, когда стало известно, что ее стихи хвалят, перестала скрывать свое имя и взяла себе единственный звучный псевдоним – Нерис.

Однако, связанная с выбором псевдонима история, не так уж проста. В качестве литературного имени девушка выбрала себе название второй по величине литовской реки – Neris. В 1940-м году она получила письмо от своих же учениц из женской гимназии, в которой ее называли предателем родины. Слова «ты не смеешь больше называть себя именем святой для нас реки» заставили Саломею добавить диакритический знак над буквой «е» в написании псевдонима. С тех пор литературное имя поэтессы стало выглядеть иначе, что больше не несло в себе никакого патриотического смысла. Более того, слово изменило свое значение: «neris» в переводе с литовского – «кузнец».

В 1928-м году Саломея окончила университет, стала работать учительницей – преподавала немецкий язык. Саломея никогда не занималась одним делом, уделяла внимание сразу нескольким активностям: давала уроки, занималась редакцией изданий литов-

ских сказок, плотно общалась с третьефронтовцами – участниками литовского литературного объединения писателей левой политической ориентации. В 1928-м году Саломея Нерис начала контактировать с подпольной ячейкой Литовского комсомола.

В 1940-м году Саломея вместе с другими депутатами Народного сейма вошла в состав полномочной делегации, ходатайствующей перед ВС СССР о приеме Литвы в состав Советского Союза.

И вдруг началась война. Ценного литовского депутата-поэтессу эвакуировали. Сначала в Уфу, потом в Пензу. Судя по стихам того периода, поэтесса чувствовала себя виноватой перед покинутой родиной, однако, о Пензе она пишет исключительно в положительном ключе. Свои сочинения того времени она назвала «Незабываемые дни». В конце июля 1941-го года Саломея Нерис пишет: «Плоскобережная Сура и зеленеющие яворы (клёны) улиц Пензы, тихий уголок Лермонтова с темным бюстом поэта и пышно цветущим садиком, парк, украшенный цветами осенних клёнов и вязов, откуда взгляд поверх крыш домов рвался далеко на запад, на родину, поработленную врагом, встретили нас, литовских писателей, как остановившийся на недолгий отдых косяк журавлей».

Каждое слово о Пензе, прочитанное в мемуарном эссе Саломеи Нерис, пропитано искренней теплотой: «Все это время, больше четырех месяцев, прожитых в Пензе, для меня сегодня звучит как тихая элегия, как несложная однотонная музыка губной гармошки и как звук слаженного шага по мостовой улицы Карла Маркса в сумерках раннего осеннего утра, когда с отрядами уходящих на фронт бойцов и мое сердце вместе с ними рвалось на запад».

Во время войны поэтесса неоднократно выезжала на фронт, где выступала, читая стихи перед солдатами. Умерла Саломея Нерис 7 июля 1945-го года от рака печени в больнице в Москве. После войны в Пензе на доме по улице Карла Маркса, 7, где Саломея Нерис жила в 1941-1942-м годах, была установлена мемориальная доска.

Владимир Петрович Ставский



В.П. Ставский (Кирпичников) родился в рабочей семье в Пензе в 7 июня 1900 года. Детские и юношеские годы его прошли на улице Пески. В 1911-1916 годах Владимир Петрович учился в реальном училище, но из-за смерти матери вынужден был оставить учёбу после окончания пяти классов и пойти работать сначала на трубочный завод, затем на писчебумажную фабрику П.В. Сергеева. Условия жизни привели юношу к революционно настроенным солдатам. Он вступает в подпольный кружок.

Во время выступления чехословацких легионеров в конце мая 1918 года в Пензе Кирпичников уже командир красногвардейского отряда из Рузаевки. Во время этой операции будущий писатель получил первое ранение. Владимир Петрович начал сотрудничать с местной газетой «Молот», публикуя свои статьи и очерки под фамилией Ставский (в честь друга, убитого во время выступления чехословацких легионеров).

Большую роль в его литературном становлении сыграло знакомство с крупным советским писателем Николаем Погодиным. В ростовский период Ставский начинает сотрудничать с РАППОМ – российской ассоциацией пролетарских писателей. Это была самая влиятельная литературная организация 20-х годов, которая была противником авангардистских экспериментов в литературе начала 20-х, придумав даже особый термин – «одемянивание» (от псевдонима пролетарского поэта и публициста Демьяна Бедного).

С 1927 года Ставский – главный редактор ростовского журнала «На подъёме». Одновременно в 1928 году занимается организацией хлебозаготовок в кубанских станицах. В 1928 году читатели получили книгу Ставского «Станица», в 1930 г. – «Разбег», а в 1932 г. – «На гребне», в которых он воспевал борьбу классов во время коллективизации. Это были проходные вещи, но без создания таких произведений на злобу дня в то время писатели просто не имели возможности работать.

В конце 20-х годов Ставский уже в Москве в центральном аппарате РАППА. После смерти Максима Горького Владимир Петрович в 1936-1941 гг. состоял генеральным секретарём Союза писателей СССР (не обладая большим авторитетом, по сути, был простым администратором). Время для советской литературы было сложным – ряды литераторов стремительно уменьшались в результате репрессий.

Ставского многие обвиняют в доносе на Мандельштама, который стал причиной второго ареста поэта в 1938 году. Мандельштам в итоге получил 5 лет тюрьмы за нарушения запрета приезжать в столицу. В это период он выпускает сборник рассказов «Сильнее смерти» (1932) и пьесу «Война» (1941) посвящённые Гражданской войне. В этот же период он был главным редактором журнала «Новый мир» и «Литературной газеты».

По-настоящему известность (в качестве талантливого военного корреспондента) к Ставскому пришла в 1939 году, когда он, не раздумывая едет на Халхин-Гол.

Интересные воспоминания о Ставском в Монголии, а вернее о том, как он организовал боевое крещение еще совсем молодого Константина Симонова оставил в своих воспоминаниях журналист Л. Славин: «Пробыли они там трое суток, ночевали в окопах с бойцами, а поздно вечером, в темноте, очень глубокой в монгольских степях, вернулись в редакцию. Зашел ко мне в юрту Симонов, запыленный, с горящими глазами, с какой-то торжественно-светлой улыбкой, а за ним следовала мощная фигура Ставского. Владимир Петрович подмигнул мне и за спиной Симонова показал большой палец. Все было ясно. Окунул он парня в огненную купель. Нет, не «сдрейфил» Симонов, с честью выдержал первое испытание под огнем. И это нас обрадовало».

С началом Великой Отечественной войны Ставский вновь отправился военным корреспондентом газеты «Правда» на фронт. Работал так же, как всегда, постоянно бывая на передовой. Только за первые шесть месяцев войны «Правда» опубликовала около 50 его очерков. Именно он первый рассказал всей стране о подвиге легендарной Панфиловской дивизии во время битвы под Москвой.

В 1941 Ставский выпускает сборник очерков и рассказов «В боях за Родину», в 1942 – «На фронтах Отечественной войны»,

«Фронтовые записки», «В блиндаже». Летом 1943 года Владимир Петрович задумал написать книгу о женщинах на войне. С этой целью он прибыл в части 3-й ударной армии, встретиться и познакомиться с девушками - снайперами, побывать вместе с ними на передовой. Более 4-х месяцев, правда, с небольшими перерывами, пробыл Владимир Петрович в 3-й ударной армии. С присущей ему наблюдательностью подмечал и записывал всё, что считал важным, подбирал материал для своей будущей книги. И она обязательно была бы написана, не случись того рокового события. В тот день Владимир Петрович в паре с Клавой Ивановой, самой удачливой в истреблении гитлеровцев вышел на «охоту».

— Когда замаскировались, — рассказывала позже Иванова, — Владимир Петрович попросил у меня снайперскую винтовку. Терпеливо ждал, выслеживал противника. И как только один вражеский солдат на мгновение приподнялся над бруствером окопа, выстрелил. Оккупант был уничтожен. Уже возвращаясь, Ставский решил посмотреть на подбитый фашистский танк, неподвижной громадой застывшую на нейтральной полосе, метрах в 50 -60 от нашего переднего края. Приблизился. И тут вдруг раздалась автоматная очередь. Стрелял притаившийся за танком гитлеровец. Так оборвалась жизнь писателя, депутата Верховного Совета СССР.

7 декабря 1952 года на его могиле установлен памятник-обелиск, его именем названа улица в заречном районе города Великие Луки. Позднее улицы Ставского появились в Рузаевке и Ростове-на-Дону.

Задания для закрепления материала

1. Ответьте на вопрос, какие стихотворения о Великой Отечественной войне вам больше всего запомнились?
2. Подготовьте доклад о писателе-фронтовике (на выбор).
3. Выучите наизусть любое понравившееся стихотворение.

Раздел 5.3 Пензенские авторы послевоенного периода

Бадигин Константин Сергеевич



(29.11.1910–17.03.1984) – советский капитан дальнего плавания, исследователь Арктики, писатель, капитан легендарного «Георгия Седова» Константин Бадигин в жизни был очень скромным человеком.

Родился в Пензе в семье агронома. Закончил школу и по комсомольской путевке отправился в Ленинград, на такелажную фабрику «Красный водник». Потом опять же по комсомольской путевке отправился на другой конец страны. И в 1932 году, экстерном, всего за полтора года, окончил Владивостокское мореходное училище. Позже он закончил Московский государственный педагогический институт (географический факультет) и аспирантуру при МГУ.

Как гласят официальные исторические хроники, Константин Бадигин с 1928 года был матросом на пароходе "Индигирка", затем рулевым на пароходе «Симферополь», помощником капитана ледокола «Малыгин». С 1932 года был штурманом на этом же судне. С 1933 года он в Архангельске – матрос на лесовозе, затем третий помощник капитана на теплоходе «Юшар». В 1935-1936 годах он третий помощник капитана легендарного ледокола «Красин», в 1937-1938 годах второй штурман ледокольного парохода «Садко». Вот на нем-то и начались те события, в результате которых Сталин и наградил его звездой Героя. В ходе плавания «Садко» был затёрт в море Лаптевых льдами вместе с ледокольным пароходом «Георгий Седов» и ледоколом «Малыгин».

В марте 1938 года, когда большинство людей с затертых льдами кораблей было вывезено самолётами, он был переведён капитаном на ледокольный пароход «Георгий Седов». Подвиг Бадигина при желании можно сформулировать очень коротко: с командой из 14 человек он совершил 812-дневный дрейф во льдах Северного Ледовитого океана (с 23 октября 1937 года по 13

января 1940 года) и завершился в Гренландском море. И все эти 812 суток команда Бадигина, из которой самым образованным человеком был сам капитан, да был еще молоденький студент Гидрографического института Главсевморпути по фамилии Буйницкий, занималась серьезнейшими научными исследованиями. Хотя все остальные седовцы были обычными матросами. Координировал все эти учебные и исследовательские процессы капитан Бадигин, сумевший так сплотить экипаж, что за все 812 суток «великого дрейфа» в коллективе не возникало никаких ссор или конфликтов. Руководство поставило тогда две основные задачи перед седовцами: сохранить свой корабль для советского ледокольного флота и максимально использовать все обстоятельства дрейфа для проведения научных наблюдений. В одном из очерков указано, что 153 раза судно переживало серьезные сжатия паковыми, то есть многолетними, льдами. Некоторые сжатия были настолько опасны, что команда готовилась покинуть судно. Однажды «Седов» накренился на 30 градусов, вода хлынула внутрь судна, и только работа механиков спасла корабль от гибели.

В одной из биографий Константина Бадигина сказано: «Среди седовцев вообще не было ученых-профессионалов. Но все они кропотливо, тщательно, не щадя своих сил, больше двух лет изо дня в день вели научные наблюдения».

Легендарный дрейф «Седова» внес ценнейший вклад в науку о Севере. Когда дрейф закончился, экипаж «Георгия Седова» встречали как героев. Несколькими годами позже, когда грянула Великая Отечественная и начались поставки союзников по ленд-лизу в Мурманск и Архангельск, исследования моряков «Георгия Седова», сделанные под руководством капитана Бадигина, легли в основу прокладки курсов караванов с военными грузами.

Во время войны Бадигин отправился на действующий флот начальником штаба по перевозкам на Севере, был командиром ледокольного отряда Беломорской военной флотилии. Еще в войну, в своей каюте он начал писать сначала очерки, потом рассказы. Затем взялся и за серьезные приключенческие романы. До 1969 года Константин Бадигин – капитан дальнего плавания, руководил Калининградским отрядом по подъёму судов, затопленных во время войны. В 1960 году он создал в Калининграде отде-

ление Союза писателей РСФСР, но от поста секретаря отделения из-за природной скромности отказался. Список литературных произведений Константина Бадигина обширен, на его писательском счету более двух десятков книг, полных соленого морского ветра и героических приключений.

Юношество захватывали сюжеты произведений К.С. Бадигина «На морских дорогах. Записки капитана», «Покорители студёных морей», «Чужие паруса», «Секрет государственной важности», «Кольцо великого магистра», «Корсары Ивана Грозного» и многих других²⁶.

К.С. Бадигин
На грумант²⁷
(отрывок)

Рулевой, бородатый дед Клим Зорькин, дважды стукнул в палубу ногой. Это был сигнал. Сейчас же голова кормщика, дремавшего в своей каюте, показалась над люком.

— Смотри, Алексей, лодью обгоняем.

Небольшое, парусное суденышко, прижимаясь к самому берегу, бежало на запад.

— Шибко дружит к берегу. Чья лодья-то — не признал, Клим?

— Видать не наша; по окраске-то на кемскую похожа. Любят малевать кемские. Ишь, красного цвета сколь, да наkozье (бушприт) покороche нашего будет. Кемская и есть.

Кормщик Алексей Химков ревнивым взглядом окинул свое судно — ладный трехмачтовый корабль: все ли в порядке. Нет, как будто все как надо. Свежая краска весело блестела под утренним солнцем, паруса белые-белые, без единого пятнышка, палуба безукоризненно чиста. Да и откуда быть грязи? Ведь только по этой весне на воду спущено судно. Приятным запахом свежеструганной сосны, крепким ароматом смоленых канатов было пропитано все вокруг. Расстояние между лодьями быстро уменьшалось. Химков уже хорошо различал у борта фигуры промышленников, рулевого, привалившегося к румпелю, маленькую собачонку,

²⁶ Михайлов А. Путешественники: очень скромный герой. <https://nasledie.pravda.ru/1140390-hero>

²⁷ Грумант — (норв. Grumantbyen) — старое поморское название о. Шпицберген.

вертевшуюся у поваренного люка. Вот и поравнялись суда. Приветствовали друг друга по старинному обычаю:

- Путем-дорогой! Здравствуйте, молодцы!
- Ваше здоровье! На все четыре ветра!
- Откуда бог несет?
- С Кеми на Грумант, а вы?
- Мезенские мы, тоже на Грумант пробираемся, встретимся, может. Судно-то ваше как прозывается?
- «Святой Николай Угодник», купцов Плотниковых.
- А наше «Ростислав», купец Окладников снарядил, по первой воде идем.

Обгоняя попутное судно, «Ростислав» быстро уходил вперед, оставляя за собой две широкие пенистые полосы, узорами расходившиеся по темно-синей поверхности моря. Химков спустился в каюту.

– Ванюша, – разбудил он сына, взятого на промысел учеником, – выходи на палубу скорость корабельного хода мерить.

Каюта кормщика, окрашенная белой масляной краской, с большими светлыми окнами, была чиста и опрятна. В ней стояла койка карельской березы, небольшой столик в углу, приделанный к борту, стул. На стенах висели две затейливо выпиленные полочки – одна большая, другая поменьше. На большой полке лежал деревянный брусок с крестовиной – несложный астрономический прибор, аккуратно закрепленный, чтобы не свалился в непогоду. В специально сделанных отверстиях стояли песочные часы: большая склянка – четырехчасовая и маленькая, полуминутная, рядом в кожаных мешочках висели два поморских компаса – маточки. На маленькой полочке лежало несколько книг в гладких кожаных переплетах и толстая тетрадь в переплете из куска простой невыделанной кожи. На столешнице была укреплена походная чернильница. Тут же лежал старинный чертеж морских берегов, сделанный от руки, и рядом гусиное перо.

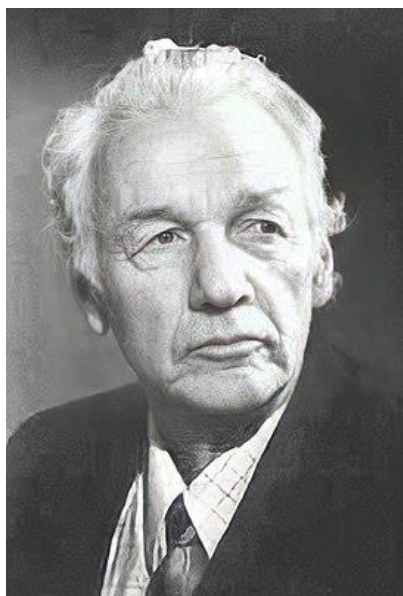
Сняв с полки песочные часы и вынув из рундучка под койкой лаг – прибор для определения скорости судна, Химков поднялся с сыном на палубу.

– Клим, ну-ка, брось в воду, а я время замечу, – сказал он, перехватив румпель из рук старика.

Клим бережно взял незамысловатый прибор, состоящий из дубовой дощечки, вырезанной сектором в четверть круга. К доске были привязаны грузило и тонкая пеньковая веревка с узлами через каждые несколько футов.

Придерживая одной рукой конец веревки, Клим размахнулся и бросил деревянный треугольник в воду. Прибор сразу стал вертикально. Когда веревка натянулась, старик подал знак Химкову и стал свободно выпускать конец, считая вслух, сколько узлов уходит из-под руки в воду. Кормщик следил за склянкой. Как только песок из одного отделения целиком пересыпался в другое, он крикнул Климу, чтоб задержал мерную веревку. Оказалось, вышло больше семи узлов.

Задорнов Николай Павлович



Н.П. Задорнов (5.12.1909-18.09.1992) – советский писатель, сценарист, журналист, Заслуженный деятель культуры, лауреат Сталинской премии. Родился в Пензе, в доме на улице Боголюбовский порядок (ныне Революционная).

Детство Николая Задорнова прошло в Чите, где он после окончания школы стал профессиональным актером. Потом работал актером и режиссером в театрах Сибири, Дальнего Востока и Уфы. Где и познакомился со своей будущей супругой Еленой Мельхиоровной, урожденной дворянкой старинной семьи. Знакомство, которое в итоге подарило нам замечательного сатирика Михаила Задорнова, могло и не быть. Ведь маленькую Елену в детстве чуть не расстреляли. Рижская газета в 1998 году написала: «В девять лет ее вели на расстрел. Вместе с мамой и отцом. Стоял шальной 1918 год. Август. Жара. Шли по высохшей траве. Она думала: «Вот трава вырастет, а меня не будет...» Вся вина девочки состояла в том, что родиться ей довелось в семье царского офицера». Расстрел тогда отменили.

Н.П. Задорнову принадлежат два цикла исторических романов об освоении в XIX веке российского Дальнего Востока, о подвиге

гах землепроходцев: «Далекий край», «Первое открытие», «Капитан Невельской», «Война за океан», романы «Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка», роман «Цунами» — об экспедиции адмирала Е.В. Путятина в Японию, роман о современности «Желтое, зеленое, голубое...», книга путевых очерков «Голубой час» и др.

Британская литературная энциклопедия о нем писала: «Без исторических романов Н. Задорнова нельзя иметь полного представления о развитии истории России и российской литературы». Американская же литературная энциклопедия о Николае Павловиче пишет, что «его роман «Амур-батюшка», ставший на его Родине классикой, переведен на многие языки. Несмотря на то, что в его произведениях нет партийной темы, писатель был удостоен высочайшей послевоенной награды СССР — Сталинской премии». А это на самом деле было беспрецедентным случаем.

Удивительна история, случившаяся с русскими моряками у берегов Японии. Дело в том, что до начала двадцатого века Япония более двухсот лет была «закрытой». Попасть иностранцу туда было невозможно. В стране тогда даже своего флота не было, чтобы не уплыл никто. Михаил Задорнов в предисловиях к романам своего отца пишет, что «рыбакам разрешалось иметь небольшие лодки и уходить от берега лишь в пределах видимости. А любого иностранца, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должны были казнить». Но так вышло, что восьмистам русским морякам после кораблекрушения японцы почти год позволили жить в прибрежных деревушках. Почему их оставили в живых — до сих пор загадка.

Рассказав эту историю в своих романах «Цунами», «Симода», «Хеда» Николай Павлович стал любимцем японцев, которые неоднократно его книги впоследствии публиковали. Писатель вспоминал о своей прогулке по Владивостоку: «...Первый английский моряк, в котором я готов был видеть героя из книг морских романистов, замахнулся на меня бутылкой, когда в кафе я обратился к нему с дружественной фразой, тронув за плечо. Это был мой первый урок практики английского языка». Позже он скажет, что «это были не литературные герои».

Роман Задорнова «Амур-батюшка» об освоении Дальнего Востока крестьянами-переселенцами, в 1952 году удостоили Сталинской премии второй степени. Сын Николая Павловича — Ми-

хаил говорил, что «Амур-батюшка» был его любимым романом и свою творческую жизнь считал удачной из-за того, что «успел» родиться «между выходом романа и присуждением Сталинской премии».

Злобина Дина Дмитриевна



Д.Д. Злобина (6.12.1936-4.5.2004) – пензенская поэтесса, Заслуженный работник культуры РФ

Родилась в с. Чернозерье (Мокшанский район) в семье сельского учителя. Окончив среднюю школу, пыталась поступить в Пензенский педагогический институт им. Белинского, но потерпела неудачу и уехала в город Калач-на-Дону, где открывалось техническое училище.

После окончания училища (специальность – токарь по металлу) девушка была направлена на завод «Баррикады» в Сталинграде. Началась трудовая жизнь, трехсменная работа за станком.

Стихи начала писать ещё в школьные годы, рождались они и в пору её рабочей юности, богатой новизной тем и впечатлений. В заводской многотиражке было напечатано немало её стихотворений, заметок и зарисовок. С упоением занималась в литературном объединении, которым руководил поэт Ф.Г. Сухов. Стихи Дины Злобиной публиковались в «Литературной газете», в «Комсомольской правде», в журналах «Юность» и «Смена».

В 1957 году, набравшись храбрости, молодая поэтесса отправила небольшую стихотворную рукопись на конкурс в Москву, в Литературный институт имени Горького, и стала его студенткой.

Уже во время учебы у неё вышла тоненькая книжика стихов «Черемуха у проходной» (Пенза, 1959 г.). А дипломной работой Дины Дмитриевны стала вторая книжка, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 году – «Вёсны». Всего же в разных издательствах у Дины Злобиной вышло тринадцать стихотворных книжек, из них одна для детей: «На тучках месяц ехал...».

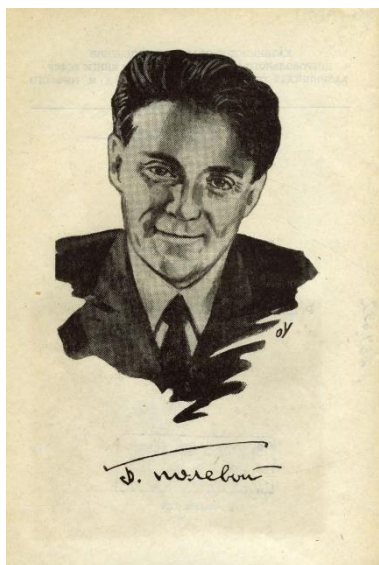
После окончания института Д.Д. Злобина много ездила по стране, в качестве корреспондента радиостанции «Юность» побывала на стройках Севера и Сибири, на Алтае, в степях Украины. Позже переехала в Пензу, в родном селе Чернозерье проводила целые месяцы.

Жизнь Дины Злобиной закончилась трагично. Она тяжело болела и была под наблюдением врачей областной психиатрической больницы. 4 мая 2004 года её обнаружили в лесном массиве «Засека» на окраине Пензы. Приступ болезни застал женщину врасплох, никого, кто мог бы помочь, не оказалось рядом. Дину Злобину похоронили на Новозападном кладбище 8 мая 2004 года.

15 марта 2005 года на родине Дины Злобиной открылся музей. Звучали на все село песни, написанные Октябрем Васильевичем Гришиным на слова Дины Злобиной.

Любите тех, кто любит вас,
Кто понимает вас и ценит,
Кто в самый страшный, трудный час
Один на свете не изменит,
Не бросит вас, что бы спастись,
Коль самому грозит опасность...
Любите тех, кто в вашу жизнь
Внесет уверенность и ясность:
Кто ищет радостей земных,
В суждениях с плеча не рубит...
Но часто любим мы иных -
Кто черств душой, кто нас не любит!

Полевой Борис Николаевич в Пензе



Б.Н. Полевой (17.03.1908-12.07.1981) – известный советский писатель, был в наших краях с 20 по 21 февраля 1959 года. Он трижды избирался депутатом Верховного Совета по Пензенской области и, выезжая на встречи с избирателями, побывал и в Никольске. Свои впечатления о городе он подробно описал в книге «Близко и далеко».

На заводе, куда он заглянул, его встретили с восторгом: все знали его как автора знаменитой книги «Повесть о настоящем человеке», которая принесла ему славу и Сталинскую премию. В местном Доме культуры провели митинг, на котором выступил знаменитый струнный оркестр русских народных инструментов из заводских рабочих. Побывал писатель и в музее стекла и хрусталя: «Когда ходишь по музею, украшенному произведениями русских славных умельцев, кажется, что ходишь по волшебному дворцу хозяйки Медной горы. Нет меры таланту советского человека. Вот о чем думаешь, осматривая все, что Вами создано» – уходя, написал он в книге отзывов музея. В своей книге писатель рассказывает и о встрече со стекольным мастером И.А. Калагиным.

Приехав в следующий раз в Никольский район, Борис Полевой побывал в р.п. Сура в Доме отдыха им. 1 Мая. Сохранилась даже фотография, на которой писатель стоит в центре в окружении сопровождавших его руководителей района. Один из них – заведующий промкомбинатом р.п. Сура А.В. Пецков, который впоследствии пригласит в Никольский район погостить известного прозаика, драматурга и сценариста Михаила Рощина. Михаил Михайлович приглашение принял и в 1965 году приехал, поселился на пасеке Гуляевских. Свое пребывание в наших краях он отразил в своих рассказах «24 дня в раю» и «С утра до ночи»²⁸.

²⁸ Хрусталева К. Вдохновляя на творчество. Электронный источник: <http://www.znamyatrud.ru/news-23-4304.html>

Самсонов Юрий Борисович



Ю.Б. Самсонов (7.05.1939-21.07.2005) – поэт, член Союза писателей России (с 17 июня 1992 года). Родился в селе Новый Кряжим (ныне Махалино) Пензенской области в крестьянской семье. Учился на филологическом факультете Пензенского педагогического института, но не окончил его. Работал сварщиком в колхозах и совхозах Пензенской области.

Юрий Борисович – единственный член союза писателей России, живший в селе и никогда его не покидавший в то время, как другие стремились ближе к цивилизации.

Литературную деятельность начал в 1957 году. Стихи его публиковались в ленинградских, московских журналах, альманахах, объединениях и отдельных сборниках. В 1979 году за цикл стихов ему вручена медаль Бердаха.

При жизни поэта вышло несколько сборников: «Поминальные колокола» (1992); «Родное» (1994); «Житье-бытье» (1995); «Пахари», «Рекламная библиотечка поэзии» (1995).

Его стихи узнаваемы. В них есть вкус, и умение, огромная любовь к родному краю и вложенная в каждое слово душа. Литературный критик Юрий Фадеев точно подметил, что «каждое стихотворение Самсонова словно излучает счастье. И каждое пронизывает чистая, как родник, песенность». Досадно, что живущие рядом не понимали его, бесспорно одаренного стихотворца. А он до последних минут жизни думал лишь о том, где найти деньги на издание книги своих стихов. Но рукописи так и остались невостребованными²⁹.

²⁹ Юрий Самсонов. Электронный источник: <https://machalino.okis.ru/poeziy.html>

Ю.Б. Самсонов

Тропы любви

Так охота любовь величать
Самым светлым из слов, те, что водятся.
О любви разве можно молчать?
Да, молчать и таиться приходится.
Пахнет горькими травами мед,
Что дано угадать только избранным.
Кто любим, озаренно несет
Бремя лет по кругам своим жизненным.

Не дай Бог быть с собой не в ладу
С тихо гаснущей искрою в темени:
Облететь у любви в поводу
Тем цветком, что остался без семени.
В эту пору во что ни рядись -
Холодком раны сердца не вылечить.
Горше нет,
Хоть кому доведись,
При любви одиночество вынынчить.

От костров ее сладко в груди,
И пусть жребий удачливым выдался:
До любви еще столько пути,
Сколько, может, пока не отмыкался.
И под шум вековых дубов,
По тропинке,
Другими затоптанной.
Вековую ищем любовь,
Будто клад,
Кем-то наспех закопанный.

И кричим от такой маеты,
И молчим. О, любовь синеокая.
И далекая -
Близкая ты.
Ты и близкая - тоже далекая!

Седов Иван Федорович



И.Ф. Седов (12.04.1910-23.12.1991) – писатель, родился г. в деревне Подсот Бековского района Пензенской области.

Семья была большая, жили бедно, часто голодали. После окончания школы поступил в Белинское педагогическое училище, которое окончил в 1927 году. В 1928 году был призван в Красную Армию, проходил службу на Кавказе. В 1932 году уже был болен туберкулёзом костей. В 1934 году Иван Фёдорович женился на Анне Есиной, которая его и вылечила. В 1936 году у Седовых родился сын Геннадий. 13 октября 1948 г. Иван Фёдорович был назначен учителем начальной школы при свеклосовхозе 1 отделения Бековского сахарного комбината, где проработал до пенсии.

В 1962 году Седовы перебираются на жительство в село Сосновку и селятся на Садовой улице. Вокруг дома они с женой разбивают сад и заводят пчёл. У Ивана Фёдоровича было много увлечений: литература, живопись, но по праву его второй профессией можно назвать писательскую деятельность. Первым изданным произведением была книга детских рассказов «Вадимовы Журавли».

В 1965 году у Ивана Фёдоровича и Анны Тимофеевны родился внук Олежка, но в 1971 г. он умер от заражения: оцарапал ногу, на что поначалу не обратили внимания. Операция не помогла, через некоторое время его не стало. «Смолк колокольчик наш звонкий, погас свет нашей радости». Седов сильно переживал, возможно, чувствуя свою вину по отношению к внуку. После смерти мальчика у Геннадия и Евгении родилась дочка Ольга. Своей внучке Иван Фёдорович посвятил повесть «Колхоз ребячий», которая вышла отдельной книгой в 1981 году. В этой повести Седов, как бывший учитель, мечтает всех сельских ребят видеть настоящими хозяевами своей земли.

В 80-е, 90-е годы местная газета «Коммунист» («Бековский вестник») активно печатает его произведения: рассказы, повести,

отрывки из романа, юморески. В 1985 редакция наградила Седова Почётной грамотой за активное сотрудничество. Седов похоронен в с. Сосновка. Жена – Анна Тимофеевна всего на два месяца пережила мужа.

Произведения И.Ф. Седова: повесть «Жаворонок» («Председателька»), рассказы «Вадимовы журавли», повесть «Колхоз «Рябый», роман «Призвание», повесть «Чужая», повесть «Куриловские мы».

Седов Игорь Павлович

И.П. Седов (22.10.1919-14.06.1990) – пензенский журналист, писатель-юморист. Первый сборник, «Дела житейские», вышел в 1957 году в Пензенском книжном издательстве. Остроумные, яркие произведения И. П. Седова известны не только пензенскому читателю – его книги печатались в Тюмени, Саратове, Москве. Опубликоваться в столичной «Библиотеке «Крокодила» в советские годы считалось престижно. В 1962 году в этой серии вышла книга сатирических и юмористических рассказов «Женский каприз». Тираж издания, распространяемого по всей стране – 150 000 экземпляров.

Журналистика и литературное творчество – важнейшие составляющие жизни сатирика. Но вместе с тем, по воспоминаниям близких, он был весьма разносторонним, любил джаз, эстрадную и классическую музыку, хорошо танцевал, занимался многими видами спорта – прыгал с парашютом, плавал в бассейне, ходил на лыжах, бегал на коньках, играл в бадминтон. На литературную стезю его благословил сам Зощенко, к которому со своими рассказами он ездил за советом.

Член двух творческих союзов – писателей и журналистов СССР, – Седов в последние годы работал в «Пензенской правде» в должности заведующего отделом писем и массовой работы. Кроме таланта публициста и писателя, Игорь Павлович обладал даром организатора - в разные годы возглавлял сектор печати обкома КПСС, Пензенское книжное издательство, был председателем Пензенской организации Союза журналистов СССР. Жил он в доме № 21а на улице Богданова. В 1957 году выпустил первую книжку юмористических рассказов «Дела житейские». Затем

вышли его книжки сатиры и юмора «Бедная галочка» (1959), «Рядом с нами» (1960), «Приглашение в гости» (1961), «Борода в капроне» (1962), «Семь пар влюбленных» (1963). Рассказы И. Седова печатались в выпущенных издательством «Советская Россия» сборниках «В одну точку», «Золотой характер», в сборнике «Смех – дело серьезное». В библиотеке «Крокодила» вышла книжка рассказов И. Седова «Женский каприз».

«Чуткость на голосовании» – сборник юмористических рассказов, составленный из ранее публиковавшихся произведений писателя³⁰.

И.П. Седов

Чуткость на голосовании

– Неладно у нас получается, – говорил товарищ Сизов другому товарищу, товарищу Вострикову. И хотя они обращались друг к другу с хорошим, емким и теплым словом товарищ, один из них говорил уверенно и повелительно, а другой слушал внимательно, охотно поддакивал и не спускал чуткого взгляда с лица собеседника.

Поэтому вряд ли нужно долго доказывать тот бесспорный факт, что товарищ Сизов был начальником и возглавлял крупное учреждение, а товарищ Востриков был подчиненным и головой отвечал за бытовой сектор в месткоме.

– По вашей линии, говорю, неладно у нас получается, – продолжал Сизов. – По линии чуткости...

– Упущения, конечно, есть, – охотно согласился Востриков. — В том числе и по линии чуткости. Учтем, товарищ Сизов, ваши замечания. Учтем в практической работе и намерстаем упущенное. Теперь будем проявлять чуткость.

– Чуткость нужна нам, как воздух, – поучал Сизов. – Мы не можем без чуткости и внимательного отношения к людям. Надо подключить к этому делу общественность. Всю. И замкнуться на рядовых тружениках. Иначе нас могут просто не понять.

³⁰ Взоров Д. Писатель-юморист // Наша Пенза, № 43, 23 октября 2019

— А кого конкретно вы имеете в виду? — спросил Востриков. — Кому, по вашим соображениям, требуется оказать чуткость в первую очередь?

— Сегодня я узнал, что экономист... э... э... как его по фамилии-то? Ага, вспомнил! Михайлов. Кажись, Михайлов. Уточните потом у секретаря. Так вот, мне доложили? что Михайлов второй месяц в больнице лежит.

— Своевременно и точно вам доложили. Мы ему уже за сорок рабочих дней бюллетень оплатили. А насчет профчуткости недоучли. Не успели определиться в этом вопросе.

— Второй месяц человек в больнице, — сокрушенно проговорил Сизов. — Лежит, бедняга, и болеет. Может, он скучает? Наверняка скучает. Собраний там с больными не проводят. Заседаниями не увлекаются. Разве что громкие читки газет да еще радио? Маловато, знаете, для больного. Оторваться может человек от коллектива.

— Сам вижу, что маловато мероприятий, — виновато проговорил Востриков. — Больной-то — наш товарищ.

— Навестите больного, товарищ Востриков, — строго сказал Сизов. — Горячий привет передайте от коллектива и от меня лично. Скажите, что у нас сейчас страдная пора — очередное сокращение штата. Надо бы ему быть налицо. Да вы садитесь, товарищ Востриков! Садитесь!

Но разговор, собственно говоря, окончился, и сесть Вострикову не пришлось. Воодушевленный заботой руководства о рядовых экономистах, он быстро вышел из кабинета управляющего и помчался по этажам разыскивать уцелевших от летних отпусков членов месткома.

Потрясенные месткомовцы долго не могли прийти в себя. Как же? Поступило указание на чуткость... От самого... Они долго обсуждали это и совсем было забыли про больного экономиста Михайлова. Но потом вспомнили и обязали товарища Вострикова «в порядке оказания профчуткости навестить находящегося на длительном больничном режиме члена профсоюза П. П. Михайлова».

Конечно, Востриков с честью выполнил возложенное на него поручение. Конечно, он передал больному сотруднику пламенный привет от коллектива, от товарища Сизова и от себя лично.

Конечно, он оставил на тумбочке пакет, от которого исходил смешанный аромат яблок и апельсинов, конечно, он напомнил больному члену профсоюза о задолженности в кассу взаимопомощи и об истечении срока подписки на журнал «Ведомости страхового дела». И, конечно же, после такого трогательного проявления чуткости Михайлов в конце концов выздоровел и здоровый пришел на работу.

Кажется, все. Кажется, можно ставить точку. Но наш любознательный читатель может спросить: «И это все? А что же потом?». Читатель обязательно спросит. Ему интересно знать, что было потом, то есть после выхода экономиста Михайлова на работу.

А потом было профсоюзное собрание. На собрании утверждали смету месткома и в том числе по оказанию безвозмездной помощи члену союза. Огласили сумму – 1 руб. 77 коп. Огласили фамилию лица, коему была оказана безвозмездная помощь в названной выше сумме, – экономист Михайлов. Мотивировали необходимость указанной помощи – подарок находившемуся на больничном режиме больному. И попросили голосовать за утверждение. Утвердить 1 руб. 77 коп. чуткости. И все проголосовали против. Не против чуткости. А против такого подхода к чуткости.

Смирнова Матрена Платоновна



М. П. Смирнова (20.11.1913 – 29.11.1981) – поэт, автор многих известных стихов о Пензе. Родилась в селе Русский Ишим Городищенского района Пензенской области. В семье Платона Васильевича Ховрина Матрена была второй из четверых детей.

Образование у Матрены было скромное: окончить ей удалось всего три класса начальной школы и 2-х месячные учительские курсы. Она стала учительницей в 17 лет и проработала в школе 3 года. Замуж вышла за директора школы А. А. Смирнова, преподавателя математики. Супруг погиб на фронте и, оставшись вдовой, она больше не вышла замуж, растила двоих сыновей одна.

Матрена Смирнова очень любила книги. Читала их в любую свободную минуту. Стихи она начала писать с юных лет. Писала пьесы, рассказы. Лучшие строки поэтесса посвятила неповторимой красоте Сурского края. Больше 30-ти стихотворений, в том числе «Край мой ласковый», «Звездочка», «Милая роща», «Пройдись по Пензенскому краю», стали песнями.

Первая книга стихов «У нас в селе» вышла в 1952 году. Стихи Матрены Смирновой сразу нашли путь к сердцам читателей, понравившись своей простотой, музыкальностью и лиричностью. Для произведений пензенской поэтессы находят место на своих страницах газеты «Правда» и «Сельская жизнь», журнал «Крестьянка», альманах «Земля родная». Отдельными изданиями выходят поэма «Орловы» (1957), книги для детей – «Стихи для маленьких», «Водовоз», «Таня-неумелочка» (1959), «Чудесная корзинка» (1962), а также поэтические сборники – «Деревенские вечера», «Калина», «Милая роща». Критика отмечала мелодичный строй ее стихов, многие хоровые коллективы исполняли песни на слова Смирновой. Наибольшую популярность приобрела песня «Милая роща», впервые исполненная Пензенским русским народным хором под руководством Октября Васильевича Гришина, а затем переведенная на многие языки мира.

Природа одарила Матрену талантами писателя, художника, она хорошо вышивала, шила, у нее был красивый, сильный голос. В 1964 г. М.П. Смирнову приняли в Союз писателей СССР. Ее приглашали и в Москву, и на Кавказ на постоянное место жительства, но она в Москву не стремилась, любила свое село, где и умерла.

Смирнова М.П.

Пройдись по Пензенскому краю,
Когда он в зелень весь одет,
Когда черёмуха купает
В Суре свой ароматный цвет.

Сады в одежде белоснежной,
В зелёном бархате земля,
Недаром Лермонтов так нежно

Любил родимые поля...

Пройдись июльской порою
Любой дорогой полевой,
Хлеба над Мокшей и Сурою
Стоят высокою стеной.

Лесов тенистая прохлада,
Ручьи, как детская слеза,
И над простором неоглядным
Родного неба бирюза.

Встречая с Волгою-рекою,
Сура твердит её волне:
Поведай, Волга, всей стране.
О наших пензенских героях,

О нашем луке и пшенице,
О волокнистой конопле.
О том, что стало всё родиться
На вольной пензенской земле.

Стенькин Василий Степанович



В.С. Стенькин (10.06.1918 – июль, 2007) родился в степном Заволжье. Там прошло детство писателя. Отец крестьянствовал, имел середняцкое хозяйство.

После окончания семилетки Василий Степанович поступил в Куйбышевский техникум народнохозяйственного учета, а по окончании его в 1938 году был командирован в Бурятскую АССР. Два года работал он в Управлении народнохозяйственного учета (ныне ЦСУ), а затем была военная служба.

В тридцать девять лет закончил заочно факультет русского языка и литературы пединститута.

Стихи начал писать в школьные годы, а летом 1947 года в Улан-Удэ стал участником первого совещания молодых литераторов республики. К совещанию был выпущен поэтический сборник Голоса молодых, в который вошли стихи Стенькина. Эту пору он и считает началом своей литературной деятельности.

В 1955 году в Бурят-Монгольском книжном издательстве вышла первая книжка В.С. Стенькина «Как вырос хлеб» – рассказ в стихах для младших школьников, а через год – сборник стихов «Первая встреча».

В июне 1958 года по службе Стенькин был переведен в Пензу. В областных газетах «Пензенская правда» и «Молодой ленинец» начали появляться многие его произведения: главы из романов и повестей, рассказы, фельетоны, литературно-критические статьи.

В 1964 году Пензенское книжное издательство выпустило коллективный сборник рассказов и стихов для детей «Зорька», в нем напечатаны три рассказа Стенькина: «Скрипка», «Яблонька» и «Слепой».

В 1968-1978 годах Пензенская студия телевидения с участием актеров областного драматического театра имени А.В. Луначарского поставила четыре спектакля по пьесам писателя «Навеки», «На перепутье», «Расплата неизбежна» и «Первые грозы».

Убедившись, что совмещать службу и творчество дальше нельзя, он в 1969 году подал рапорт, как положено у военных, и был уволен в запас. С этого времени начинается его профессиональная литературная работа.

В Приволжском и Бурятском книжных издательствах у В.С. Стенькина вышло семь книг прозы, общий объем их составил свыше ста авторских листов. Рецензии на них печатались в еженедельнике «Литературная Россия», в газетах «Советская Россия», «Пензенская правда». Повесть «Расплата неизбежна» отмечена дипломом Всесоюзного конкурса на лучшее произведение о милиции, объявленного СП СССР и МВД СССР (1982 год), а роман «Без вести» – дипломом и премией КГБ СССР (1984 год).

Повести и рассказы писателя печатались во многих газетах, в том числе в Венгрии, Хабаровском крае, Бурятской АССР, Саратовской и Пензенской областях. В Союз писателей СССР принят в 1978 году, возглавлял партийную организацию пензенских писателей.

Федотов Гавриил Николаевич



Г.Н. Федотов (23.03.1908 – 6.11.1989) – русский советский писатель-прозаик, член Союза писателей СССР.

Родился в семье рабочего-железнодорожника в г. Елец Орловской губернии (ныне – Липецкой области). Учился в школе г. Ельца, которую в XIX веке окончил Иван Бунин. Окончил Орловский индустриальный техникум.

До того, как стать писателем, Г.Н. Федотов работал на производстве: на крупных новостройках, техником-конструктором на заводе. Работа среди людей самого различного склада характера, возраста, разнообразных профессий дала ему как писателю богатый жизненный материал.

С 1939 года жил в Пензе. С 1947 года Г.Н. Федотов уже полностью посвятил себя писательскому труду. Произведения его публиковались в литературно-художественных альманахах, в журналах, в газетах «Литература и жизнь», «Литературная Россия», входили в коллективные сборники.

В 1950 году в Москве на Всесоюзном конкурсе на короткий рассказ, проводимом журналом «Крестьянка», за рассказ «Счастье матери» Г. Н. Федотову была присуждена премия.

В 1950 году была издана первая книга писателя – сборник рассказов «Счастье матери» (названная по одноименному рассказу). В 1952 году вышел сборник рассказов «Приметы времени». В 1953 году Федотова приняли в члены Союза писателей СССР.

В последующие годы в разных издательствах страны вышли его книги: «Открытые двери», «Друзья» (1956), «Одиннадцать», «Подруги», «Новый человек» (1960), «Бедовая», «Любовь последняя...» (1973), «Близко к сердцу» (1966), «Млечный путь» (1983) и другие.

Ряд книг Федотова массовым тиражом выпускались в крупнейших издательствах Москвы. А в издательстве «Советский писатель» трижды выходил однотомник повестей и рассказов «Близко к сердцу» (1966, 1969, 1978). Написал более 20 книг.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Какая основная черта произведений К. С. Бадигина?
2. Назовите авторов следующих произведений: «Амур-батюшка», «Расплата неизбежна», «Милая роща», «Женский каприз».

Прочтите дополнительно:

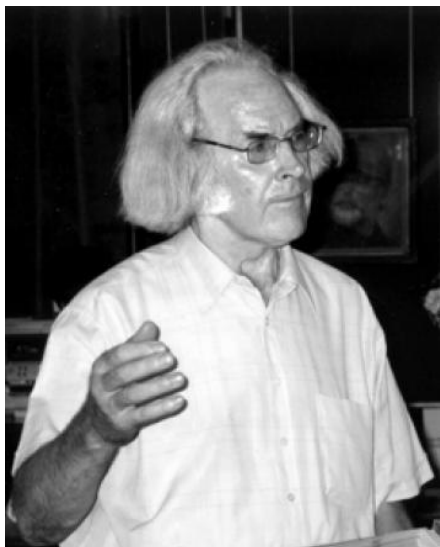
1. Аникин С. «На Чардыме»
2. Богданов А.А. «В старой Пензе»
3. Злобина Д.Д. «Воскресенье вербное»
4. Смирнова М.П. Сборник стихотворений «Милая роща»

Подготовьте доклады:

1. Природа как элемент культуры.
2. Средства массовой информации и культура.
3. А.Г. Малышкин, Ф.В. Гладков, П.И. Замойский, В.П. Ставский и Пензенский край (можно о каждом отдельно).
4. Зарождение и развитие телевидения.
5. Журналистика в Пензенском крае.
6. Музейное дело в Пензенском крае.

Раздел 5.4 Литературная жизнь Пензы 1960-1990-х годов

Агапов Виктор Данилович



В.Д. Агапов (3.04.1939-19.12.2009) – поэт, переводчик, член Союза журналистов и Союза писателей Российской Федерации. Родился в Кузнецке Пензенской области в семье лесничего. Среднюю школу закончил на станции Чаадаевка Городищенского района.

Окончил Пензенский приборостроительный техникум, работал технологом Бессоновского компрессорного завода, служил матросом Черноморского флота.

В октябре 1962 года он стал литературным сотрудником бюро пропаганды художественной литературы Пензенской писательской организации, а с 1987 года возглавил его в качестве директора.

В 1992 году Виктор Агапов был принят в члены Союза писателей Российской Федерации. Награжден Министерством культуры знаком «Отличник культурного шефства над селом» – дважды, знаком «Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР», Почетной грамотой Союза писателей РСФСР, знаком (медалью) «В ознаменование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина», памятной медалью «100 лет со дня рождения М.А. Шолохова».

Занимался переводами с украинского, мордовского, киргизского, армянского, аварского, чувашского и других языков. Участник VI Всероссийского съезда детских и юношеских писателей (Москва, 1990). Лауреат Губернаторской премии за достижения в области литературы (2001).

Виктор Данилович является автором 90 поэтических сборников, в том числе книг для детей. Его стихи переводились на украинский, бурятский, мордовский и другие языки.

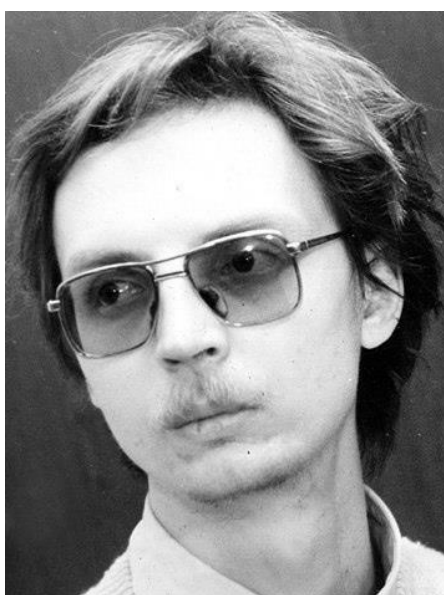
Основные публикации: «Вечные огни», «Светло от просторов», «Весенняя тропинка», «Весёлая синица», «Кто работает с

Жар-птицей?», «Любовь остаётся: стихи и поэмы», «Надежда. Стихи», «Анютины глазки», «Берёзы зовут».

Более 20 стихотворений переложено на музыку известными композиторами Пензы, Санкт-Петербурга, Москвы.

Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2010, посмертно).

Буянов Николай Анатольевич



Н.А. Буянов (2.07.1967–5.10.2016) – пензенский писатель-фантаст. Родился в Пензе.

В 1991 г. окончил Пензенский политехнический институт по специальности «радиоэлектронные средства связи», получив квалификацию инженера-электрика. С 1991 по 2015 г. работал инженером-электронщиком на кафедре ИБСТ Пензенского государственного университета, с 2004 по 2008 г. был редактором отдела прозы литературного журнала «Сура».

Николай Анатольевич Буянов – один из ведущих мастеров приключенческой прозы в современной России, автор детективов, романов в жанре фэнтези. Его романы изданы ведущими российскими издательствами «ЭКСМО», «АСТ», «Крылов»...

Литературой Буянов серьезно увлекся еще в школе. Позже, поступив в Пензенский политехнический институт, активно сотрудничал с редакцией многотиражной газеты «За инженерные кадры», неоднократно печатался в газетах «Наша Пенза» и «Молодой ленинец».

Первая серьезная публикация – детективная повесть «Впереди, на лихом коне» (1996) – была большей частью основана на реальном уголовном деле. В феврале 1997 года эта повесть вышла в свет в литературном журнале «Сура» и была удостоена премии «Хрустальный парус». Начиная с этого периода Николай Анатольевич всецело посвятил себя литературной деятельности.

В 1998 году в журналах «Сура» и «Странник» (Саранск) вышел в свет его роман «Плачущая кукушка», посвященный событиям Чеченской войны. В том же году в московском издательстве «ЭКСМО» были опубликованы романы «Медиум» (переизданный позже в Санкт-Петербурге под новым названием «Клятва на мече»), «Наблюдатель» и «Опрокинутый купол», посвященные истории древней Руси, Тибета и Японии.

В последующие годы в петербургском издательстве «Крылов» и московском издательстве «АСТ» вышли в свет романы «Бал для убийцы», «Призванный хранить» и «Гобелен императора»: в них автор представил свой взгляд на известные, но так и не разрешенные исторические загадки – к примеру, на тайну гибели Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены.

Долгие годы Николай Буянов был тяжело болен сахарным диабетом. Заболевание привело к печальным последствиям: в августе 2015 г. ему была ампутирована нога. Он вынужден был уйти на пенсию по инвалидности. Однако, несмотря ни на что, его жизненная позиция оставалась активной. В 2014 и 2015 гг. вышли в свет его новые приключенческие романы «Теплый список», «Призовой уровень» и «Умная Эльза», удостоенные в 2016 г. литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

Николай Буянов являлся членом Союза писателей России с 2001 года, лауреатом премии Коммерческого банка «Тарханы» «Хрустальный парус» за достижения в области литературы (1997), премии московского издательства «ЭКСМО» «За лучший дебют» (1999), премии Губернатора Пензенской области за достижения в литературе (2004), литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2016), был награжден Почетной грамотой Законодательного Собрания Пензенской области (2016).

Евтушенко Евгений Александрович в Пензе



Е.А. Евтушенко (18.07.1932–1.04.2017) – известный поэт, автор многих стихов, ставших песнями. Дважды приезжал в Пензу. Оба его визита были полны событиями и впечатлениями, но самому Евгению Александровичу, и тем, кому довелось с ним общаться, особенно, запомнился первый, случившийся в 1982 году.

На пензенскую землю Евгения Александровича привел случай. В начале восьмидесятых в Самаре (тогда она еще, конечно же, называлась, Куйбышевым) прошла его фотовыставка. Организаторы, говорят, с ней здорово намучались.

Выставка в Самаре прошла на «ура». И в один из последних дней работы на ней довелось побывать пензенскому фотокорреспонденту, руководителю творческой студии «Репортер» Владимиру Елшанскому. Узнав о том, кто автор выставочных работ, он загорелся идеей привезти поэта в Пензу. «Мы с Евтушенко созвонились, он пригласил меня к себе в Переделкино, – вспоминает Владимир Петрович. – Я приехал... а вот дальше начались сложности».

Поэт, как и следовало ожидать, оказался человеком невероятно занятым. Он как раз готовился к съемкам автобиографической картины «Детский сад» и выкроить в своем плотном графике окно для того, чтобы приехать в Пензу, не имел никакой возможности. «Он мне говорит: «Не могу, никак не могу!» – усмехаясь, вспоминает Елшанский. – А я ему в ответ: «Евгений Александрович, Пенза, Лермонтов – надо!».

В итоге Владимир Петрович прожил на даче у поэта два дня и уехал, получив обещание в скором времени вернуться к этой теме. Обещание Евтушенко сдержал, и в сентябре 1982 года приехал в Пензу. Потом признался – отложить на время все дела его заставило желание побывать в Тарханах, где прошли детские годы Лермонтова.

Елшанский между тем рассказал все второму секретарю обкома КПСС Георгу Мясникову. Оказалось, что он сам давно подумывал о том, чтобы пригласить Евтушенко в Пензу – да только не знал, чем его заинтересовать.

Когда поэт все-таки приехал в Пензу, ему подарили велосипед пензенского завода «ЗиФ». А экскурсовод Ирина Кузьмина – золотой, как солнце, подсолнух с собственной дачи. Поэт пообещал его хранить, но не сдержался и съел из подсолнуха все семечки еще в поездке. После выставки Евтушенко целый день провел в Тарханах. Был с ним и Елшанский с сыном Валеркой.

Уезжая, Евтушенко посвятил новому другу вот такую короткую эпиграмму:

«Я хочу быть поэтом гражданским,
Больше я не хочу ничего,
Но я счастлив быть другом с Елшанским
И хрустальным Валеркой его» (Валерка был блондином)

В Пензе Евтушенко пробыл три дня. Вместе с Мясниковым прогулялся по городу, постоял, любуясь пейзажем, на смотровой площадке близ «Первопоселенца», возложил цветы к монументу воинской славы. Провел три творческих вечера в ДК имени Кирова – все при забитых до отказа залах.

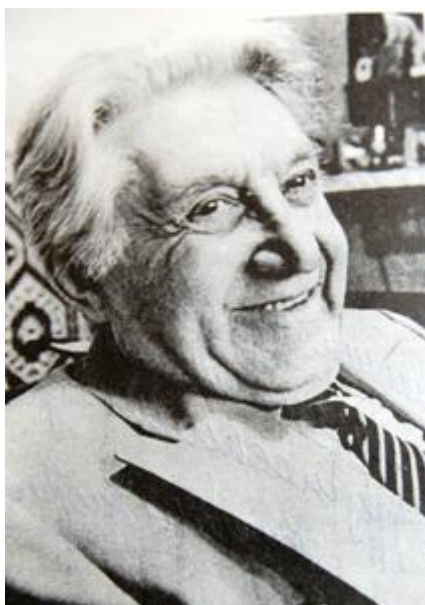
«Случился у нас во время очередной экскурсии один курьез, - продолжает Владимир Петрович. – Евтушенко зашел в магазин и прямо ахнул. «Это сколько же, говорит, у вас колбас на прилавке! Сортів сорок, не меньше». Впечатлился, одним словом. Хотя это, кстати, словно поветрие какое-то среди поэтов. Маяковский вот тоже, говорят, после поездки в Пензу написал «оперяется моя ко-операция».

Во второй раз Евтушенко посетил Пензу спустя 26 лет: Пенза стала последним пунктом в его путешествии по российским провинциям. Уезжая, поэт сочинил две простые и глубокие строчки:

В Пензе – вся история России,
Вся ее таинственная даль.
Если тебя в Пензу пригласили,
Это как почетная медаль.³¹

³¹ Последний романтик // Аргументы и факты-Пенза. Электронный ресурс:
https://penza.aif.ru/society/posledniy_romantik_chem_zapomnilas_penza_evgeniyu_evtushenko

Застрожный Владимир Кириллович



В.К. Застрожный (25.08.1924 – 6.09.1994) – поэт, почетный гражданин города Пензы, участник Великой Отечественной войны.

Владимир Застрожный в 1948 году приезжает в Пензу, где работает в различных учреждениях культуры до последних дней своей жизни. Много лет Владимир Кириллович возглавлял областной Дом народного творчества, затем областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы. С его участием создана система организации народных коллективов художественной самодеятельности.

Владимир Застрожный является автором стихотворных сборников «Восемнадцать лет» (Пенза, 1962), «Мороз и девчонки» (Воронеж, 1964), книги «Подсказано жизнью» (Саратов, 1987).

Всероссийскую известность Владимир Застрожный получил как автор стихов знаменитой песни «Восемнадцать лет», положенных на музыку композитора О.В. Гришина, и ставшей визитной карточкой Пензенского русского народного хора.

Многие годы Застрожный был ведущим режиссером областных празднеств, народных гуляний и концертов. В 1969 году В.К. Застрожный удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР, а в 1993 году – почетного гражданина города Пензы.

**В.К. Застрожный
Восемнадцать лет**

За рекой, за лесом
Солнышко садится.
Что-то мне, подружки,
Дома не сидится.

Сладкая истома,
Черемухи цвет.
Усидишь ли дома
В восемнадцать лет!

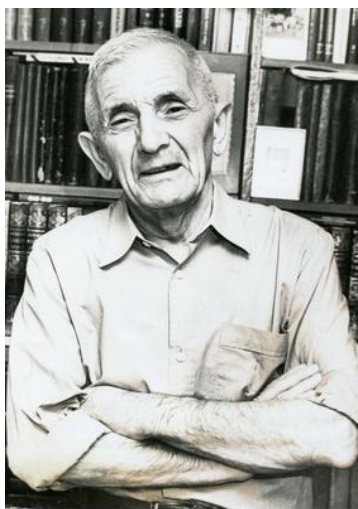
Звездочки-росинки
На лугах мерцают.
Сердце ждет чего-то,
Бьется, замирает:
Шорохи ночные,
Мягкий лунный свет.
Зори золотые.
Восемнадцать лет.

Паренек кудрявый
Прошептал три слова
И увел девчонку
От крыльца родного.
Мята луговая
Уронила цвет.
Радость молодая
В восемнадцать лет.

За рекой, за лесом
Солнышко садится.
Мне теперь, подружки,
Дома не сидится.
С ветки облетает
Черемухи цвет.
В жизни раз бывает
Восемнадцать лет.

1959

Канин (Кондрашкин) Виктор Иванович



В.И. Канин (09.04.1927-29.06.2018) — писатель, краевед. Окончил 8 классов ж.-д. школы в Пензе. В школьные годы стал юннатом, уже в 1940 опубликовал первую статью в газете «Сталинское знамя» (ныне «Пензенская правда»). Учился в Пензенском лесном техникуме, работал на железной дороге сопровождающим ценных грузов. В 1943 поступил в Пензенский строительный техникум, в 1946 году был призван на службу. В 1949 комиссован по болезни. Был необоснованно репрессирован и сослан, работал на лесоповале на Урале.

Виктор Иванович о лагере говорить не любил, на расспросы отвечал скупо. А вот о людях этих вспоминал с какой-то любовью, тоской и восхищением. Это были его «университеты».

В 1954-1987 — контролер, затем мастер ОТК 1-го Пензенского арматурного завода (позднее — НПО «Пензтяжпромарматура»).

По воспоминаниям тех, кто знал Виктора Ивановича, был он человеком аскетичным. На вид маленький и худой, но в нём какая-то сила чувствовалась. Недаром говорят, что сильный — не тот, кто может себе многое позволить, а тот, кто может от много отказаться.

Наверное, самым большим счастьем для него была возможность сидеть за своим рабочим столом — изучать, писать, читать. Потому и не тратил времени на разные шумные праздники, встречи и общения. Потому кому-то он наверняка казался нелюдимым.

Историческая повесть «На тропе Батыевой» посвящена далекой эпохе становления русского государства. Это первое художественное произведение об истории Пензы. Она была принята пензяками с огромным интересом, пришлось вскоре даже выпускать её вторым и третьим изданиями. Виктор Канин — псевдоним, которым подписывал всю свою жизнь свои повести, рассказы, статьи, заметки во многих газетах и литературных журналах В.И. Кондрашкин. Человек он был необычный. Прекрасно знал

русскую историю, русскую литературу, поэзию Серебряного века. Обладал высочайшей грамотностью, прекрасно зная русский язык. Очень любил слово, печатное слово, книгу. Занимался краеведческими изысканиями, хорошо знал и помнил Пензу послевоенную. Был увлекательнейшим рассказчиком³².

Милавин Борис Васильевич



Б.В. Милавин (28.06.1936 – 2.01.1998) родился в селе Чемодановка Пензенской области в крестьянской семье.

«Село моё – Чемодановка – знаменито тем, что здесь валяют валенки. Любовь и уважение к поэзии передала мне мать – удивительной доброты женщина. Совершенно неграмотная (знает только букву «о»), она наделена большим поэтическим воображением и красивым голосом. Часто возле нашей избы собирались парни и девчата, чтобы послушать сочинённые ею

песни и частушки...», – писал поэт.

Трудовой путь Борис Милавин начал в родном колхозе в 15 лет (1951-1955). Работал грузчиком и крановщиком башенного крана на стройках в г. Заречном, учился в Пензенском техникуме железнодорожного транспорта, с 1963 г. трудился на Пензенском приборостроительном заводе (ныне – ПО «Старт») инженером по учету спецпродукции. В 1971 году заочно окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей России с 1995 года.

Стихи Борис Милавин начал писать во время службы в военно-строительных войсках (1955-1958). Своё первое стихотворение опубликовал в 1957 году в журнале «Советский воин».

На протяжении многих лет стихи Б. Милавина печатались в разных сборниках и изданиях: в армейской прессе, в газетах «Труд», «Пензенская правда», в журнале «Волга». Увидели свет и

³² Савин О.М. Канин Виктор Иванович // Пензенская энциклопедия. М., 2001

отдельные авторские сборники «Мосты» (1972), «Предчувствие» (1978), «Все повторяется, не повторяясь» (1994), «Пора сенокоса» (1995), «Наедине с самим собою» (1998), «Возвращение» (2000), «Истины» (2002).

Основные темы творчества поэта – любовь к родной земле, взаимоотношения между людьми, состояние души человека. Его стихи идут от чистого сердца, они искренни, жизненны, правдивы, наполнены подлинным чувством, глубокими раздумьями и переживаниями. В своих работах поэт часто прибегал к белым стихам, иногда впадая в натурализм.

Борис Милавин – один из организаторов городского литературного объединения «Радуга» в Заречном, возникшего в 1964-1965 и существующего до сих пор. Идея назвать объединение «Радугой» принадлежит ему. По словам автора, «Радуга» – это своеобразный мост, соединяющий нашу повседневную жизнь с чем-то духовным, возвышенным и великим.

Посмертно вышел в свет его сборник стихов «Возвращение». В 1998 году в г. Заречном учреждён ежегодный конкурс юных поэтов и прозаиков имени Бориса Милавина.

В 2005 году на стене дома, где жил поэт, установлена мемориальная доска.

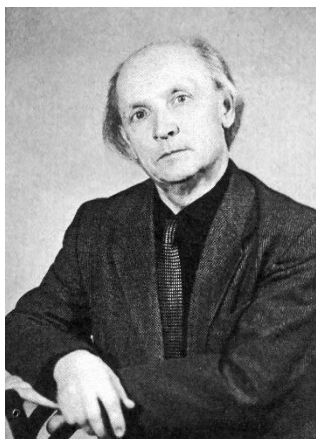
Б.В. Милавин
Возвращение

Как будто первый раз в родном краю,
И будто бы не здесь моё рожденье –
Пришельцем очарованным стою
И не могу унять сердцебиенье.

Вот здесь удил когда-то огольцов,
Здесь пас коров и собирал малину...
Благословенный край мой, край отцов,
Да разве я теперь тебя покину!?

Прости, что жил я временно вдали,
Поверь, со мною всюду находилась
Щепоть твоей блаженнейшей земли...
Прости меня! И не впадай в немилость.

Ракушин Фёдор Николаевич



Ф.Н. Ракушин (24.02.1926-19.07.2000) – поэт, член Союза писателей СССР. Родился в с. Тихменево Кузнецкого уезда Саратовской губернии, ныне Кузнецкого района Пензенской области.

В Великую Отечественную войну Федор Николаевич работал в Кузнецке на военном заводе токарем, точил мины. После её окончания поступил в Куйбышевский инженерно-мелиоративный институт. Получив профессию лесничего, работал в Костромской, Ульяновской и Пензенской областях. Ежедневное общение с природой побудило его к написанию немало-го числа стихотворений о её красотах, обитателях сельской глубинки, особенно лесов.

Нашли в его произведениях отражение и встречи с охотниками-звероловами, таёжниками-лесорубами, геологами, сплавщиками, другими людьми. Писал он и о малой родине, любви, дружбе, людской доброте, нелёгкой творческой работе писателя. Кажется, что и сам был частичкой окружающего человечество мира. Первые поэтические строки Фёдор Николаевич срифмовал, будучи пятиклассником, а публиковаться начал с 1953 года. Seriously поэзией увлекся в тайге.

В 1963 году Федор Ракушин переехал в Пензу. Первая книга стихов вышла в 1968 году. В 1974 году стал членом Союза писателей СССР. С 1978 по 1987 годы работал литературным консультантом по поэзии при его Пензенском областном отделении. Первая книга стихов поэта и прозаика вышла в 1968 году. Пристрастие этого талантливое человека к чарующим красотам природы выдают названия сборников стихов: «Корабельный бор», «Мартовские вербы», «Светлые просеки», «Зелёный шум», «Царь-ягода». За достижения в литературе он стал лауреатом премии администрации Пензенской области.

Федор Ракушин хорошо известен старшему поколению пензенских туристов. Турист-водник, он участвовал в походах вместе со Стритом Голубцовым. Сплав по Хопру, поход на Южный Урал – все это немедленно перетекало в поэтические образы и строки.

Морозным бором, просекой лесной
Бежит лыжня, теряясь на откосе,
Похрустывает снег яичной скорлупой,
И солнце, как желток, в развилках сосен.

Скорей!.. Скорей!.. Я убыстряю шаг,
И лыжи скользкие, как снегири, запели.
Лечу стрелой в Бурчихинский овраг –
И сердце замирает в жарком теле.

Переведу в груди стеснённый дух,
Взберусь по склону жуткого оврага
И буду слушать, как холодный пух
Теряет вяз – продрогший бедолага.

Сазонов Александр Александрович



А.А. Сазонов (10.04.1932–16.12.1992) – поэт, прозаик, журналист. Выдающийся выпускник Пензенского государственного университета.

В 1956 году окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В. Г. Белинского.

Преподавал русский язык и литературное чтение в школе № 12 г. Кузнецка (1952–1954). С 1956 г. – на журналистской работе в газетах «Молодой ленинец», «Пензенская правда». В 1967–1970 гг. работал ст. редактором

Пензенского отделения Приволжского книжного издательства.

В 1984–1990 гг. – ответственный секретарь, с 1990 г. – член бюро Пензенской областной писательской организации.

Первое стихотворение опубликовано в 1949 г., первый рассказ – в 1952 г. Публиковался в журналах «Наш современник»,

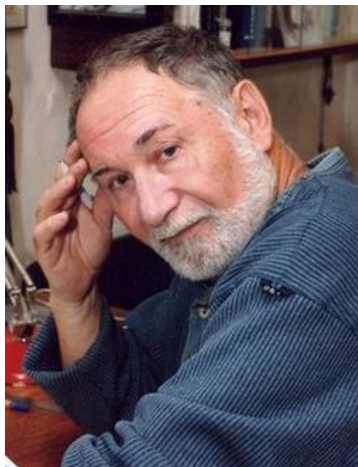
«Звезда», «Север», «Волга», «Дон», «Советский воин», в альманахе «Поэзия», во многих коллективных сборниках, газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия». Инициатор создания литературного журнала «Сура» в г. Пензе. С его стихотворения «России» начиналась поэтическая рубрика первого номера журнала за 1991 г.

Член Союза писателей СССР (1976) и Союза журналистов СССР, член ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР. В 1967–1969 гг. избирался депутатом Ленинского райсовета г. Пензы, в 1987–1990 гг. – депутатом Пензенского областного Совета народных депутатов.

28 июня 2012 г. на доме № 129 по ул. Суворова г. Пензы, где писатель прожил долгие годы, была открыта мемориальная доска.

Имеет звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1991). Автор 10 книг стихов и прозы: «Ровесники» (1963), «Водоворот» (1966), «Песни весеннего ручья» (1969), «Отцовский дом» (1973), «Перекресток» (1976), «Осенний сев» (1980), «На всех одно солнце» (1982), «Коснись ближайшей звезды» (1988), «Вечерний свет» (1990).

Сидоренко Виктор Александрович



В.А. Сидоренко (2.02.1936-2.05.2017) родился в городе Бердичев Житомирской области Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны вся его семья была вынуждена эвакуироваться в город Сердобск Пензенской области.

После завершения обучения в школе поступил учиться, а позднее закончил Пензенское художественное училище. В 1965 году был принят на обучение во Всесоюзный государственный институт кинематографии, окончив который получил специальность драматурга. С 1960 года трудился художником во многих организациях Пензы и области. С 1974 по 1977 годы работал корреспондентом в редакции «Молодой ленинец». С 1977 по 1979 годы работал в должности руководителя по оформлению музея районного посёлка Башмаково.

С 1979 по 1992 годы был преподавателем в Пензенской детской художественной школе. С 1993 по 2003 годы работал главным редактором литературного журнала «Сура».

В 1976 году на Всесоюзном конкурсе на лучшую пьесу о молодежи стал лауреатом с авторской работой: «Главный разговор - завтра». В театрах Пензы, Свердловска, Перми, Вышнего Волочка она была поставлена на сцене. В 1978 году он за пьесу «Карусель» стал лауреатом премии Гостелерадио СССР.

В 1981 году в свет выходит первая его книга, которая была опубликована отдельным изданием. Виктор Сидоренко писал пьесы для кукольного театра.

С 1985 года член Союза писателей СССР, а потом Член Союза писателей России. Член Союза художников России и член Союза журналистов России.

В 1998 году стал лауреатом Губернаторской премии. В 2004 году за книгу «Однажды жили мы» и творчество последних лет стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова. В 2010 году на международном конкурсе в Монреале он стал лауреатом международного конкурса искусств в области литературы.

По решению Пензенской городской Думы от 2016 года ему было присвоено звание «Почётный гражданин города Пензы».

Книги: «Теремок сказок», «Двенадцать дорогих подзатыльников» (1981); «Живая долина: сборник пьес» (1984); «Кресло» (1986); Сосулька – раз, сосулька – два... (1986); «Цветы для Деда Мороза» (1992); «Судный день» (1993); «Ветви столетнего дерева» (1998); «Однажды жили мы» (2004); роман «Паола» (2005).

Яшина Лариса Ивановна



Л.И. Яшина (28.02.1941-7.11.2020) – легенда пензенской поэзии, пламенный патриот Сурского края и всей России, исключительной душевной красоты женщина. Автор десятков книг, лауреат многих премий.

Сама о своем рождении она пишет так:

Легенда

Я родилась
В последний день зимы
В ночь на весну,
И, словно эстафета,
Мой первый крик
Из полуночной тьмы
Был унесен
Уже весенним ветром.

Своего отца – Яшина Ивана Ефимовича, Лариса Ивановна не помнит, последнее письмо от него пришло в августе сорок первого с белорусской станции Хальч, и только через десятилетия дочь выяснила, что он умер в концлагере 24 января 1943 года. Мама – Нина Петровна Баталина, «тянула» троих детей сначала одна, затем семью поддерживал товарищ отца Анатолий Никифорович Сальков, которого мать предложила называть папой. Вместе с отчимом – сотрудником министерства пищевой промышленности, а затем организатором восстановления народного хозяйства, семья перемещалась по разрушенному войной центру России – Подмоскovie, Калужская область, Рязанская....

Семья хозяйственного руководителя питалась как все, по карточкам. Лариса Ивановна вспоминала: «Животы набивали жмыхом. В основном кукурузным, – потому как подсолнечный был деликатесом».

Были и радостные события – путевка в Артек весной 1953 года. Тогда же, под впечатлением известия о смерти Сталина она написала стихотворение «Тяжелая утрата», которое стало первым из опубликованных.

Семья возвратилась в Пензу, где Салькова Лариса (фамилию отца она взяла при получении паспорта) училась в школе № 1 им. В.Г. Белинского и, одновременно, в музыкальной. Но «по музыке» не пошла, хотела стать актрисой. Была активной общественницей – комсорг класса, затем школы. И еще одно радостное событие – путевка на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1958 году.

В 1958 году окончила среднюю школу № 1 им. В.Г. Белинского с золотой медалью. В 1963 году окончила Пензенский политехнический институт, получив специальность «инженер-механик». Институт выбрала не по призванию, а потому что в «политехе» был хороший драматический коллектив. Получив мужскую профессию инженера по технологии металлов, Лариса Ивановна «честно отработала» сначала на заводе, затем ассистентом на кафедре более двух десятков лет (до сентября 1984 года).

Работая в политехническом институте, Лариса Ивановна Яшина руководила студенческой литературной группой «Варяги», была редактором вузовской газеты «За инженерные кадры».

В 1981 году с отличием окончила факультет журналистики вечернего отделения университета марксизма-ленинизма (г. Пенза). В 1977 году окончила заочную аспирантуру ППИ. С 1986 по 1998 год работала в Пензенской областной филармонии мастером художественного слова. Лариса Ивановна вспоминала, что была не просто «объявлялкой», а связывающим звеном, вплетая в классические, эстрадные, инструментальные и даже детские концерты свои стихи. Получив разрешение на отдельные концерты и квалификацию «мастер художественного слова» объехала с агитбригадами всю область. Выступала в самых различных аудиториях: в колхозных клубах и школах, на полевых станах и прямо в поле в страду. Поработав на одном концерте с парапсихологом,

Лариса Ивановна попробовала применять некоторые приемы, и получилось: снимать боль, вводить в транс, устранять заикание.

Печаталась в центральных и областных газетах и журналах, альманахах и коллективных поэтических сборниках. На стихи Яшиной написано много песен. Лариса Ивановна — автор многих поэтических книг («Откровение» (1983), «Пока не занавесят зеркала» (1992), «Перед простором чистого листа» (1995), «Напоминает осени пора...» (1998), «Свет от Света» (1999, 2001) и др.).

В ее судьбе были и трагедии: гибель сына, расставания с мужем и последовавшее вдовство, тяжелая болезнь, приведшая к ампутации. Но она сохраняла оптимизм до последнего ³³.

Л.И. Яшина **Моя провинция**

Не всем стать гордою столицею
Судьба красивая дана,
Чем провинилась ты, провинция,
Душой прозрачная, до дна.
Не центр Вселенной,
Но – губернии,
Не так велик наш городок,
Но зря ли бунтарей и гениев
Сюда всю жизнь ссылает Бог?
Ах, Пенза, Пенза!
Твое имечко
Старались все перевести,
А оказалось, что не иначе –
Конец ручья,
Конец пути...
Но ведь тобою же венчаются
Столетий долгие года,
С тебя, мой город, начинаются
И слава наша, и беда.

³³ Терентьев В. Давайте занавесим зеркала... Памяти пензенской поэтессы Ларисы Яшиной // Газета «Труд» Малосердобинского района, 18.11.2020 г; <https://rospisatel.ru/jashina-stihi.htm>

Не центр Вселенной,
Но – губернии,
Душой велик,
Умом глубок,
Не зря же бунтарей и гениев
Сюда все посылает Бог!

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Какие характерные черты в лирике Л. Яшиной, В.Агапова, Ф. Ракушина, А. Сазонова, В. Застрожного?
2. Выучите стихотворение о Пензе (на выбор)
3. В каком жанре литературы писал Н. Буянов?
4. Как вы считаете, почему авторы этого периода нередко совмещали писательскую деятельность с журналистской работой?

Прочтите дополнительно:

1. Агапов В.Д. Сборник стихотворений «Светло от простора»
2. Канин В.И. «На тропе Батыевой»
3. Куленко Н.А. «Рукопожатие огня: стихи и поэма»
4. Ракушин Ф. «Царь-ягода», «Зеленый шум»
5. Рощин М. «24 дня в Раю»
6. Сазонов А.А. «Перекресток: Стихи»
7. Яшина Л. «Время любви: Стихи»

Подготовьте доклады:

1. Художественная самодеятельность в Пензенском крае (хор профсоюзов О.В. Гришина, оркестр русских народных инструментов «Пенза», ансамбли «Голоса России», «Реченька», «Миряне», «Вензеля», «Зоренька» и др.).
2. Составление карты Пензенской области с указанием на ней памятных мест и «культурных гнезд».
3. Очерк о пензенском журналисте (по усмотрению студента).

Раздел 5.5 Литературные исследования

Андреев-Кривич Сергей Алексеевич



С.А. Андреев-Кривич (12.09.1906 - 22.07.1973) – литературовед, критик. Родился Сергей Андреев-Кривич в Пятигорске. В 1930 году он окончил филологическое и редакционно-издательское отделения 1-го МГУ. Первые работы литературоведа начали появляться в печати в 1931 году, а спустя семь лет у Андреева-Кривича вышла книга «Н.А. Некрасов. Биография» для детей старшего возраста.

В 1940 году Сергей Андреев-Кривич получил степень кандидата филологических наук, когда защитил диссертацию по теме «Лермонтов и Кавказ». Своей научной работой литературовед доказал, что в лермонтовской поэме «Измаил-бей» нет элементов подражания. Андреев-Кривич сопоставил исторические события, архивные документы и кабардинский фольклор, а затем доказал, что Измаил-бей имел реальный прототип – кабардинского князя Измаила-бей Атажукина.

Начиная с 1946 года литературовед занимался подготовкой 30-томного собрания сочинений Александра Герцена, писал литературоведческие статьи и рецензии, переводил с французского языка произведения Бальзака. Издавались и повести Андреева-Кривича о юных годах Михаила Ломоносова – «Крестьянский сын Михайло Ломоносов», «Может собственных Платонов...».

Но главным делом жизни Сергея Андреева-Кривича оставалось исследование творческой биографии Михаила Лермонтова. Ученый создал тематические работы «Лермонтов. Вопросы творчества и биографии», собрал для книги «Тарханская пора» сведения о родных местах поэта, народные песни и рассказы о жизни Лермонтова. Итоговой же книгой о Михаиле Лермонтове стало многоплановое историко-литературное исследование «Всеведение поэта», а также опубликованная после смерти автора книга «Лермонтов и Кабардино-Балкария». В Главархиве сохранились монографии ученого «Лермонтов и Кавказ. Материалы и иссле-

дования», «Борис Пастернак», «Поэма Лермонтова об Измаил-бее», «Тарханская пора», а также повесть «Крестьянский сын Михайло Ломоносов», хрестоматия и книги для детей по русской литературе.

Наибольшую популярность приобрели его книги «Тарханская пора» (1963), в которой он опубликовал записанные им в Тарханах уцелевшие народные песни и рассказы о жизни Лермонтова, и «Всеведение поэта» (1977) – своеобразный итог изысканий ученого.

Андреев-Кривич приезжал в село Лермонтово в 1960-1962 годах на несколько месяцев. В 1964 году он принимал участие во Всесоюзной межвузовской научной конференции в Пензе, посвященной 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова.

Андроников Ираклий Луарсабович



И.Л. Андроников (28.09. 1908 – 11.06. 1990) – литературовед, лермонтовед, писатель, мастер устного художественного рассказа. Он много лет выступал на сцене, создал цикл собственных телепередач и фильмов. Помимо эстрады, Ираклий Андроников изучал биографию и творчество Михаила Лермонтова, Автор Лермонтовской энциклопедии.

Ираклий Андроников родился в Санкт-Петербурге, в семье адвоката. Его родители несколько раз переезжали — сначала в Тулу, затем в Москву, потом в Тбилиси. В Грузии Андроников изучал классическую литературу и национальную культуру. В гостях у его родителей часто бывали писатели и художники, режиссеры и музыканты, ученые и юристы из Тбилиси, Москвы, Ленинграда и других городов СССР. Писатель вспоминал: «В этой среде моя природная склонность к литературе, искусству, к наукам гуманитарным получала подтверждение и крепла».

В 1925 году Ираклий Андроников поступил на историко-филологический факультет Ленинградского университета и од-

новременно на словесное отделение Института истории искусств. Он изучал историю языка и литературы у всесоюзно известных академиков-лингвистов. В 1930 году Андроников получил диплом «литработника с журнально-газетным уклоном». После учебы он работал в детских журналах «Ёж» и «Чиж», в Публичной библиотеке и в редакции «Литературное наследство».

Ираклий Андроников был чрезвычайно застенчивым человеком. Он часто вспоминал, как на университетских экзаменах «терялась связь между мозгом и языком», и «язык выводил необыкновенные ответы». В автобиографическом рассказе «Первый раз на эстраде» Ираклий Андроников описал свой провальный дебют в качестве музыкального лектора.

«Я услышал очень громкий свой голос:

— А се... во... ды... ня мы испол... ням Та... нее... ва Пер... вую сим... фонию Танеева. Це-моль. До минор. Первую симфонию Танеева. Это я к тому говорю, что це-моль — по-латыни. А до минор... тоже по-латыни!

Подумал: «Господи, что это я такое болтаю!» И ничего больше не помню! Помню только, что зал вдруг взревел от хохота! <...> Я понял, что провалился. <...> Бегаю среди инструментов и оркестрантов, путаюсь, и снова меня выносит к дирижерскому пульту. В зале валяются со смеху».

Ираклий Андроников, отрывок из рассказа «Первый раз на эстраде»

Этот автобиографический рассказ, написанный в сатирических традициях Аркадия Аверченко и Михаила Зощенко, был очень популярен у советских читателей, по нему сняли фильм-концерт.

Позже Ираклий Андроников создал свой жанр выступления — устный рассказ. Он писал: «Когда я выхожу на эстраду, рассказ рождается как импровизация и растет в процессе исполнения. Отливается сразу, без подыскивания слов, без помарок». Андроников легко импровизировал и искрометно шутил, подражал чужим голосам и перевоплощался в разных героев, хотя никогда не учился актерскому мастерству. Его выступления называли «театром одного актера».

«И началось необыкновенное зрелище. Как он рассказывал! Я говорю так не потому, что на сцене был дяденька, который нас

привел. Это нельзя забыть. Я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то в театре стоял и рассказывал от себя так просто, естественно, а все смеялись и даже ржали».

Валентин Гафт

В 1954 году Ираклий Андроников впервые выступил на телевидении. Его «театр слова» стал одной из самых популярных передач, а устные рассказы выходили циклами «Ираклий Андроников рассказывает».

Ираклий Андроников очень любил и всю жизнь изучал творчество Михаила Лермонтова. Он публиковал статьи о неизвестных фактах биографии поэта, защитил кандидатскую диссертацию «Разыскания о Лермонтове». Андроников написал монографию «Лермонтов в Грузии в 1837 году», которую ему засчитали как докторскую, и девять книг о жизни поэта. Исследователь представлял свои работы в новой для тех лет форме. Это были эссе, в которых научные факты и выводы дополнялись интересными подробностями, изложенными простым и живым языком. В 1981 году Андроников издал Лермонтовскую энциклопедию, в которой обобщил все свои исследования.

И.Л. Андроников
Образ Лермонтова
(в сокращении)

Когда, по окончании юнкерской школы, Лермонтов вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк и впервые надел офицерский мундир, бабка поэта заказала художнику Ф.О. Будкину его парадный портрет. С полотна пристально смотрит на нас спокойный, благообразный гвардеец с правильными чертами лица: удлинённый овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой, правильной формы нос, щегольские усики над пухлым ртом. В руке — шляпа с плюмажем.

Всматриваясь в изображения Лермонтова, мы понимаем, что художники старательно пытались передать выражение глаз. И чувствуем, что взгляд не уловлен. При этом — портреты все разные. Пожалуй, наиболее убедительны из бесспорных портретов Лермонтова — беглый рисунок Д. П. Палена (Лермонтов в профиль, в смятой фуражке) и акварельный автопортрет: Лермонтов

на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печально-взволнованными глазами. Два эти портрета представляются нам похожими более других потому, что они внутренне чем-то сходны между собой и при этом гармонируют с поэзией Лермонтова.

Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта. Они ускользали не только от кисти художников, но и от описаний мемуаристов. И если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлении о его внешности совершенно расходятся между собой. Одних поражали большие глаза поэта, другие запомнили выразительное лицо с необыкновенно быстрыми маленькими глазами.

Глаза маленькие и быстрые? Нет! Ивану Сергеевичу Тургеневу они кажутся большими и неподвижными: «Задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз». Но один из юных почитателей Лермонтова, которому посчастливилось познакомиться с поэтом в последний год его жизни, был поражен: «То были скорее длинные щели, а не глаза, — пишет он, — щели, полные злости и ума». На этого мальчика неизгладимое впечатление произвела внешность Лермонтова: огромная голова, широкий, но не высокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивавшееся узким подбородком, желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики, коротко стриженные волосы. И — сардоническая улыбка...

А один из приятелей Лермонтова пишет о милом выражении лица. Один говорит: «широкий, но не высокий лоб», другой: «необыкновенно высокий лоб». И снова: «большие глаза». И опять возражение: нет, «глаза небольшие, калмыцкие, но живые, с огнем, выразительные». И решительно все стремятся передать непостижимую силу взгляда: «огненные глаза», «черные как уголь», «с двумя углями вместо глаз». По одним воспоминаниям, глаза Лермонтова «сверкали мрачным огнем», другой мемуарист запомнил его с «пламенными, но грустными по выражению глазами», смотревшими на него «приветливо, с душевной теплотой».

...Сам Лермонтов смеялся над собой, говоря, что судьба, будто на смех, послала ему общую армейскую наружность.

Не только внешность, но и характер его современники изображают между собой так несхоже, что временами кажется, словно речь идет о двух Лермонтовых. Одним он кажется холодным, желчным, раздражительным. Других поражает живостью и веселостью. Одному вся фигура поэта внушает безотчетное нерасположение. Другого он привлекает «симпатичными чертами лица». «Язвительная улыбка», «злой и угрюмый вид», – читаем в записках светской красавицы. «Скучен и угрюм», – вторит другая. «Высокомерен», «едок», «заносчив» – это из отзывов лиц, принадлежавших к великосветскому обществу. А человек из другого круга – кавказский офицер А. Есаков, бывший еще безусым в пору, когда познакомился с Лермонтовым, – вспоминает: «Он школьничал со мною до пределов возможного, а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймет мой пыл».

И совсем другой Лермонтов в изображении поэта – переводчика Лермонтова на немецкий язык: «В его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение». И снова – портрет, открывающий новые грани характера, – воспоминания князя М.Б. Лобанова-Ростовского, с которым Лермонтов встречался в Петербурге, в компании своих сверстников: «С глазу на глаз и вне круга товарищей он был любезен, речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна. Но в своем обществе это был настоящий дьявол, воплощение шума, буйства, разгула, насмешки...».

Очевидно, Лермонтова можно было представить себе только в динамике – в резких сменах душевных состояний, в быстром движении мысли, в постоянной игре лица. А кроме того, он, конечно, и держался по-разному – в петербургских салонах, где подчеркивал свою внутреннюю свободу, независимость, презрение к светской толпе, и в компании дружеской, среди людей простых и достойных.

Лермонтов терпеть не мог рисоваться и, как пишет один из его современников, имевший случай беседовать с людьми, хорошо его знавшими, был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними полон женской деликатности и юношеской горячности. «Оттого-то до сих пор в отдаленных краях

России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, более, чем драгоценность». Эти строки взяты из журнальной статьи писателя А.В. Дружинина, высоко ценившего поэзию Лермонтова. Побывав на Кавказе, когда там еще была свежа память о нем, Дружинин близко узнал одного из друзей и сослуживцев поэта – Руфина Дорохова. Тот много рассказывал о Лермонтове. И кроме беглых впечатлений, изложенных на страницах журнала, Дружинин написал в 1860 году на основе этих рассказов большую статью о поэзии Лермонтова, о его характере и судьбе.

В свое время эта статья осталась ненапечатанной и обнаружена только теперь, столетие спустя. Она хотя и опубликована, но мало кому известна. А между тем мы находим в ней разъяснение многих черт личности Лермонтова и загадок его судьбы. Статья эта проливает некоторый свет на непостижимый творческий подвиг Лермонтова, за четыре с небольшим года после гибели Пушкина создавшего величайшие творения романтической поэзии – «Демона», «Мцыри», эпическую «Песню про царя Ивана Васильевича...»; полную тонкой иронии по отношению к себе и к романтическому направлению в литературе поэму, названную им «Сказкою для детей», и гениальный роман «Герой нашего времени», знаменовавший начало русской психологической прозы, сборник стихов, означивший целый период в истории русской лирики, и другой поэтический сборник, которого в печати увидеть Лермонтову не довелось. Не только гениальный поэтический дар, но и великая устремленность, могучая творческая воля, непрестанное горение помогли ему наполнить творчеством каждый миг его краткой жизни.

...Еще при жизни Лермонтова консервативная критика объявила его талант «протеистическим», собирательным, заключающим в себе отголоски различных влияний, отказывала ему в оригинальности. В противовес этому, прогрессивная критика и широкая публика вслед за В.Г. Белинским и Н.Г. Чернышевским восприняли поэзию Лермонтова как явление глубоко самобытное.

Великая человечность Лермонтова, пластичность его образов, его способность «перевоплощаться» – в Максима Максимыча, в Казбича, в Азамата, в Бэлу, в княжну Мери, в Печорина, со-

единение простоты и возвышенности, естественности и оригинальности – свойства не только созданий Лермонтова, но и его самого. И через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека – грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделенного могучими страстями и волей и пронизательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого.

Пальман Лия Михайловна



Л.М. Пальман (01.04.1930-3.06.2016) – учитель русского языка и литературы, автор и составитель учебника по родной литературе «Слово о родной земле». Родилась в Пензе, но детство провела в Витебске. Летом 1941 г. одиннадцатилетнюю Лию отправили в пионерский лагерь, и первые дни войны она провела там. Семье удалось эвакуироваться – почти случайно они очутились в Пензе.

В своем интервью для газеты «Улица Московская» вспоминает свое первое впечатление о Пензе: «Первое мое впечатление, очень сильное, состояло в том, что все тротуары, по которым мы ходили, были дощатыми. Знаете песню: «А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы»? Вот это были те самые мостовые». Дома в Пензе тогда тоже были почти все деревянные. В редких каменных зданиях располагались, как правило, официальные учреждения.

В Пензе Лию оформили в школу. Туда она ходила даже летом: в это время детей привлекали к прополке грядок, к сбору лекарственных трав. Кроме того, школьники помогали вылавливать из Суры бревна, что шли по реке. Взрослые подтаскивали баграми мокрые бревна к берегу, а дети складывали их в штабеля на просушку. Лия Пальман: «Очень четко помню, как узнали о Победе, об окончании войны. Радио у нас не выключалось круглые сутки, это понятно. И вот ночью, в 2 часа, заговорило радио. Сообщили о победе. Брат и бабушка, кажется, остались дома спать, а мы с мамой сразу оделись и вышли на улицу. Меня поразило огромное

количество людей. Я ни на одной демонстрации не видела такого. Причем особых разговоров меж ними не было. Люди просто шли и ощущали себя братьями. Побратались во имя Победы».

Окончив школу с медалью, Лия в 1953 году поступила на филологический факультет в Ленинградский государственный университет. Преподавателями Лии Пальман были люди, чьи труды легли в основу советской филологии и литературоведения. Это Виктор Жирмунский, Владимир Пропп, Борис Томашевский, Борис Ларин – столпы, легенды, отцы-основатели. Введение в литературоведение читал Григорий Гуковский, знаменитый исследователь творчества Пушкина и Гоголя. Преподавал в те годы и яркий филолог, знаток Радищева Георгий Макогоненко. А будущий писатель Федор Абрамов в то время был аспирантом и читал студентам лекции о Шолохове³⁴.

После окончания университета выпускников распределили по сельским школам. Лия Пальман отработала 2 года во Владимирской области, а потом в 1955 г. вернулась в Пензу, преподавала в школе рабочей молодежи и в средних школах Пензы. С 1976 года была заведующей кабинетом русского языка и литературы Областного института усовершенствования учителей. Автор программы, учебников, методических рекомендаций по литературному краеведению.

Как педагог Лия Пальман заработала себе очень хорошую, чуть ли не легендарную репутацию. У учителей, проходивших переподготовку по ее лекциям, оставались самые благоприятные впечатления.

Сама Лия Пальман полагает, что секрет ее успеха кроется в большом опыте работы в школе: «Я ведь приходила к учителям с разработками уроков. Вначале я сама через все это прошла, а потом могла своим коллегам сказать, что продуктивно, что не очень, откуда взять материал, а какой брат не стоит. А еще, наверное, это умение общаться с аудиторией. Люди обычно прислушивались к тому, что я говорила».

Следует понимать, что в послевоенные годы изучение литературы велось под вполне определенным углом. Некоторые вещи были табуированы, некоторые преподавались, но особым обра-

³⁴ Вишневский К.Д. Пальман Лия Михайловна // Пензенская энциклопедия. Москва, 2001

зом. Например, к Достоевскому и Есенину отношение было резко отрицательное. Такого писателя, как Булгаков, вообще в те годы как бы не существовало.

Из произведений современной литературы Лия Михайловна выделяла Захара Прилепина, Людмилу Улицкую. На вопрос «Куда идет российская литература?», она отметила: «Я думаю, она идет в сторону разнообразия. Многообразие манер, описываемых явлений жизни. Еще я думаю, что в литературе усиливается роль документального начала. Да и не только в литературе, вообще в искусстве. А вообще, куда идет любое искусство, определяется тем, появляются ли в нем гениальные мастера. А предугадать это невозможно. Я думаю, что русская литература сейчас идет к рождению какого-то гениального открытия»³⁵.

Савин Олег Михайлович



О.М. Савин (24.07.1933-3.07.2009) – журналист, краевед. Родился в д. Овино Тихвинского района Ленинградской области. В 1944 году семья переехала в Пензу, так как отца перевели в эти края на должность заведующего сектором пропаганды обкома ВКП(б).

Здесь он окончил среднюю школу №2, Пензенский педагогический институт имени В.Г. Белинского с отличием. Работал в Городищенской районной газете и 10 лет в «Пензенской правде».

Кандидат филологических наук (1979), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1993), лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова.

За время своей работы в Пензенском крае внес значительный вклад в развитие культуры, истории, краеведения нашей области, является автором более 50 книг, посвященных Пензенскому краю.

В 1950 г. Олег Михайлович завершил учёбу в школе и поступил на историко-филологический факультет ПГПИ им. Белинско-

³⁵ Инюшев А. Литература в ожидании гения // Улица Московская, 2015. 29 мая. №20

го, который окончил с отличием. Еще в студенческие времена Савин заинтересовался литературой: занимался её изучением и сам писал стихи. В 1955 г. в сборнике студенческих научных работ публикуется статья Олега Михайловича «Рифма Маяковского». С 1954 г. по 1956 г Савин служил в Краснознамённой дивизии им. Калинина и даже в армии не забывал про творчество.

У Олега Михайловича богатый послужной список: он работал в районной газете «Заря коммуны» Городищенского района Пензенской области, в областной газете «Пензенская правда» (1960-1970); старшим редактором литературно-драматических передач Пензенской областной студии ТВ (1971-1973). С 1992 года являлся заведующий отделом истории и краеведения пензенского областного литературного журнала «Сура» и членом редакционной коллегии и редакционного совета «Пензенской энциклопедии».

О.М. Савин является автором около 50 книг историко-литературного и краеведческого жанра. Успех в масштабах страны принесла Савину книга «Пенза литературная», выпущенная в 1977 г. и переизданная в 1984 г. В ней автор рассказывает о различных пензенских писателях и о литературной жизни пензенской земли, затрагивая не только современность, но и губернские времена.

23 июля 2010 года на стене дома по улице Попова, 8 в г. Пензе, в котором он много лет жил и работал, была установлена мемориальная доска.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. Как вы считаете, в чем особенность жанра литературных исследований?
2. О каком писателе или поэте Пензенского края вы бы хотели узнать больше? Почему?
3. Какие особенности современной литературы выделяет Л.М. Пальман?

Прочтите дополнительно:

1. Андроников И.Л. «Первый раз на эстраде»
2. Кузьмин Н.В. «Страницы былого»
3. Марков С.Н. «Вечные следы»
4. Неводов Б.С. «Бриллиантовый князь»
5. Савин О.М. «Пенза литературная»

Подготовьте конспекты текстов:

1. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура. Взгляд изнутри. – Пенза, 2004.
2. Тюстин А.В. История Пензы. Причастны. – Пенза, 2009.
3. Палесских М.Р. Памятники материальной культуры Пензенской области. – Пенза, 1976.

Раздел 6. Современные авторы Пензенской области

Наступление XXI века ознаменовано большим разнообразием литературной жизни. Развитие цифровых технологий позволяет заметно ускорить не только процесс работы над произведениями, но и их издания, коммуникации между авторами и читателями, расширением возможности опубликования своих произведений. Наряду с т.н. академической литературой развивается журналистское творчество, индивидуальные авторские жанры и многое другое.

Пензенский край подарил мировой литературе множество имен, которыми можно гордиться, но и сегодня есть авторы, наши земляки, которыми мы уже сейчас можем гордиться как достоянием отечественной и даже мировой литературы. И хотя лишь время порой указывает на настоящие шедевры, но еще более важно знать и ценить современников, достойных признания и уважения. Авторы, которые посвятили свою жизнь самоотверженному и подлинному писательскому труду, литературным исследованиям, развитию культуры нашей малой родины.

Горланов Геннадий Елизарович



Г.Е. Горланов (родился 16.03.1941, Пенза) – поэт, литературовед, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России.

В 1958 году окончил городскую среднюю школу №19, в 1966 году – историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского, где и остался преподавать, а затем – аспирантуру МГПИ имени В.И. Ленина (по кафедре «Советская литература»).

В 1972 году Геннадий Горланов защитил кандидатскую диссертацию, в 1979 году стал заведующим кафедрой литературы и методики ее преподавания, а в 1987 году – деканом факультета

русского языка и литературы. В 2005 году он вновь был назначен на должность заведующего кафедрой.

Геннадий Горланов входил в редакционную группу при подготовке «Пензенской энциклопедии», возглавляя в ней отдел культуры. Он автор 10 литературоведческих и 11 поэтических книг, 80 научных статей. Он печатался не только в местной прессе, но и в журналах «Октябрь», «Волга», «В мире книг», «Литература в школе», «Сура». В 1997 году Геннадий Горланов был принят в члены Союза писателей.

Основные сочинения: «Николай Почивалин», «Литературное краеведение в школе», «Откровение», «За страницами учебника», «Колокола памяти», «Очерки истории культуры Пензенского края», «Колокола любви и веры», «Дороги в мир знаний», «Зов памяти», «Листает время календарь».

Г.Е. Горланов
Баллада о комсомольском значке
(Коле Куленко)

Никогда он не был в комсомоле,
Но хранит заветный сундучок.
Средь наград –
В нём память друга Коли –
Комсомольской юности значок.
Не забыть солдату-ветерану
Бой.
Высотку.
Сорок третий год.
Рваную осколочную рану,
Петькин замолчавший пулемёт.
Враг спешил занять высотку с лёту.
Виден был злорадный их оскал.
– К пулемёту, Коля, к пулемёту! –
Лейтенант израненный стонал.
Зубы сжав, оставив след кровавый,
К пулемёту всё-таки дополз
И косил фашистскую ораву,
И летели гады под откос.

Отступили фрицы от высоты,
Спрятались за речкой Краснотал.
Лейтенант в кровавой гимнастёрке
На руках у друга умирал.
Он лежал,
Исполнив долг солдата,
Одного годок.
Тёзка.
Землячок.

И держал в ладони, крепко сжатой,
Пулей искорёженный значок.
Паренёк не ведал о забвенье,
Верил в справедливый идеал.
Потому на вечное хранение
Идеал тот другу передал.
– Дядя Коля, так давно то было,
Унеслось неведомо куда.
Комсомол страна теперь забыла,
Правят бал сегодня господа.
Веру вновь сменили на безверье,
Не понять Россию нам никак...
За окошком май качнул деревья,
Ветерок расправил пёстрый флаг.
Завернул дядь Коля козью ножку,
Как на фронте, табачком набил,
Костылём с трудом открыв окошко,
Не спеша про жизнь заговорил:
– Мне уже за вами не угнаться.
Занемог. Такие, брат, дела.
Господа же пусть себе плодятся,
Только бы Рассеюшка жила.
От друзей обиды я не скрою.
Лишь одна осталась просьба к вам:
Положите тот значок со мною.
Я его там Кольке передам.

Дорошина Вера Анатольевна



Родилась 29 сентября 1979 года в Пензе. Окончила факультет русского языка и литературы (отделение журналистики) ПГПУ им. В. Г. Белинского. Работала редактором в университетском издательстве, международном ООО НИЦ «Социосфера», пресс-секретарем городского Управления культуры. В настоящее время занимается журналистикой.

Автор 10 поэтических сборников: «Слова на ветру», «Двери метафор», «Призрачные пристани» и др., многих публикаций в губернских, российских и зарубежных альманахах, коллективных сборниках и журналах.

Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, конкурса имени А. И. Куприна «Гранатовый браслет», журнала «Сура». Член Союза писателей России. Живет в Пензе.

В.А. Дорошина Русская тоска

Над мутным мороком окраин,
как гость из сказочной страны,
закат ладони простирает,
прося немного тишины.

Маршрут – домой от остановки
мне каждой рытвиной знаком.
Кричат базарные торговки
из года в год всё об одном.

Из века в век – всё тот же гомон
у расписного кабака.
И в проводах протяжным стоном
застыла русская тоска.

Куда идут все эти люди?

Какую боль в себе несут?
Кто их за скорбный скарб осудит?
Им серый быт – как страшный суд.

Незыблема предместий этих
движенья вяжущая стынь.
И облака в закатном свете —
лишь очертанья пустоты.

Кадникова Татьяна Владимировна



Родилась в 1970 году в Пензе. Окончила Пензенский педагогический университет им. В. Г. Белинского, Литинститут имени А.М. Горького. Работает в библиотеке.

Автор ряда книг. Публиковалась во всероссийских и зарубежных изданиях.

Член Союза писателей России. Живёт в г. Заречном Пензенской области.

Т.В. Кадникова

Я знаю многих гениев печальных...

Я знаю многих гениев печальных.
Талант их вдруг уперся в потолок!
Кричали «ах» им на порах начальных,
Носили на руках, словно хрустальных.
Но вот лавровый их увял венок.
И знаю тех, чей был талант неярк,
Но гнал азарт их, искорки в глазах.
Им небеса готовили подарок

Авансом даже – на свой риск и страх.
И победили жертвенность и жажда,
Умение взлететь над суетой.

Талант, живая жилка, бьется в каждом!
Но мало строить планы, жить мечтой –
Чтобы среди восторженного гула
Бесценный дар не выпустить из рук,
Осталось разбудить в себе Микулу,
Что день и ночь ведет по ниве плуг.

Кельх Виктор Викторович



В.В. Кельх родился 21 февраля 1941 года в г. Харькове, в семье служащих. После окончания Харьковского радиотехникума в июле 1960 г. был направлен в г. Заречный на Пензенский приборостроительный завод, входивший в Министерство среднего машиностроения.

Ступив на пензенскую землю
В те, очень давние, года,
Душой почувствовал: приемлю
И, может, даже – навсегда!

За 30 лет работы на заводе в качестве ведущего технолога участвовал в освоении и сборке значительного количества образцов ядерного оружия различного назначения. В 1962 г. был одним из организаторов литературного объединения «Радуга» в г. Заречном. Автор семи поэтических сборников. Главный редактор «Антологии поэзии закрытых городов Росатома» (2011).

Двадцать семь лет Виктор Викторович проработал на Базе оборудования ПО «Старт». Начинал техником, затем стал инженером-технологом по сборке ядерных боеприпасов (1960-1990 гг.). В 1973 году был награждён медалью «За доблестный труд». В 90-м году его избрали заместителем председателя, а затем и председателем городского Совета народных депутатов Заречного. Принимал активное участие в подготовке федерального закона о ЗАТО. С 1994 по 2009 год Виктор Викторович трудился в системе МЧС: был дежурным по городу при Администрации города, а затем уполномоченным по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Заречного.

Вся жизнь Виктора Кельха связана с литературным творчеством. Тягу к стихотворчеству он почувствовал ещё в детстве, первые стихотворения написал в шестнадцать лет. С 1969 г. печатается в газете «Пензенская правда».

Все большие и малые события своей насыщенной жизни поэт ещё раз проживал в стихах, тем самым стократно обогащая её.

Уже живём в предчувствии Зимы...
Но злимся на природу понапрасну,
Ведь как бы громко ни скрипели мы,
Но всё ж с тобой мы знаем:
Жизнь — прекрасна!

Виктор Викторович — один из организаторов городского литературного объединения «Радуга». На протяжении многих лет ему удавалось совмещать работу с огромной общественной деятельностью: художественная самодеятельность, лекционная и литературная работа.

Культурная жизнь в городе начиналась при его самом активном участии — первый в городе КВН, незабываемые вечера самодеятельности подразделений завода «Старт».

За свою творческую карьеру он выпустил несколько книг, которые вошли в сборники литературного объединения «Радуга»: «Живу не тем, что отболело...», «Ты меня зовёшь к себе, Поэзия...», «Окончен бал...», «Пока я чувствую – живу!», «Опять бушует май...», «Плач по Украине».

Циклы стихов были опубликованы в журнале «Сура», в «Антологии поэзии закрытых городов...». Итогом его творческой деятельности за полвека стала книга «Спаси и сохрани...».

Виктор Кельх — главный редактор «Антологии поэзии закрытых городов РОСАТОМА» (2011 г.), член Союза писателей России (2000 г.), лауреат Губернаторской премии в области литературы (2007 г.) и Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2013 г.).

Кириллов Михаил Иванович



Родился 14.01.1949 г. в Каменке Пензенской области. Поэт, педагог, член Союза журналистов РФ (1984), Союза писателей РФ (1995), ветеран труда. Окончил два факультета ПГПИ им. В.Г. Белинского, получил квалификацию «учитель русского языка и литературы» (1970), «учитель истории и обществознания» (1979).

Служил в ВС СССР (1971-1972), работал на ПО «Старт» в 1976-1995 техником-конструктором, экономистом, зам. главного редактора заводской газеты «Прогресс». С 1992 - руководитель литературного объединения «Радуга», с 1995 - редактор газеты «Лицей» (лицей №230), с 2003 - редактор детско-юношеской газеты «Четвёртое измерение» (Заречный).

Редактировал коллективные сборники «Радуга Заречья», «Подарите радугу любимым», «Антологию поэзии закрытых городов» и др. Воспитал более 50 победителей, призёров, лауреатов городских, областных, региональных и Всероссийских конкурсов юных поэтов, прозаиков, журналистов. Лауреат Всероссийского конкурса «Педагогические инновации» (2001), премии Губернатора Пензенской области в номинации «Литература» (2006), Всероссийского творческого конкурса «Овеянные славою флаг наш и герб» (2006).

Отмечен многочисленными Почётными грамотами Министерства образования Пензенской обл., городской Администрации Пензы и Заречного, «Пионерской правды», дипломами лауреата Всесоюзного, областных, городских смотров, знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (2002). Сочинения: сборники стихов «Звёздный путь», «Пульс города», П., «Верю, надеюсь, люблю...».

М.И. Кириллов
Крик

Крик сверху шёл, он падал, словно камень,
Ему тревожно вторила земля...
Я в небе, высоко, под облаками,
Не без труда заметил журавля.
Зовя кого-то, он летал по кругу,
Он душу рвал всем тем, кто на земле.
Быть может, потерял журавль подругу?
А может, друга оскорбил во зле?
А может быть, от стаи оторвался,
Не в силах одиночество снести?..
Одно лишь ясно: тот журавль метался,
Уверенность хотел он обрести...
Давно затих журавлик тот несчастный,
Он в небе был до боли одинок.
Его теперь я вспоминаю часто,
Жаль, что ничем помочь ему не смог.

Куленко Николай Андреевич



Николай Андреевич Куленко родился 7 ноября 1936 года на Украине. Детства не было: голод, холод, вдовьи стенания... Выжил чудом. Учился в сельской школе, ремесленном училище, работал металлургом, учился в школе рабочей молодёжи, служил в Армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в творческом семинаре Егора Исаева. Печатался в коллективных поэтических сборниках, в альманахе «Поэзия», в журналах «Донбасс», «Молодая гвардия», «Волга», «Сура». Издал 15 сборников стихотворений и поэм, в том числе «Рукопожатие огня», «Путевые костры», «Отсветы», другие.

Творчество Николая Куленко отражает в произведениях его время: военное лихолетье, послевоенное возрождение сёл, деревень, городов Отечества, жизнь в её будничных и в праздничных проявлениях.

14 лет возглавлял Пензенскую областную организацию Союза писателей России. Много сил отдавал становлению молодых литераторов Пензенского края. Создал Литобъединения: «Радуга», «Поиск».

Подвижнические литературные деяния Николая Куленко отмечены многочисленными благодарностями, престижными Почётными грамотами, в том числе от Правления Союза писателей России, правительства Пензенской области, Законодательного собрания, Дипломом победителя Всероссийского литературного Конкурса «Твои, Россия, сыновья», памятной медалью «Патриот России». Он является лауреатом Премии губернатора Пензенской области (дважды), лауреатом Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (дважды).

В свои 80 лет он продолжает активно работать, являясь заместителем председателя Правления Пензенской областной организации Союза писателей России, а также её литературным консультантом. За большой вклад в развитие литературы и культуры Пензенской области представлен к награждению Почётным Знаком губернатора Пензенской области «Во славу земли Пензенской».

Н.И. Куленко

Поляна пылала в цвету,
Да некогда мне восхищаться, -
Спешил я, авось обрету
Уменье с косой обращаться.

Я двигался, след волоча.
Коса, как лиса, воровато
Вдруг прыгала из-за плеча
И рушился цвет виновато...

Постиг я и ритм, и размах,
И прочие тонкости дела.

Но нет, не ходил в мастерах,
Литовка в руках не запела.

Я понял – искусство косить
Не в том, чтоб росистым рассветом
Под корень ромашки гасить, -
А в том, чтоб не помнить об этом³⁶.

Погорелая Елена Алексеевна



Елена Алексеевна Погорелая (род. 9 июня 1987, Заречный, Пензенская область) – российский литературный критик, редактор отдела современной литературы в журнале «Вопросы литературы», член редколлегии журнала «Литературная учёба» (с 2008). Окончила филологический факультет МГУ.

С 2006 года публикуется в литературных журналах: «Знамя», «Литературная учёба», «Новый мир», «Октябрь», «Вопросы литературы» и др. В 2007 году резонанс в литературной среде вызвала статья Елена Погорелой «Над бездонным провалом в вечность», посвящённая проблемам молодого поколения в русской поэзии.

Выступает с собственными стихами, за которые в 2003 году была удостоена премии имени Лермонтова. В 2005 году в Пензе выпустила сборник стихов «Дорога» (библиотечка литературного журнала «Сура»).

Е.А. Погорелая

Игра на публику? – Игра.
Припоминая каждый промах,
В широкий круг твоих знакомых
Войти с морозного двора –

³⁶ Источник: <https://rospisatel.ru/kulenko-stihi.htm>

И сразу вникнуть в разговор:
Мозаику сна и документа,
Где смысл текущего момента
Определим наперекор

Значению каждого из слов...
Никто не трогается с места,
Пока за окнами фиеста
Проходит с гулом рифм и снов.
И гаснет мир в своей тщете.
И слишком страшно временами
Тебя увидеть между нами –
И задохнуться в пустоте.

...Он сказал: пока, мол, хорош реветь из-за пустяка, мол, чего ты хочешь, я всё сказал, я тебе два года смотрел в глаза, у меня плацкарт через полчаса, мне давно пора на вокзал!..

Говоришь: ну, конечно, иди, пора. Мы с тобой простились ещё вчера, я вообще люблю тебя, как сестра, а что в слезах с утра – извини, жара... Все, иди скорей, со шпаной не пей. Будет время – пиши, окей?..

Он глядит, сквозной: «Золотой весной не дыши мне в спину, не сыпь казной, подо мной качается шар земной, жизнь проносится стороной! Города горят, и мосты горят. Я не сплю четвертую ночь подряд, а вокруг говорят – доигрался, брат, поделом тебе, говорят... Что ты шпаришь мне про свою тоску?! Я ночами дуло веду к виску, я хожу над бездной по волоску – расплети, развяжи, раскуй!.. А не можешь – к чертям, не хватает зла. У меня – друзья, у тебя – дела. Я сломил крыла, я сгорел дотла, я хочу, чтобы ты ушла!» ...Говоришь в ответ через двадцать лет: «У меня никого, мой любимый, нет, я тебе все время смотрела вслед – и глаза потеряли цвет. Я нашла твой страх на своей стерне: я хожу над пропастью по струне, я пляшу на проволоке в огне, в небесах – звезда, синева – на дне. И когда я буду кричать во сне, только ты не ответишь мне...».³⁷

³⁷ Погорелая Е.А. Стихи. Электронные источники: <https://promegalit.ru/publics.php?id=973>

Сорокин Ефим Евгеньевич



Родился 8.03.1961 года в Пензе в семье военнослужащих. Настоящее имя – Сергей Евгеньевич Жиркин. В 1983 году окончил Пензенский политехнический институт. Работал инженером на заводах и в НИИ, журналистом в газете. В 1993 г. был рукоположен в священники РПЦ и принят в Союз писателей России.

За роман «Гноище Иова» Ефиму Сорокину присуждена премия А. Солженицына. Писатель живёт в п. Сосновоборск Пензенской области.

В 2002 г. стал лауреатом Всероссийской Лермонтовской премии в номинации «Лучшее прозаическое произведение» за роман «Енох».

Его главным героем является ветхозаветный пророк Енох, живший, согласно Книге Бытия, до всемирного потопа и являвшийся потомком Адама в седьмом колене. Прожив 365 лет, пророк угодил Богу своей праведностью и был живым переселён на небо, являя образ покаяния для всех родов.

Автор попытался представить в романе ситуацию, предсказанную Апокалипсисом, когда в последние времена Енох вернётся для обличения антихриста. После того, как Енох был восхищен ангелами на небо и поставлен перед Богом, он возвращается на землю на недолгое время со знанием пророческого прошлого и пророческого будущего. Енох знает всё: и о грядущем потопе, и о рождении Христа, но тотчас по возвращении он не может подобрать нужных слов и говорит обступившим его родным о ДНК и остаточной радиации.

Когда происходит действие романа, Адам и Ева ещё живы, а естественная смерть ещё всем в диковинку. Землю населяют два народа: сифиты (потомки Сифа), поклоняющиеся истинному Богу, и каиниты (потомки Каина), поклоняющиеся падшим ангелам. Енох пытается помешать смешаться двум народам для того, чтобы не допустить губительное смешение их вер...

Роман «Енох» можно назвать романом-проповедью. Проповедь эта – призыв к покаянию и к борьбе с синкретизмом, который ратует за объединение всех религий, их взаимопроникновение и создание в результате этого некой мировой сверхрелигии. Проповедническая линия в романе не выпирает из текста, не кажется чем-то инородным, морализаторским, она естественным образом вплетена в захватывающий сюжет произведения³⁸.

Сухов Валерий Алексеевич



Родился 1 января 1959 в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. Поэт, литературовед, с 2004 года – член Союза писателей России. Свои первые произведения он опубликовал в районной газете в 1975 году.

В 1980 году Валерий Сухов окончил историко-филологический факультет ПГПИ имени В.Г. Белинского, после чего работал учителем в селе Павло-Куракино и Городищенском педагогическом училище. Свою педагогическую деятельность совмещал с активной творческой работой, овладевая секретами поэтического мастерства под руководством своего наставника, поэта Николая Куленко, в литературном объединении «Поиск».

С 1988 года Валерий Сухов работал на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. С этого времени его стихотворения часто публикуются на страницах пензенских газет «Молодой ленинец», «Пензенская правда», «Пензенские вести», «Наша Пенза». Поэт выступает с чтением своих произведений на пензенском радио и телевидении, на Лермонтовском празднике поэзии.

В 1996 году Валерий Сухов окончил аспирантуру при Московском педагогическом университете, а в 1997 году получил

³⁸ Сорокин Е.Е. Енох Электронный источник: <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/b88.html>

звание кандидата филологических наук. Его работа стала первой диссертацией, посвященной русскому имажинизму в России.

12 июня 2003 года, в День независимости России, на главной площади Города впервые прозвучал гимн этого города, словами которого стало стихотворение Валерия Сухова, сочиненное им 23 года назад. В июне 2005 года поэт был награжден премией губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года.

С июля 2006 года Валерий Сухов был включен в Общественный совет журнала «Сура», отвечает за творческие взаимосвязи издания с другими региональными литературными журналами. Кроме литературного творчества Валерий Сухов активно занимается научной деятельностью: неоднократно участвовал в международных научных конференциях, посвященных изучению поэзии Сергея Есенина³⁹.

В настоящее время Валерий Сухов изучает проблемы современного есениноведения и готовит монографию по теме, связанной с влиянием Михаила Лермонтова на есенинское творчество.

Валерий Сухов – автор четырех сборников стихов: «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая поляна» (2003), «Родное Архангельское» (2005). Тема большой и малой Родины – главная в творчестве поэта.

³⁹ Электронный источник: <https://penzanews.ru/region/encyclopedia/9997-2009>

Терехина (Дорошина) Лидия Ивановна



Л.И. Терёхина (Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области. Окончила художественно-графическое отделение Пензенского педагогического училища, факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического института.

Автор 30 поэтических и прозаических книг, на её слова написан ряд песен, выпущены два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат Всероссийских премий имени М.Ю. Лермонтова и «Моя малая Родина», трёх Губернаторских премий за достижения в литературе и нескольких других областного уровня. Награждена Знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень». Член Союза писателей России.

Л.И. Терехина Русь колдовская

Вожди плетут красивые слова
и примеряют к нашим головам
венцы терновые
или венки из трав —
полыни, череды, чертополоха...

Такая вот досталась нам эпоха.
Исчерпано доверие к словам.
Не верят ни себе, ни небесам,
ни храмам рухнувшим,
ни голым деревьям
ни пастырь,
ни последний выпивоха —
вдруг полыхнут

грядущею весной
не зеленью, а знаменем Аллаха.

Стерпели всё, что стало со страной,
с тобой, со мной...
Уже не имем страха.
Ведь ни петля, ни пуля и ни плаха
не губят нас,
а пустословья гон —
со всех сторон.

А вслед — народный стон —
под колокольный звон.
Под сладкий власти сон.
Но светел ликом скорбный Иисус:
всё стерпит рус —
и глад, и мор, и трус —
на каждый день
ему б лишь хлеба кус.
И в час последний — чистая рубаха.

Чолокян Владимир Тигранович



Родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Живет в Пензе.

Пензенский писатель Владимир Чолокян опубликовал свой дебютный роман «Железный повод» в журнале «Сибирские огни» — одном из старейших литературных журналов России. В нем печатались множество известных писателей, в том числе — Василий Шукшин. Также имя молодого человека попало в лонг-лист премии «Национальный бестселлер».

В.Т. Чолокян
Железный повод
(отрывок)

Спустившись с третьего этажа, Иван привычным взглядом осмотрел свою машину, ютившуюся в палисаднике. На улице стабильные февральские десять градусов, и можно парковаться, где расчистишь, не боясь возмущенных окриков соседских стариков. Иван уже направился к остановке, когда поворотники моргнули, мягко щелкнули замки, из открытой двери подъезда вышла жена в короткой, но пышной шубе – и села в их «шевроле-круз».

Не было ничего необычного в том, что на машине ездила жена. В конце концов, именно она стала инициатором этой обременительной покупки – Ивану вполне хватало автобуса. Что подделать, ради поддержания имиджа в глазах коллектива сотруднице страховой компании можно и поговеть каких-то пять лет. Тем более что экватор пройден и осталось два года.

Существует представление, что фасовщица с мясокомбината не притронется к колбасе, повар из забегаловки быстрого питания предпочтет сварить пельмени, банковский работник стороной обойдет ипотеку. Иван когда-то много рассуждал об этом. Работая в автосалоне менеджером по продажам, он никогда не находил во вращении баранки особого шарма.

Подходя к крыльцу дилерского центра, Иван по привычке поднял глаза на огромную синюю вывеску «Карград», словно за четыре года не насмотрелся. Сегодняшний день не предвещал никаких эксцессов, однако, как известно, мы ничего не можем знать наверняка. Было еще рано, павильон простаивал без посетителей, поэтому директору ничего не мешало начать орать, только завидев Ивана...⁴⁰

⁴⁰ Печатается по изданию: <https://www.сибирскиеогни.рф/avtor/cholokyan-vladimir>

Шигин Борис Владиленович



Б.В. Шигин родился 24 декабря 1952 в Балашове Саратовской области. Российский поэт, журналист, бард, главный редактор пензенского литературного журнала «Сура» (с 2003).

В возрасте 3 лет с родителями переехал в Пензу. Стихи и песни начал писать в ещё школе. Первая публикация Шигина состоялась в газете «За инженерные кадры» (1970).

Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского, филолог. Работал в школе, служил в рядах Советской армии в ГДР.

С 1976 по 2003 Шигин работал на Пензенской студии телевидения на должностях редактора передач для молодёжи, комментатора, зав. отделом, главного редактора авторских программ. Стал автором телепередач «В присутствии Пушкина», «Пензенская видеоэнциклопедия», «Тарханы с Тамарой Мельниковой», «Мой Лермонтов», «Семейное чтение». В качестве журналиста учился в Институте повышения квалификации Гостелерадио СССР в Москве. Лауреат Всесоюзных телевизионных фестивалей в Тбилиси, Баку, Львове.

В 1990-е гг. он проявил себя как активный автор журнала «Сура». Его стихи публиковались в российских литературно-художественных журналах: «Русское эхо», «Волга-21 век», «Подъём», «Искатель», «Странник», «Дни и ночи», «Москва», «Простор», в США, Израиле и Германии. С 1999 – автор и ведущий радиопередачи «Свидание с авторской песней» на «Мострадио» в Пензе. Борис Владиленович преподавал, стал инициатором и автором культурно-просветительской программы «В русле «Суры» и приложения к журналу, организатором клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура».

В 2007 Шигин стал лауреатом Лермонтовской премии за культурно-просветительскую деятельность по формированию единого культурного пространства в Пензенской области.

Лауреат премии Союза журналистов СССР им. В.А. Карпинского, премий Губернатора Пензенской области за достижения в области журналистики и литературы (1997, 2000, 2003), лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова (2007, 2008, 2014, 2019), член Союза писателей России (с 2001), Заслуженный работник культуры Пензенской области, Заслуженный работник культуры РФ (2010).

В 2021 году награждён медалью ордена «За заслуги перед Пензенской областью» (№205) и Золотым дипломом фестиваля «Золотой витязь» за книгу «Приходи ко мне иногда».

Штурмин Геннадий Владимирович



Родился 4 июля 1950 в с. Неверкино Пензенской области. Поэт, писатель, член Союза писателей СССР (1988). В детстве любил ходить в лес по грибы, бегал с друзьями на речку, помогал взрослым в уборке урожая. Если выдавалась свободная минутка, брался за кисти и карандаши, воспевал красоту земли родной в рисунках и стихах.

После окончания средней школы Геннадий Штурмин преподавал рисование и пение, работал художником-оформителем. С 1969 по 1971 года Штурмин служил в Советской Армии и был награждён медалью «За воинскую доблесть». После службы Геннадий Владимирович поступил в МГУ на факультет журналистики и успешно окончил его в 1979 году. Многие сокурсники стремились остаться в Москве, а Геннадий Владимирович вернулся на родину, работал в учреждениях культуры, корреспондентом районной газеты, инструктором в ГК КПСС; с 1984 начальник кузнечного агентства «Союзпечать».

Первые стихи и рассказы Геннадий Владимирович опубликовал в журналах «Советский воин», «Волга», в коллективных сборниках «Волжские зори», «Голос поля». Его произведения полюбили читатели. Написанные от души, проникнутые болью народа проникали они в сердца читателей. В 1984 году вышла первая повесть – «Каждый день – понедельник». Книга понравилась

лась большому кругу читателей. Геннадий Владимирович влюблен в свой родной край.

«Нельзя жить Иванами непомнящими родства, – уверен Геннадий Владимирович, – У народа, не знающего прошлого нет будущего!». Геннадий Владимирович «перелопатил» великое множество исторических документов и в 1997 году написал роман «Дикое поле». Это грандиозный роман – эпопея повествует более чем о вековом периоде истории кузнецкого края, о возникновении поселения Торулёво, преобразованного в город Кузнецк. За роман «Дикое поле» автор был удостоен премии администрации Пензенской области.

Задания для закрепления материала

Ответьте на вопросы:

1. В чем, на ваш взгляд, особенность современных литературных произведений? (на примере нескольких авторов)
2. Знакомы ли вы с кем-либо из современных пензенских авторов?
3. Какое стихотворение современных пензенских поэтов вам запомнилось? Как вы думаете, почему?

Прочтите дополнительно:

1. Вазерова А.Г. История и культура Пензенского края XX века: моногр. / А.Г. Вазерова, Л.А. Королева, Н.В. Мику. – Пенза: ПГУАС, 2015. – 192 с.
2. Культура Пензенского края [Электронный ресурс] : справ. пособие / Пугачева Н.П., Мавлюдов И.Н. – Пенза : РИО ПГСХА, 2012
3. Погорелая Е.А. Черубина де Габриак. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2020
4. Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К.Д. Вишневский. – Пенза: Министерство культуры Пензенской области, М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
5. Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. [В 3 т.]

Подготовьте доклады:

1. Литературный журнал «Сура».
2. Пензенские прозаики – наши современники.
3. Пензенские поэты – наши современники.
4. Литературный музей г. Пензы.
5. Пензенское отделение Союза писателей России: история и современность.
6. Альманах «Земля родная».
7. Литературная и культурно-просветительская деятельность О. Савина

Перечень заданий для проведения заочных экскурсий

1. Познакомиться с экспозициями Государственного музея-заповедника «Радищев».
2. Познакомиться с экспозициями государственного музея-усадьбы В.Г. Белинского.
3. Познакомиться с экспозициями Государственного музея-заповедника «Тарханы».
4. Познакомиться с экспозициями Дома-музея А.Г. Малышкина (г. Мокшан).
5. Познакомиться с экспозициями Литературного музея г. Пензы, его деятельностью.
6. Посетить музей В.О. Ключевского (г. Пенза).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов В.Д. Светло от простора: Стихи. Саратов, 1978.
2. Аникин С. На Чардыме. Саратов, 1969.
3. Анисимова А.П. Песни и сказки Пензенской области. Пенза, 1953.
4. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988.
5. Богданов А.А. В старой Пензе. Пенза, 1958.
6. Борисов Л. Волшебник из Гель-Гью. Романтическая повесть. Л.: Лениздат, 1945.
7. Вазерова А.Г., Королева Л.А., Мику Н.В. История и культура Пензенского края XX века: монография. Пенза: ПГУАС, 2015.
8. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: 2000.
9. Взоров Д. Писатель-юморист // Наша Пенза, №43, 23.10.2019.
10. Волков Н.Д. Театральные вечера. М., 1966.
11. Вишневский К.Д. Пензенская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
12. Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1968.
13. Гладков Ф.В. Повесть о детстве. М., 1971.
14. Гуль Р.Б. Конь рыжий. Автобиография. Электронный ресурс: https://vtoraya-literatura.com/pdf/gul_kon_ryzhy_1975_ocr.pdf
15. Задонский Н. Денис Давыдов. М., 1979.
16. Замайский П.И. Избранные произведения: В 2-х тт. М., 1973.
17. Зверев Ю. Имя в русских художествах. Саратов: Волга, 1985.
18. Звягинцева В. Радищев: Поэма. М., 1968.
19. Злобина Д.Д. Воскресенье вербное. М., 1991.
20. Инюшев А. Литература в ожидании гения // Улица Московская, №20, 29.05.2015.
21. Канин В.И. На тропе Батыевой. Саратов, 1968.
22. Карасев А.И. Дубравные дети. Стихи разных лет. Пенза, 1971.

23. Карасев А.И. Родниковый воздух. Саратов, 1978.
24. Кайманова Т.А. Самый романтичный чиновник в Пензе: князь Иван Михайлович Долгорукий. Электронный ресурс: <https://vk.com/muzlitpenza-80-literaturnyh-imen-samyi-romantichnyi-chinovnik-poet-ivan>.
25. Киреева Р. А. Ключевский В.О. // Пензенская энциклопедия. М., 2001
26. Кондрашкина А.В. Методические материалы. Электронный ресурс: <https://infourok.ru/user/kondrashkina-anna-viktorovna>
27. Короленко В.Г. В успокоенной деревне. Картинки подлинной действительности. М., 1971.
28. Кузьмин Н.В. Страницы былого. М., 1984.
29. Куленко Н.А. Рукопожатие огня: Стихи и поэма. М., 1978.
30. Культура Пензенского края: справочное пособие / Пугачева Н.П., Мавлюдов И.Н. Пенза: РИО ПГСХА, 2012.
31. Куприн А.И. Леночка. Царев гость из Наровчата. М., 1964.
32. Лажечников И.И. Заметки для биографии Белинского. Электронный ресурс: <https://litbit.ru/ru/lazhechnikov-ivan/zametki-dlya-biografii-belinskogo>.
33. Лесков Н.С. Железная воля. Мелочи архиерейской жизни. Очарованный странник. Умершее сословие. М., 1957.
34. Малышкин А.Г. Люди из захолустья. М., 1982.
35. Мариенгоф А.Б. Роман с друзьями // Октябрь, № 10-11, 1965.
36. Марков С.Н. Вечные следы. М., 1982.
37. Маяковский В.В. По городам Союза // Сочинения. М., 1967.
38. Михайлов А. Путешественники: очень скромный герой. Электронный ресурс: <https://nasledie.pravda.ru/1140390-hero>.
39. Неводов Б.С. Бриллиантовый князь. Саратов, 1960.
40. Обернихина Г.А., Антонова А.Г., Вольнова И.Л., и др. Литература: В 2 ч., 2018.
41. Погорелая Е.А. Стихи. Электронный ресурс: <https://promegalit.ru/publics.php?id=973>
42. Почивалин Н.М. Летят наши годы. М., 1980.

43. Петербург в русском очерке XIX века. Л.: Издательство ленинградского университета, 1984.
44. Погорелая Е.А. Черубина де Габриак. М.: Молодая гвардия, 2020.
45. Ракушин Ф. Зеленый шум. Саратов, 1983.
46. Ракушин Ф. Царь-ягода: Стихи. М., 1983
47. Рассказова Л.В. И во мне течет кровь Пензенская. Электронный ресурс: <http://www.penzahroniki.ru>.
48. Роцин М. 24 дня в Раю. М., 1981.
49. Савин О. Воспоминания о поэте // Пензенская правда, 24.03. 1966.
50. Савин О.М. Пенза литературная. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1977.
51. Савин О. М. Сорокин Борис Андреевич / Пензенская энциклопедия. М., 2001.
52. Сазонов А.А. Перекресток: Стихи. Саратов, 1976.
53. Салтыков-Щедрин М.Е. Приятное семейство. Старый кот на покое. Зиждитель [Помпадур и помпадурши]. М., 1969.
54. Самойлов Е.Г. Пензенский край в конце 18 века. Пенза: Пензенское книжное издательство, 1959.
55. Сергеев М.Д. Подвиг любви бескорыстной. М., 1975.
56. Симонов К.С. Стихи. М., 1964.
57. Слепцов В.А. Трудное время. Ночлег. Свиньи / Избранные произведения. М., 1970.
58. Смирнов В.Б. И.А. Крылов // Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов, 1964.
59. Смирнова М.П. Милая роща: Стихи. Саратов, 1967.
60. Смирнова М.П. Орловы. Пенза, 1967.
61. Сорокин Б.А. Страницы минувшего. Встречи с Сергеем Есениным. Электронный ресурс: <https://esenin.su/o-esenine/vospominaniia/sorokin-b-byvaiut-takie-vstrechi-kotorye-pomnish-vsegda>.
62. Сорокин Е.Е. Енох. Электронный ресурс: <http://kurskonb.ru/our-booke/slovo/doc/b88.html>

63. Сухова О.А. Пензенский край в истории культуры России. Пенза, 2014.
64. Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Пенза, 2012.
65. Устимкина Т. Платок для Марии, или зачем Горький приезжал в Пензу? // Пензенская правда от 28.03.2018.
66. Храбровицкий А. Русские писатели в Пензенской области. Пенза, 1946.
67. Хрусталева К. Вдохновляя на творчество. Электронный ресурс: <http://www.znamyatrud.ru/news-23-4304.html>
68. Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М.: Художественная литература, 1953.
69. Яшина Л. Время любви: Стихи. Саратов, 1987.

Анна Владимировна Дунаева

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для студентов, обучающихся по
программам среднего профессионального образования

Компьютерная верстка А.В. Дунаевой

Подписано в печать 28.11.2022

Формат 60×84 1/16

Бумага офсетная

Отпечатано на ризографе

Усл. печ. л. 13,95

Тираж 30 экз.

Заказ № 35

ПГАУ

г. Пенза, ул. Ботаническая, 30